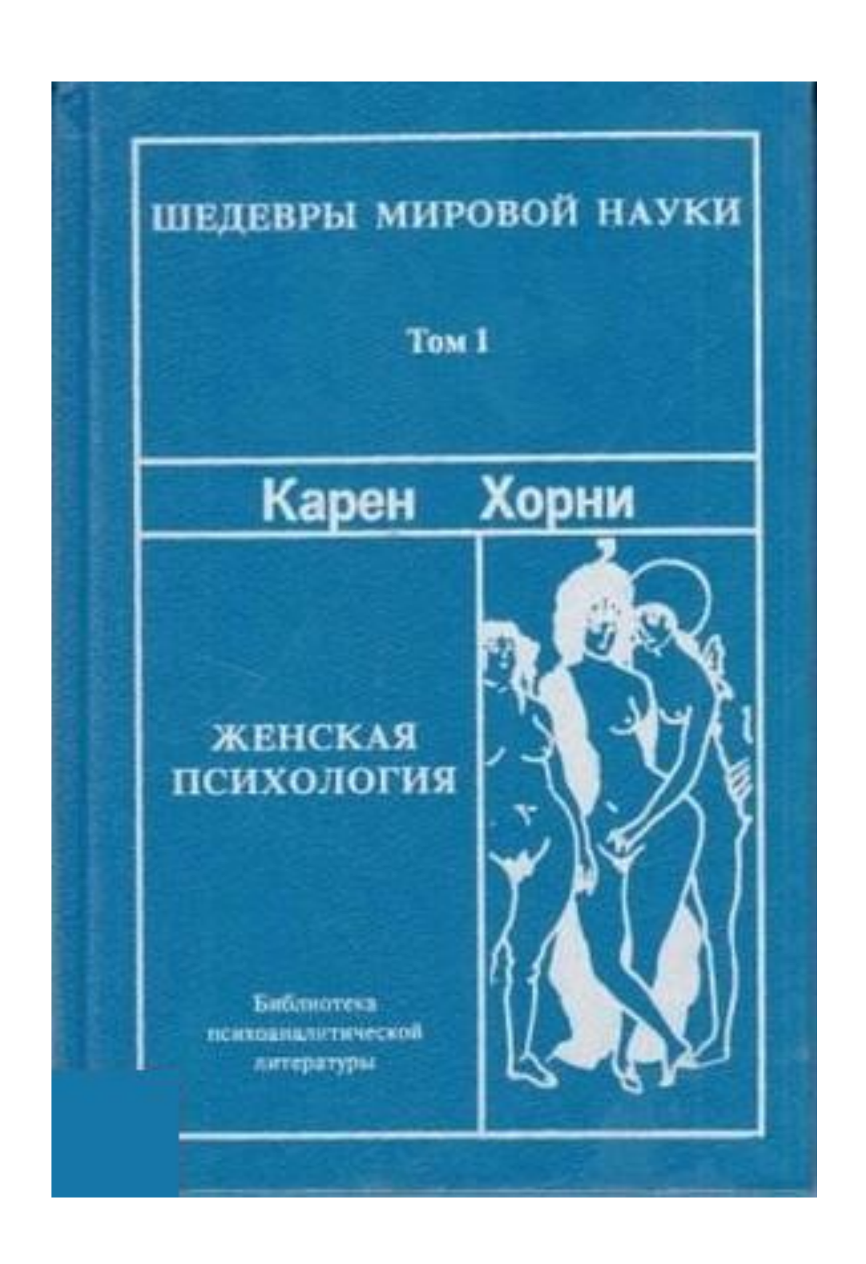

Карен Хорни

ЖЕНСКАЯ ПСИХОЛОГИЯ

Перевод с английского Е. И. Замфир Научная редакция: профессор М. М. Решетников и кандидат философских наук С. М. Черкасов

Литературная редакция русского текста и примечания М. М. Решетникова

ISBN 5-85-084-003-6 © Восточно-Европейский институт психоанализа, 1993

СОДЕРЖАНИЕ

ВОЗВРАЩАЯ ЗАБЫТЫЕ ИМЕНА Карен Хорни (1885—1952) принадлежит к плеяде выдающихся деятелей мирового психоанализа и, наряду с Хелен Дейч, является общепризнанным основателем науки о женской психологии. По вполне понятным причинам работы этих авторов вообще неизвестны отечественному читателю, в том числе специалистам — психологам и врачам, которые, как и все мы, до недавнего времени жили в бесполом обществе «товарищей» и «товарищей», где из трех основных сфер самореализации личности (труд, общение и секс) вторая была существенно ограничена идеологией, а третья — как социальная и научная категория, фактически запрещена, а следовательно — низведена до примитивного физиологического акта. Я позволю себе высказать предположение, что именно отсутствие научно обоснованных взглядов на полоролевую и психосексуальную дифференциацию личности в раннем детстве, десексуализация школьного и семейного воспитания и, как следствие — создание целой генерации граждан неопределенного пола, не в последнюю очередь привели к той моральной деградации семьи и общества в целом, свидетелями которой мы сейчас являемся. Трудно поверить, но на сегодняшний день наш Институт единственный на всей территории бывшего СССР, где читается курс женской психологии. Есть психология личности (также бесполой), преступности, торговли, политической борьбы и т. д., а женской — нет, хотя женщин у нас, надеюсь, все же больше, чем, например, преступников и политических деятелей. И лишь сейчас мы вновь возвращаемся к практически полностью забытому пониманию того, что мир состоит не из классов и сословий, не из богатых и бедных, не из начальников и подчиненных, которые всегда вторичны, а — из мужчин и женщин. Заслуга научной постановки этой проблемы в значительной степени принадлежит Зигмунду Фрейду (1856—1939) и его (не во всем согласной со своим учителем) последовательнице Карен Хорни. Карен Хорни родилась в Гамбурге в протестантской семье. Ее отец, Берндт Даниэльсен, был капитаном норвежского флота и глубоко религиозным человеком. Мать Карен — Клотильда

Ронзелен, датчанка по происхождению, наоборот, отличалась свободомыслием, которое, безусловно, унаследовала дочь. В юности Карен случалось сопровождать отца в долгих морских походах, где она приобрела страсть к путешествиям и дальним странам. Ее решение заняться медициной — не совсем обычный выбор для женщины начала двадцатого века — было принято под влиянием матери. Окончив Берлинский университет (1913) лучшей студенткой в группе, Хорни специализируется в области психиатрии и психоанализа. В двадцать четыре года она вышла замуж за берлинского юриста Оскара Хорни. Прожив с мужем двадцать восемь лет и воспитав трех дочерей, в 1937 году из-за различия интересов Карен разводится с мужем, и с этого времени полностью посвящает себя психоаналитическому движению. Безусловно талантливый врач и исследователь, Хорни стала доктором медицины в двадцать восемь лет, а к тридцати была уже одним из признанных преподавателей только что открывшегося Берлинского Института Психоанализа. Уже одна из первых ее статей «О происхождении комплекса кастрации у женщин» принесла ей европейскую известность. Персональный анализ К. Хорни прошла у Ханса Сакса — одного из ближайших сподвижников 3. Фрейда и основателя первого Психоаналитического Комитета (1913), а квалификацию обучающего аналитика она получила у Карла Абрахама, которого 3. Фрейд считал своим способнейшим учеником. Обучение у таких верных последователей Фрейда, казалось бы, должно было способствовать безусловной приверженности идеям классического психоанализа. Однако Хорни, практически с первых ее работ, начинает активно полемизировать с создателем психоаналитической теории, и, нельзя не признать, что в ряде случаев эта полемика была достаточно продуктивной, Причина этой неожиданной «конфронтации» яснее всего раскрывается самой Хорни. В 1926 году в работе «Уход от женственности» она писала: «Психоанализ — творение мужского гения, и почти все, кто развивал его идеи, тоже были мужчинами. Естественно и закономерно, что они были ориентированы на изучение сущности мужской психологии и понимали больше в развитии мужчины, чем женщины». С этим упреком трудно не согласиться, также как и с тем, что лишь дифференцированный подход к мужской и женской психологии открывает путь к разработке философии целостной личности. Холизм или «философия целостности», где объединяются объективное и субъективное, материальное и идеальное — составлял основу всех концептуальных подходов Хорни. Значительную роль в жизни Карен Хорни сыграл Франц Александер, который, декларировав свой отход от психоанализа и покинув из-за этого Берлин, на самом деле талантливо имплицировал аналитические подходы в американскую социальную психологию. Во многом сходным путем шла к созданию науки о женской психологии К. Хорни. Именно Ф. Александер в 1932 году пригласил Карен Хорни в Чикаго в качестве заместителя директора Чикагского Психоаналитического Института. Это был уже второй психоаналитический институт в США. Первый был открыт в 1930 году в Нью-Йорке. Для руководства им был приглашен из Берлина доктор Шандор Радо (1890—1972), который принес с собой дух ортодоксальности и традиций, существовавший в Берлинском Институте Психоанализа. Ф. Александер придерживался более широких взглядов и во многом способствовал преодолению изоляции психоанализа и приходу его в университеты и колледжи США. Проработав вместе около двух лет, Александер и Хорни признали, что их дальнейшее сотрудничество невозможно, так как у каждого был свой собственный путь. К. Хорни уезжает в Нью-Йорк, где в 1941 году организует Американский Институт Психоанализа, а позднее становится редактором-основателем «Американского Психоаналитического Журнала». Ей принадлежат десятки исследований, статей и книг, среди которых наиболее известны «Невротическая личность нашего времени» и «Женская психология», которое составят две первые книги издаваемой нами серии «Библиотека психоаналитической литературы». О причине такого долгого пути к российскому читателю мной уже говорилось, здесь же я считаю уместным отметить, что Российский Психоаналитический Институт был создан на двадцать лет раньше американского, но к тому периоду времени, когда появились эти книги, и

Институт, и издание Психологической и психоаналитической библиотеки под редакцией директора Института профессора И. Д. Ермакова были уже ликвидированы, естественно, как «оплот буржуазной идеологии», а многие выдающиеся, получившие мировое признание ученые-аналитики, были репрессированы, в том числе — уничтожены физически. В 1942 году в Бутырской тюрьме умер и профессор Иван Дмитриевич Ермаков, безусловно — талантливый клиницист, ученый и организатор, заслуги которого перед российской наукой и культурой еще не получили должной оценки. Повторное открытие нашего Института, возобновление систематической подготовки специалистов-аналитиков, исследовательской и издательской деятельности стало возможным лишь в 1991 году. Я не стану следовать достаточно распространенной традиции и пересказывать во вступлении содержание конкретных глав, а тем более — давать им оценку, предоставив это читателю. Хотя, должен признаться, не во всем согласен с автором. Но, думаю, было бы нечестно вступать с ним в полемику: книга была написана слишком давно, и слишком многое за это время переменилось и в нас самих, и в культуре, и в психоанализе. Вначале я делал достаточно много сносок, но затем, осознав, что нельзя вложить все основы психоаналитических знаний в примечания, отказался от излишних комментариев, сосредоточившись исключительно на попытке сохранения самобытности языка автора и поиске адекватных ему русских эквивалентов. Здесь же, уже после завершения работы над русским текстом книги, я хотел бы сделать только еще одно, но, как мне представляется, чрезвычайно важное примечание. Приступая к чтению книги, нужно постоянно помнить, что, также как и Фрейд, при изложении психопатологических комплексов, описании состояний и влечений, которые пока еще не имеют определенных языковых эквивалентов, автор достаточно часто прибегает к метафоре. Я сейчас попытаюсь еще раз объяснить и проиллюстрировать это. Когда Вы говорите собеседнику: «И тут я просто взорвался»,— ни одному нормальному человеку не придет в голову индентифицировать сказанное с реальным физическим процессом. Точно также психоаналитические термины в абсолютном большинстве случаев не могут быть непосредственно соотнесены с обыденными значениями образующих их слов или сочетаний, а лишь обобщенно и конвенциально характеризует те «соматические переживания», психические эквиваленты которых чрезвычайно разнообразны. Восприятие Эдипова комплекса только как инцестуозного стремления — удел дикого психоанализа и горе-аналитиков. И здесь я хотел бы еще раз подчеркнуть, что наполовину понятые идеи психоанализа куда опасней полного непонимания. К работе над этой книгой было причастно очень много людей — художников, корректоров, редакторов, наборщиков и печатников, каждый из которых заслуживает благодарности. Но я хотел бы выразить свою особую признательность переводчику — студентке нашего Института Елене Ивановне Замфир, которая не только взяла на себя труд по подготовке русского варианта книги (первоначально—в качестве курсовой работы), но и реально способствовала ее изданию, проявляя искреннюю заинтересованность, настойчивость и завидное терпение в контактах с научными редакторами. Я надеюсь также, что публикация этой книги даст дополнительный импульс не только новым подходам к терапии функциональных расстройств, но реально будет способствовать формированию нового самосознания современной российской женщины. Эта книга, названная автором «Женская психология», конечно же, и о мужчинах тоже. И я уверен, что ее прочтение не останется незамеченным для обоих полов, а, следовательно, позволит им лучше понять друг друга или, вернее — сделать хотя бы еще полшага на пути к недостижимому идеалу взаимопонимания. Профессор М. Решетников

О ПРОИСХОЖДЕНИИ КОМПЛЕКСА КАСТРАЦИИ У ЖЕНЩИН Доклад на VII Международном Психоаналитическом Конгрессе Берлин, сентябрь 1922, Int. J. Psycho-Anal., V, Part 1 (1924) Хотя наши сведения по поводу форм проявления комплекса кастрации у женщин постоянно дополняются, наше понимание природы этого явления

существенно не изменилось. В целом, изобилие и разнообразие собранного материала производит более сильное впечатление, чем сам удивительный характер этой феноменологии. А между тем, само явление вполне заслуживает самого пристального внимания. Изучение наблюдавшихся ранее форм комплекса кастрации у женщин и анализ сделанных из этих наблюдений выводов показывает, что до сих пор преобладающая концепция комплекса кастрации основывалась на некотором фундаментальном убеждении, которое можно кратко сформулировать так (я цитирую дословно по работе Абрахама): «Многие женщины и в детстве, и в зрелости периодически или даже постоянно испытывают страдания, связанные со своей половой принадлежностью. Специфические проявления ментальности женщин, возникающие из протеста против участи быть женщиной, берут свое начало от их детского страстного желания обладать собственным пенисом. Неприемлемая идея о собственной изначальной обделенности в этом отношении дает почву для пассивных фантазий о кастрации, в то время как активные фантазии порождаются мстительным отношением к мужчине, находящемся в привилегированном положении 2.» Как видим, в этой формулировке, в качестве аксиомы принимается тот факт, что женщины ощущают себя ущербными именно из-за своих половых органов. Возможно, с точки зрения мужского нарциссизма 3 здесь все кажется слишком очевидным, чтобы нуждаться еще в каких-то объяснениях. Тем не менее, чрезмерно смелое утверждение, что половина человечества недовольна своей половой принадлежностью и может преодолеть это недовольство только в особо благоприятных условиях, представляется совершенно неудовлетворительным, и не только с точки зрения женского нарциссизма, но и биологической науки. Вопрос, следовательно, стоит так: на самом ли деле встречающийся у женщин комплекс кастрации, который может приводить не только к развитию невроза, но составляет угрозу здоровому формированию характера или даже всей будущей судьбе женщин (вполне нормальных, способных к любой практической деятельности), базируются единственно на неудовлетворенном желании иметь пенис? Или это только (во всяком случае или по большей части) предлог, за которым скрываются иные силы, динамическое начало которых нам знакомо по механизму формирования неврозов? Я думаю, что к этой проблеме можно подойти с разных сторон. С чисто онтологической точки зрения я хотела бы выдвинуть (надеясь, что это будет способствовать решению обсуждаемой проблемы) некоторые соображения, которые все чаще и чаще приходили мне в голову за время моей многолетней практики. Сразу отмечу, что среди моих пациентов подавляющее большинство составляли женщины, у которых комплекс кастрации, в целом, был достаточно четко выражен. Согласно господствующей концепции, комплекс кастрации у женщин концентрируется вокруг идеи зависти к пенису (как синоним первого и второго, иногда используется термин „комплекс маскулинности"). Первый возникающий при этом вопрос: почему мы сталкиваемся с завистью к пенису, почти как с типичным явлением, даже тогда, когда женщина не ведет мужской образ жизни, не имеет ходившего в любимчиках брата, наличие которого объясняло бы эту зависть, и жизненный опыт женщины не включает «несчастных случаев», которые могли бы сделать для нее роль мужчины более желанной? Самым важным мне кажется сам факт постановки вопроса; раз он задан, ответы появятся быстро, из хорошо знакомого нам материала. Попытаемся сформулировать гипотезу, взяв для начала ту форму комплекса кастрации, в которой зависть к пенису, как представляется, наиболее часто проявляется непосредственно, а именно — в желании мочиться по-мужски. Критический анализ клинического материала позволит нам увидеть, что это желание состоит из трех компонентов, при этом в каждом конкретном случае ведущей может быть любая из них. Тот компонент, на котором я могу остановиться наиболее кратко, это уретральный эротизм 4. Этому фактору уже уделялось достаточно много внимания, как наиболее очевидному. Если мы хотим оценить тот вклад, который вносит в комплекс кастрации зависть, идущая от уретрального эротизма, мы должны прежде всего осознать нарциссическую переоценку 5 детьми экскреторного процесса.

Фантазии о всемогуществе, особенно садистского характера, нередко оказываются непосредственно связанными со струёй мочи, испускаемой самцом. Как пример этой идеи, один из множества, я могу рассказать то, что слышала от мальчиков из мужской школы: по их словам, когда два мальчика писают так, чтобы получился крест, человек, о котором они подумают в этот момент, умрет 6. Но, даже если признать, что ощущение ущербности своего положения возникает у девочек в связи с уретральным эротизмом, мы, тем не менее, преувеличили бы его роль, если бы, как это до сих пор делают различные авторы, прямиком относили на его счет любой симптом или любую фантазию, суть которых состоит в желании мочиться по-мужски. Скорее мы имеем дело совсем с другим явлением, и мотив, порождающий и поддерживающий это желание, думаю, следовало бы искать среди совершенно иных компонентов инстинкта 7, а именно — в активной и пассивной скоптофилии. Это предположение базируется на том, что именно при акте мочеиспускания мальчик может показать свои гениталии и увидеть их сам, ему даже предлагают сделать это, и, следовательно, он таким образом может удовлетворять свое сексуальное любопытство, по крайней мере к собственному телу, каждый раз, когда он мочится. Ощущение ущербности своего положения, корни которого лежат в скоптофилическом инстинкте, было особенно заметно у одной моей пациентки. Желание мочиться по-мужски некоторое время преобладало в ее клинической картине. В тот период она часто заявляла на сеансах о том, что видела, как на улице мочатся мужчины, и однажды воскликнула со всей непосредственностью: «Если бы я могла просить подарка у Провидения, я бы попросила хоть разочек пописать по-мужски». И далее она завершила свою мысль: «Уж тогда-то я бы знала, как я на самом деле устроена». То, что мужчины могут видеть, как они мочатся, а женщины нет, для этой пациентки, развитие которой в значительной степени остановилось на догенитальной стадии 8, было одним из главных источников ярко выраженной зависти к пенису. Также как женщина, вследствие того, что ее гениталии скрыты, представляет вечную великую загадку для мужчины, так и мужчина представляет собой предмет вечно живой зависти для женщины именно в связи с доступностью собственному взору его полового органа. Тесную связь между уретральным эротизмом и скоптофили-ческим инстинктом я наблюдала еще у одной моей пациентки, которую я назову Y. Она мастурбировала совершенно особенным образом, который символизировал акт мочеиспускания ее отца. В неврозе навязчивости, которым страдала эта пациентка, главным фактором был скоптофилический инстинкт: сильнейшее чувство тревоги явилось у нее результатом болезненной фиксации на мыслях о том, что ее видят во время мастурбации. Она таким образом давала выход давнему желанию маленькой девочки: «Я хочу, чтобы у меня тоже был половой орган, который я могла бы, как отец, каждый раз показывать при мочеиспускании».

Более того, я думаю, что этот фактор играет ведущую роль во всех случаях чрезмерной скромности и излишней стыдливости у девочек, и сделаю еще одно предположение: различие в одежде мужчин и женщин, по крайней мере в цивилизованном обществе, вероятно, можно свести к этому же обстоятельству — девочка не может выставить напоказ свои половые органы и поэтому в том, что касается ее эксгибиционистских тенденций 9, женщина регрессирует 10 до стадий, на которых желание показать себя еще приложимо ко всему телу. Это объясняет нам причину, по которой женщины носят декольте, а мужчины — пиджак. Я думаю также, что эта связь объясняет до некоторой степени критерий, который всегда упоминается первым, когда обсуждают разницу между мужчиной и женщиной, а именно: большую субъективность у женщин и большую объективность у мужчин. Объяснение состоит в том, что мужской исследовательский импульс находит удовлетворение в исследовании собственного тела и может или должен впоследствии быть направлен на внешние объекты; в то время как женщина, напротив, не может прийти к ясному знанию о себе и, следовательно, ей труднее стать свободной от себя самой. И, наконец, стремление, которое, как я полагаю, лежит в основе зависти к пенису, имеет третий компонент, а именно подавленное желание онанировать11, как

правило глубоко спрятанное, однако важное для понимания сущности явления. Я думаю, что можно было бы проследить связь этого желания вплоть до бессознательной (преимущественно) интерпретации позволения мальчикам держаться за свои гениталии во время мочеиспускания как позволения мастурбировать. Так, пациентка, бывшая свидетельницей того, как отец ругал свою маленькую дочь за то, что та своими ручонками трогала эту часть тела, сказала мне с возмущением: «Ей он это запрещает, а сам делает то же самое по пять-шесть раз в день». Легко можно видеть ту же связь идей, что и в случае пациентки Y, У которой мужской способ мочеиспускания стал решающим фактором в выборе способа мастурбации. Более того, в этом случае ясно, что она не сможет полностью освободиться от навязчивой мастурбации, пока будет бессознательно уверена, что должна быть мужчиной. Заключение, которое я вывожу из моего наблюдения над этим случаем, я думаю, довольно типичное: девочкам особенно трудно преодолеть желание мастурбировать, так как они чувствуют, что из-за разницы в строении тела им несправедливо запрещают то, что позволено делать мальчикам. В рамках рассматриваемой проблемы, мы можем объяснить это иначе и сказать, что разница в строении тела может легко привести к горькому ощущению несправедливости, и, таким образом, аргумент, позднее используемый для оправдания отказа от женственности (а именно тот, что мужчины пользуются большей сексуальной свободой), оказывается обусловленным подлинными переживаниями раннего детства. Ван Офюйзен в заключении к своей работе о комплексе маскулинности у женщин подчеркивает сильное впечатление, которое он вынес из своей психоаналитической практики, в частности, о существовании тесной связи между комплексом маскулинности, инфантильной мастурбацией на клиторе и уретральным эротизмом. Такая же связь, повидимому, может быть обнаружена и в только что изложенных мною соображениях. Эти соображения, предложенные как ответ на наш первоначальный вопрос, можно кратко обобщить: возникающее у маленькой девочки чувство неполноценности (на что также указывал в своей работе Абрахам), вне всякого сомнения первично. Ей кажется, что в сравнении с мальчиками она ограничена в отношении возможности удовлетворять определенные компоненты инстинкта, имеющие огромную важность в догенитальный период. Я думаю, что буду еще более точной, если скажу, что с точки зрения ребенка, находящегося на догенитальной стадии развития, это ограничение — реальный факт, и девочки действительно находятся в невыгодном положении по сравнению с мальчиками в отношении определенных возможностей получения удовлетворения. До тех пор, пока нам не будет достаточно ясна реальность этого невыгодного положения, мы не поймем, что зависть к пенису — почти неизбежное явление в жизни девочки, которое не может не осложнить ее развитие. Тот факт, что потом, когда она достигнет зрелости, ее сексуальная жизнь в творческом отношении будет даже богаче, чем у мужчины,— я имею в виду, что она станет матерью,— никак не может утешить маленькую девочку, так как лежит вне возможностей непосредственного удовлетворения ее инстинктов. Здесь я прерву эту линию размышлений, так как теперь я подхожу ко второй, более обширной проблеме: ограничивается ли обсуждаемый нами комплекс кастрации завистью к пенису или к нему надо относиться как к ширме, за которой скрывается основная причина? Начав с этого вопроса, мы должны попытаться понять, какие факторы определяют: будет ли комплекс зависти к пенису более или менее удовлетворительно преодолен или, наоборот, получая подкрепление, будет вести к регрессу личности до тех пор, пока не зафиксируется. Изучение этих факторов невозможно в подобных случаях без более детального исследования форм проявления и объектов либидо 12. Пойдя этим путем, мы находим, что девушки и женщины, желание которых быть мужчиной часто просто бросается в глаза, в самом начале своей жизни прошли через фазу чрезвычайно сильной фиксации на отце. Другими словами: сперва они пытались преодолеть Эдипов комплекс 1Э нормальным путем, сохраняя первоначальное отождествление с матерью, и, как и мать, избирали отца в качестве объекта любви. Мы знаем, что на этой стадии существуют два

возможных пути преодоления комплекса зависти к пенису без неблагоприятных последствий для самой девочки. Через аутоэротическое 14 нарциссическое желание пениса она может придти либо к женской установке стремления к мужчине (отцу), и именно посредством отождествления себя с матерью, либо к материнской установке желания иметь ребенка (от отца). Такое освещение последующей любовной жизни как здоровой, так и девиантной женщины призвано показать, что (даже в самых благоприятных случаях) первоисточник, или, во всяком случае, один из источников и той, и другой установки является нарциссическим по характеру, а по природе — стремлением к обладанию. В рассматриваемых случаях такое развитие женского и материнского начала, очевидно, имело место в значительной степени. Например, у пациентки Y, чей невроз, как и все прочие, на которые я буду здесь ссылаться, носил «клеймо» комплекса кастрации, было множество фантазий; связанных с насилием и указывающих на фазу фиксации на отце. В мужчинах, которые представлялись ей в роли насильников, всегда безошибочно угадывался образ ее отца. Следовательно, эти фантазии нельзя рассматривать иначе, как навязчивое повторение основной фантазии, в которой пациентка (чувствовавшая себя, кстати, до довольно поздних лет одним целым с матерью), переживала чувство сексуальной принадлежности отцу. Следует отметить, что данная пациентка, сохранявшая во всех прочих отношениях полную ясность рассудка, в начале анализа была очень склонна считать свои фантазии об изнасиловании действительно имевшим место событием. В других случаях также наблюдалось — хотя и в иной форме — подобное «цепляние» за вымысел, за то, что эта (наиболее частая у женщин) фантазия — реальный факт. От другой пациентки, которую я назову X, я слышала бесчисленные высказывания, содержавшие прямые доказательства того, насколько реальными казались ей ее любовные отношения с отцом. Однажды, например, она припомнила, как отец пел ей любовную песню, и вместе с этим воспоминанием у нее вырвался крик разочарования и отчаяния: «И все это было ложью!» Та же идея проявилась в одном ее симптоме, на котором я хочу остановиться, как на весьма характерном для всей группы анализируемых случаев: временами X в больших количествах ела соль. В раннем детстве моя пациентка много раз видела, как ее матери приходилось есть соль из-за случавшихся с ней легочных кровотечений, и бессознательно считала их результатом половых отношений между родителями. Симптом, таким образом, отражал бессознательное стремление пациентки пережить с отцом все то же, что и мать. Это же стремление побуждало ее считать себя проституткой (на самом деле она была девственницей) и толкало к исповеди перед каждым новым объектом любви. Многочисленные наблюдения подобного рода показывают нам, как важно понимать, что на ранней стадии психосексуального развития (в результате онтогенетического повторения филогенетического опыта) девочка выстраивает, как правило, на основе (враждебного или любовного) отождествления себя со своей матерью, фантазию о полном сексуальном присвоении отцом; более того, она создает фантазию о том, что все это реальный факт, причем настолько, насколько это могло произойти в те далекие 15 времена, когда все женщины первоначально являлись отцовской собственностью. Нам известна естественная участь этих фантазий — реальность их разрушает. В тех случаях, когда в дальнейшем начинает доминировать комплекс кастрации, эта фрустрация 16 часто превращается в глубокое разочарование, следы которого проявляются в неврозе. Таким образом появляются более или менее существенные нарушения в развитии чувства реальности. В процессе сеансов анализа нередко возникает впечатление, что привязанность пациентки к отцу сопровождается слишком сильной эмоциональной вовлеченностью, чтобы она могла признать нереальность своих сексуальных отношений с ним; в других случаях, так как власть фантазии огромна, в рассказе пациентки бывает очень трудно отделить вымысел от действительно имевших место событий; а в конечном итоге реальные отношения с родителями часто оказываются настолько несчастливыми, что как бы рассчитаны на полет фантазии. Многие из таких пациенток считают, что их отцы действительно когда-то были

их любовниками, а потом изменили им или бросили. Иногда эта фантазия сменяется сомнением: «Может я все это придумала, или это и вправду было?» У пациентки, которую я назову Z (на ее случае я должна ненадолго остановиться), такие сомнения проявлялись в навязчиво — тревожном состоянии, которое возникало всякий раз, когда она нравилась мужчине (или считала, что нравится). Даже когда она была действительно помолвлена, ей приходилось постоянно уверять себя в том, что она не выдумала все от начала до конца. У нее была излюбленная фантазия: на нее накидывается мужчина, она ударом в нос сбивает его с ног и наступает ему на пенис ногой. Потом она будто бы хочет подать на него в суд с требованием возместить ущерб, но не делает этого, потому что боится: он заявит, что она все это выдумала. Говоря о пациентке Y, я уже упоминала о том, что она сомневалась в реальности своих фантазий об изнасиловании, и о том, что это сомнение имело отношение к первоначальным переживаниям, испытанным в связи с инфантильным чувством к отцу. В ее истории можно было проследить путь, которым это сомнение распространялось от своего источника к каждому происшествию в ее жизни и, таким образом, легло в основу невроза навязчивости. В данном случае, как и во многих других, терапевтический курс анализа показал, что этот источник сомнений имеет более глубокие корни, чем уже известная нам неуверенность субъекта относительно собственного пола 17. У пациентки X, которая обычно просто упивалась многочисленными воспоминаниями о раннем периоде жизни (она называла его «рай моего детства»), глубокое разочарование было тесно связано в ее памяти с несправедливым отцовским наказанием, когда ей было 5—б лет. На первый взгляд за этой обидой стояло рождение сестренки, которая, как казалось девочке, вытеснила ее из отцовского сердца. Но более глубокое исследование показало, что за ревностью к сестре стояла страшная ревность к матери, связанная мной сначала с ее беременностями. «Мать вечно ходила беременная»,— бросила как-то X с осуждением. Еще дальше были запрятаны два более глубоких, и несомненно, одинаково важных источника чувства, что ее отец ей неверен. Первый — это сексуальная ревность к матери, идущая от момента, когда девочка увидела половой акт родителей. В то время ее чувство реальности делало для нее невозможным включение увиденного в свою фантазию о себе, как любовнице отца. Отыскать этот первый источник мне удалось, когда X однажды ослышалась: я говорила о моменте «nach der Enttaushung» (после разочарования), а ей послышалось «Nacht der Enttaushung» (ночь разочарования), и у нее возникла ассоциация с Брэнгань, бодрствующей во время ночи любви Тристана и Изольды. Навязчивое повторение подобных ситуаций в любовной жизни пациентки говорит об этом языком не менее ясным. Типичная для нее история: влюбиться в псевдоотца и затем обнаружить его неверность. В связи с происшествиями подобного рода для меня стал совершенно очевиден и второй источник ее комплекса. Я говорю о ее чувстве вины 18. Несомненно, большая часть этого чувства может быть объяснена упреками, направленными когда-то против ее отца, но обернувшимися против нее самой. При этом удалось четко проследить, каким образом чувство вины, возникающее из-за особенно сильного желания разделаться с матерью (для пациентки отождествление с ней имело характер враждебности: «разделаться с матерью» и «заменить ее»), породило в X ожидание беды, касавшееся, конечно, прежде всего отношений с отцом. Я хотела бы особо подчеркнуть, что в последнем случае особую важность следует придавать желанию иметь ребенка (от отца). Я подчеркиваю именно это желание, так как считаю, что мы склонны недооценивать его неосознаваемую силу и в особенности его либидонозный характер, потому что позднее Эго 19 соглашается удовлетворить это желание гораздо легче, чем многие другие сексуальные импульсы. Его отношение к комплексу зависти к пенису двоякое. С одной стороны, хорошо известно, что инстинкт материнства получает «бессознательное либидонозное подкрепление» 20 от возникающего гораздо раньше желания иметь пенис, желания, характерного для аутоэротическо-го периода. Затем, когда девочка переживает разочарование в своих фантазиях, направленных на отца, она отказывается не только от своих притязаний на отца, но также от желания иметь от него ребенка. Этот отказ (в

соответствии с известным уравнением) регрессивно сопровождается идеями, принадлежащими анальной фазе 21, и старым требованием пениса. Когда происходит такой регрессивный возврат, желание иметь пенис не только оживает, но и подкрепляется всей энергией более позднего инфантильного желания девочки иметь ребенка. Я вижу эту связь особенно отчетливо в случае пациентки Z, которая после того, как некоторые симптомы невроза навязчивости 22 исчезли, держалась за последний и самый упрямый симптом страха перед беременностью и деторождением. Этот симптом был порождением переживаний пациентки, относящихся к двухлетнему возрасту и связанных с беременностью ее матери и рождением брата. Позже она стала свидетельницей половых отношений родителей, и это содействовало все тому же результату. Долгое время мне казалось, что случай моей пациентки был словно нарочно выдуман, чтобы проиллюстрировать центральное значение комплекса зависти к пенису. Ее зависть к пенису (ее брата) и ужасный гнев против него, как непрошенного пришельца, лишившего ее положения единственного ребенка, раскрытые однажды во время анализа, поднялись в сознание, сильно нагруженные аффектом 23. Эта зависть, к тому же, сопровождалась всеми типичными проявлениями, которые, как правило, ей сопутствуют (мстительное отношение к мужчинам, сопровождаемое интенсивными фантазиями о кастрации; склонность к отказу от роли и функций женщины, особенно от беременности; и далее — выраженная бессознательная гомосексуальная тенденция). Только когда анализ, преодолев сильнейшее сопротивление 24, позволил проникнуть в более глубокие пласты сознания, стало очевидно, что источником зависти к пенису была ее зависть по поводу ребенка, которого имела от отца не она, а ее мать, после чего в процессе замещения 25 пенис стал объектом зависти вместо ребенка. Точно также ее неистовый гнев против брата в действительности относился к отцу, который, как она считала, предал ее, и к матери, которая родила ребенка от отца вместо нее. Только когда это замещение было удалено, она стала действительно свободной от зависти к пенису и стремления быть мужчиной, обрела способность быть подлинной женщиной, желающей иметь детей. Какой же процесс имел место? Грубо он может быть обрисован так: 1) зависть к ребенку матери от отца была замещена завистью к брату и его гениталиям; 2) дальнейшее явно происходило по механизму, открытому Фрейдом: отец перестает быть объектом любви, а объектное отношение к нему регрессивно заменяется отождествлением с ним. Последнее проявилось в претензиях Z на роль мужчины, о чем я уже говорила. Легко видеть, что ее стремление быть мужчиной несомненно надо понимать в обычном смысле, но реальным значением ее притязаний было стремление играть роль своего отца. Поэтому она выбрала ту же самую профессию, а после его смерти ее отношение к матери стало отношением мужа, предъявляющего к жене требования и отдающего приказы. Однажды, не сумев удержаться от шумной отрыжки, она невольно подумала: «Прямо как папа». Однако она не дошла до полностью гомосексуального выбора объекта: эволюция объектного либидо оказалась просто сильно искаженной, и результатом этого искажения явился очевидный возврат к аутоэроти-ческой (нарциссической) стадии. Подведем итог: от замещения зависти к матери (из-за невозможности иметь ребенка от отца) — к зависти к брату и его пенису, с последующим отождествлением с отцом и возвратом к догенитальной нарциссической фазе — все это ведет в одном направлении: к неуклонному росту зависти к обладанию пенисом. Эта зависть остается на переднем плане и оказывается главенствующей в общей картине. По моему мнению, такой ход развития Эдипова комплекса типичен для случаев, в которых доминирующим являлся комплекс кастрации. Что же происходит? Фаза отождествления с матерью в сильной степени уступает место еще более сильному отождествлению с отцом, и одновременно происходит регресс к до генитальной стадии. Процесс отождествления с отцом я считаю одним из источников развития комплекса кастрации у женщин. Здесь я хотела бы сразу ответить на два возможных возражения. Одно из них: в такой амбивалентности выбора между отцом и матерью конечно же нет ничего особенного. Напротив, его можно заметить в каждом

ребенке, и мы знаем, что, согласно Фрейду, либидо каждого из нас всю жизнь колеблется между мужскими и женскими объектами. Второе возражение относится к взглядам Фрейда на причины гомосексуальности. В своем докладе по поводу психологических механизмов развития одного случая женской гомосексуальности Фрейд убеждает нас, что отождествление девочки в процессе развития с отцом является одной из основ явной гомосексуальности 26; я же описываю этот процесс как приводящий к формированию комплекса кастрации. В ответе Фрейду я бы хотела подчеркнуть, что именно этот его доклад помог мне понять природу комплекса кастрации у женщин. Этот комплекс формируется именно тогда, когда пределы, в которых происходит нормальное колебание либидо, существенно превышены, и, в то же время, подавление любовного отношения к отцу и отождествление с ним не достигают такой силы, как в случаях гомосексуальности. Таким образом, сходные обстоятельства двух направлений развития вовсе не являются аргументом против их значимости для развития комплекса кастрации у женщин; вместе с тем, такой взгляд делает гомосексуальность гораздо менее особенным явлением. Мы знаем, что там, где доминирует комплекс кастрации, всегда имеется более или менее выраженная тенденция к гомосексуальности. Играть роль отца — означает также и желать мать в том же смысле. Здесь возможны различные ступени переходных состояний между нарциссической регрессией и гомосексуальной направленностью энергии на объект, вплоть до явной гомосексуальности. Напрашивается третье возражение по поводу временной или причинной связи отождествления с отцом и завистью к пенису. Не являются ли отношения комплекса зависти к пенису и процесс отождествления с отцом прямо противоположным описанному здесь? То есть, не может ли быть так, что для того, чтобы установилось устойчивое отождествление с отцом, сперва должна возникнуть необычайно сильная зависть к пенису? Я думаю, что мы не можем отказаться от того, что особенно сильная зависть к пенису, развивается ли она вследствие органических (конституциональных) причин или является результатом личных переживаний, действительно подготавливает почву для отождествления с отцом; тем не менее приведенные истории болезни и другие случаи из практики показывают, что, несмотря на зависть к пенису, у девочек обычно формируется сильная и всецело женская любовь к отцу, и только тогда, когда она терпит крах, происходит отказ от роли женщины. Этот отказ и последующее отождествление с отцом оживляют зависть к пенису; и только когда эта зависть питается из столь могущественных источников, она может проявиться в полную силу. Для такого резкого перехода к отождествлению с отцом необходимо, чтобы чувство реальности хоть немного проснулось, следовательно необходимо, чтобы девочка не могла больше удовлетворять себя, как раньше, попросту фантазиями, реализующими ее желание иметь пенис — она должна начать размышлять над отсутствием у нее этого органа или над возможностью его наличия. Направление этих размышлений обусловлено общей аффективной предрасположенностью девочек, которая характеризуется следующими типичными отношениями: еще не полностью ослабленной женской любовной привязанностью к отцу, чувством яростного гнева и мести по отношению к нему (из-за пережитого разочарования), и, не в последнюю очередь, чувством вины (относящимся к фантазиям инцеста), которое вырастает в ней под гнетом лишенности пениса. Следовательно, дело в том, что именно к отцу относятся таким специфическим образом окрашенные раздумья девочки. Я ясно видела это у пациентки Y, о которой я уже не раз упоминала. Я говорила вам, что у нее были фантазии об изнасиловании (которые она считала реальностью), и которые в конечном счете относились к ее отцу. Она также в значительной степени отождествляла себя с ним, а ее отношение к матери, например, было абсолютно сыновним. У нее были сны, в которых на ее отца нападали змеи или дикие животные, а она его спасала. Ее фантазии о кастрации имели хорошо знакомую нам форму: она воображала, что не совсем обычно устроена в области гениталий, а кроме того у нее было ощущение, что она перенесла какую-то травму в этой области. На основе этих фантазий она развивала множество идей, цель которых состояла в доказательстве того,

что ее особенности были результатом ряда изнасилований. Очевидно, что эти идеи и ощущения, на реальности которых она упорно настаивала, были для нее индивидуально значимы и продуцировались ею, чтобы в конечном счете доказать реальность ее любовных отношений с отцом. Насколько они были ей нужны, ясно показывает тот факт, что до анализа она сумела настоять на шести внутриполостных операциях, причем некоторые были сделаны просто потому, что она жаловалась на боли. Другая моя пациентка, чья зависть к пенису приняла совершенно гротескную форму, считала, что она перенесла ранение гениталий. Затем эта фантазия была перенесена на другие органы, а когда ее навязчивые симптомы ранения были купированы, она попросту впала в ипохондрию. При этом сопротивление пациенкти приняло такую форму: «Это же чистый абсурд — лечить меня анализом, видя, что у меня и в сердце, и в легких, и в желудке, и в кишечнике — везде очевидные органические заболевания». Ее уверенность в реальности фантазий была столь сильна, что один раз пациентка почти настояла на полостной операции. Ее ассоциации содержали постоянную идею, что она была «сражена» (geschlagen) болезнью по вине отца. На самом деле, когда были купированы ипохондрические симптомы, фантазии на тему избиения (Schlagephntasien) стали наиболее существенной чертой ее невроза. Мне кажется невозможным объяснить все эти проявления достаточно полно только комплексом зависти к пенису. Но все эти симптомы становятся понятными, если мы будем объяснять их как следствие желания пережить заново, уже в виде навязчивого симптома, мучительное «прохождение через руки отца», и доказать себе реальность якобы пережитого болезненного опыта. Можно множить примеры до бесконечности, но придем мы все к тому же: под разными масками перед нами выступает основная фантазия о кастрации в результате любовных отношений с отцом. Мои наблюдения заставляют меня полагать, что эта фантазия, на самом деле давно знакомая нам по частным случаям, является типичной и фундаментально важной. Я склона считать ее вторым источником комплекса кастрации у женщин.

Глубокий смысл этого комплекса состоит в том, что в значительной степени подавленная женственность самым тесным образом связана с фантазиями о кастрации. Или же, глядя с точки зрения временной последовательности, травмированная женственность создает почву для комплекса кастрации, ответственного (хотя и не в первую очередь) за патологические искажения в развитии женщины. Здесь мы, вероятно, подходим к самым основам мстительного отношения к мужчинам, которое так часто и заметно проявляется у женщин с выраженным комплексом кастрации. Попытки объяснить эту мстительность завистью к пенису разочарованием девочки, обманутой в своих ожиданиях, что отец преподнесет ей пенис в «подарок», не являются удовлетворительными для массы фактов, извлеченных на свет благодаря анализу глубоких пластов сознания. Конечно, при психоанализе зависть к пенису с большей готовностью выставляется напоказ, чем более глубоко скрытые фантазии, в которых утрата мужских гениталий приписывается половому акту с отцом. А то, что это именно так, следует из факта, что зависть к пенису совершенно не сопровождается чувством вины. Специфично, что мстительное отношение к мужчинам направлено, в частности, особенно яростно на того, кто совершил акт дефлорации. Это естественно объясняется тем, что он отождествляется с отцом, с которым, согласно фантазии, пациентка имела связь изначально. Следовательно, в последующей реальной любовной жизни первый мужчина занимает для девушки именно место ее отца. Эта идея получила выражение в племенных обычаях, описанных Фрейдом в его эссе о табу девственности: дефлорация у первобытных племен возлагается на псевдо-отца. Для бессознательного дефлорация является повторением вымышленного полового акта с отцом и, таким образом, когда она происходит, воспроизводятся все эмоции, относящиеся к вымышленному акту — сильное чувство привязанности в сочетании с отвращением к инцесту и, наконец, вышеописанное чувство мести за обманутую любовь и за кастрацию, якобы явившуюся следствием половых сношений с отцом. Я подхожу к концу моих заметок. Я поставила вопрос: действительно ли неудовлетворенность

женщины своей сексуальной ролью, порождаемая завистью к пенису, есть альфа и омега комплекса кастрации у женщин? Мы убедились, что анатомическая структура ее половых органов имеет для ментального развития женщины огромное значение. Нет также оснований для дискуссии о том, что зависть к пенису в существенной степени обусловливает те формы патологии, в которых проявляется комплекс кастрации. Но вывод, что отказ от женственности базируется на этой зависти, представляется недопустимым. Напротив, можно видеть, что за самой завистью к пенису несомненно прячется глубокое и чисто женское любовное отношение к отцу, и зависть к пенису приводит к отказу от собственной половой роли только тогда, когда это детское чувство приходит к своему печальному концу через Эдипов комплекс (также точно как и соответствующий мужской невроз). Невротик-мужчина, отождествляющий себя с матерью, и невротик-женщина, отождествляющая себя с отцом, одинаковым образом отказываются от своих половых ролей. И с этой точки зрения страх кастрации у невротика-мужчины (за которым скрывается желание кастрации, чему, по моему мнению, никогда не уделялось достаточно внимания) в точности соответствует женскому невротическому желанию иметь пенис. Эта симметрия была бы еще более поразительной, не будь внутреннее отношение мужчины к отождествлению с матерью диаметрально противоположным отношению женщины к отождествлению с отцом. Для мужчины желание быть женщиной не только противоречит его сознательному нарциссизму, но отвергается и по другой причине, а именно потому, что стать женщиной, согласно его представлению, означает воплощение всех его [детских М. Р.] страхов, касающихся наказания [за мастурбацию — М. Р.] и сосредоточенных на гениталиях. Для женщины, напротив, желание отождествления с отцом подкрепляется старыми желаниями той же направленности и несет не чувство вины, а скорее чувство приобретения. Поэтому из описанной мной связи, существующей между идеями кастрации и фантазиями об инцесте, следует роковой вывод, противоположный мужскому — быть женщиной само по себе преступно. В своих работах «Скорбь и меланхолия» и «Психогенезис одного случая женской гомосексуальности», а также в работе «Массовая психология и анализ человеческого „Я"» Фрейд показывает все более и более полно, какую большую роль играет процесс отождествления в человеческой ментальности. Именно это отождествление с родителем противоположного пола и кажется мне той точкой отсчета, от которой у обоих полов развивается и гомосексуальность 27, и комплекс кастрации.

1 На основании своих наблюдений (около 1900 года) Фрейд постулировал, что первичное установление отсутствия пениса девочкой и осознание своей неи-дентичности мальчику у которого есть нечто, чего у нее нет — это своеобразный критический период, определяющий формирование личности будущей женщины. Именно на этой основе в последующем сформировались представления о «комплексе кастрации». Характерно, что как и большинство психических травм, это «открытие» и эмоциальная реакция на него, как правило, полностью вытесняются из памяти (инфантильная амнезия), причем этот «пробел» приходится как раз на возраст, когда функция памяти является безусловно основной [М. Р.] 2 К. Абрахам. «Проявления комплекса кастрации у женщин» (1921), Int. J. Psycho-Anal., Vol. III. Карл Абрахам (1877—1925) — выдающийся представитель психоаналитической школы, один из основателей первого Психоаналитического комитета (1913), супервизор К. Хорни, у которого она получила квалификацию обучающего аналитика. [М. Р.] 3 Нарциссизм — термин, обозначающий направленность сексуального влечения на собственное Я (Эго). Для маленького ребенка, у которого Эго еще не дифференцирование, собственное тело является единственным источником получения наслаждения («первичный нарциссизм»), и лишь затем либидо переносится на внешние объекты («объект — либидо») [М. Р.] 4 Уретральный эротизм — эротические ощущения и мысли, связанные с актом мочеиспускания (уретра — мочеиспускательный канал) [М. Р.] 5 К. Абрахам. «О нарциссической переоценке экскреторного процесса в сновидениях и

при неврозе» (1920), Intern. Zeitschr. f. Psychoanal. 6 В эту игру чаще играли в начале столетия мальчики до и ранне-подросткового возраста, европейцы по происхождению. Став под прямым углом друг к другу, мальчики старались струйками мочи изобразить на земле крест, усиленно думая об определенном человеке и изо всей силы желая его смерти. Вокруг события нагнеталась атмосфера таинственности, насыщенная сознанием своей мощи, исходящей от колдовской силы мысли и могущества фаллоса, ибо удлиненный струйкой мочи пенис казался чем-то грандиозным. Значимость креста усиливалась его религиозным значением и важностью сознания того, что крест есть обозначение места [Прим. ред. англ. текста Херольда Кельмана]. Аналогичные магические ритуалы, насколько мне позволяет судить опыт мальчика второй половины столетия, существуют по настоящее время [М. Р.]. 7 Скоптофилия — созерцание половых органов. Скоптофилический инстинкт существует также у животных и часто входит в ритуал «знакомства», например у собак (М. Р.] 8 В первые годы жизни у ребенка отсутствуют какие-либо представления о различиях между полами. Вначале даже собственное тело не идентифицируется и не выделяется ребенком из одушевленных или неодушевленных предметов окружающего мира (собственный палец, соска и грудь матери доставляют практически одинаковое удовольствие). Затем, вслед за оральной фазой психосексуального развития, наступает анальная фаза, которая сменяется фаллической — периодом половой идентификации, одним из первых признаков которой является особое внимание детей того и другого пола к собственной генитальной сфере и потребность в непосредственном раздражении гениталий. В этот же период, наблюдая взрослых и сверстников, а затем путем изучения собственного тела, ребенок впервые обращает внимание на наличие или отсутствие у него пениса (фаллос — эрегированный пенис) и «открывает» для себя анатомическую дифференциацию полов [М. Р.]. 9 Эксгибиционизм — термин, превоначально (1877 г.) введенный для обозначения особой формы полового извращения, характеризующегося достижением сексуального возбуждения при обнажении гениталий в присутствии (как правило — незнакомых) лиц противоположного пола. Ранее к проявлениям эксгибиционизма относили также склонность к циничным высказываниям, сквернословию и порнографии. Позднее появился термин «психический эксгибиционизм» [М. Р.]. 10 Регрессия — термин введен 3. Фрейдом для обозначения возврата психического развития на более ранние стадии, или включения элементов психических и поведенческих стереотипов более ранних стадий развития в актуальное состояние индивида [М. Л]. 11 Онанирование (мастурбация) — естественная стадия развития сексуальности, вопреки широко распространенному мнению не имеющая никаких отрицательных последствий для здоровья или потенции [М. Р.]. 12 Либидо (или влечение) — в психоанализе — одно из ключевых понятий, пограничное образование между соматическими (телесными, физическими) импульсами и психическими переживаниями. (Иногда не вполне правильно психоаналитический термин «влечение» интерпретируется как синоним «инстинкта»). Влечение характеризуется четырьмя аспектами: источником, целью (направленностью) , объектом и силой (энергией). В ранних работах Фрейда либидо рассматривалось как синоним сексуального влечения, лежащего в основе всех проявлений психической энергии. В последующем понятие либидо используется Фрейдом как обобщающий синоним влечения к жизни (Эроса), выражением которого является сохранение и поддержание жизни во всех ее проявлениях. В более поздних работах Фрейдом вводится также понятие „влечение к смерти" (Танатоса), характеризующего бессознательные тенденции к саморазрушению и возрату в неорганическое состояние, которое проявляется в виде агрессивности по отношению к конкретным лицам (садизм) или предметам, в том числе — по отношению к самому себе, например: суициды (аутоагрессия), мазохизм, идеи самообвинения и т. д. Мазохизм — в общепсихологическом смысле — получение удовольствия от физических страданий, причиняемых сексуальным партнером. Психоанализ расширяет это понятие, включая в него наслаждение психическими страданиями. Согласно 3. Фрейду, истоки мазохизма

связаны с ранним детством пациента и, преимущественно — с анальной фазой развития. Мазохистская конверсия или вторичный мазохизм — по Фрейду, садизм, утративший свой внешний объект, и поэтому направленный на самого себя. [М. Р.] 13 Понятием «Эдипов комплекс» объединяются специфические проявления психосексуального развития и полоролевые ориентации личности, формирующиеся в процессе третьей фазы, именуемой фаллической. Одновременно с этим понятием «Эдипов комплекс» (или — «Эдипова ситуация») нередко используется для характеристики всей совокупности отношений в семейном «треугольнике»: мать — отец — ребенок. В конце фаллического периода (неосознанно) объектом либидо становится один из родителей, как правило, противоположного с ребенком пола: мальчик «влюбляется» в мать и высказывает идеи о том, что «когда вырастет, женится на ней» (комплекс Эдипа), дочь — в отца (комплекс Электры). Эдипальные отношения и связанные с ними фантазии порой оказываются достаточно стойкими и удерживаются даже в период латентной фазы психосексуального развития, а иногда — даже дольше, приобретая характер своеобразного «психического инцеста» (например, когда дочь с особым волнением и гордостью рассказывает о том, что увидев ее с отцом, некто принял ее за его жену). Для мальчиков чаще характерен позитивный Эдипов комплекс, то есть любовь к матери, в основе которого лежит неосознаваемая направленность либидо на нее при одновременной более или менее выраженной ревности и даже инфантильной ненависти к отцу с оттенком желания «устранить» его как соперника. Реже встречается негативный Эдипов комплекс — любовь к отцу и отвергание матери. (Аналогичные — позитивные и негативные комплексы развиваются и у девочек). В последующем отвержение либидонозной направленности ребенка со стороны матери и подсознательное признание им превосходящей силы «соперника» — отца создают стойкий блок либидонозным импульсам, которые подвергаются вытеснению из памяти и их сознания. Адекватным выходом из Эдиповой ситуации (или Эдипова конфликта) является индентификация себя с «конкурирующим» родителем. Фактически — выход из Эдиповой ситуации является одним из условий формирования «Супер-Эго» или морального «Я» и создает предпосылки для активного подавления сексуальных влечений. Однако, такое развитие характерно лишь для нормального течения психосексуальной дифференциации, которая может чрезвычайно широко варьировать [М. Р.]. 14 Аутоэротизм — направленность (как правило, примитивных) сексуальных влечений на собственное тело, а также удовлетворение этих влечений посредством собственного тела, например: сосание пальца, задержка или пролонгация дефекации, раздражение сосков, мастурбация и т. п. Аутоэротизм в психоанализе рассматривается как нормальное явление на ранних стадиях развития сексуальности, когда инстинктивные или соматические влечения к удовольствию («Оно») и их сознательные (психические) эквиваленты («Я») еще не дифференцированы, а собственное тело является единственным доступным источником наслаждения (первичный нарциссизм) [М.Р.]. 15 И не такие уже далекие. Как известно, еще фараон Эхнатон (Аменхотеп IV) в XIV веке до н. э. считал абсолютно нормальным явлением женитьбу на собственной восьмилетней дочери, когда его чувство к Нефертити угасло, хотя, следует особо отметить, что такие браки позволялись лишь фараонам, и носили ритуальный характер, как бы еще раз подчеркивая божественную природу отцовской и «царской» власти [М. Р.]. 16 Фрустрация — «вынужденный отказ» — термин введен 3. Фрейдом для характеристики особого состояния или внутреннего психического конфликта, когда личность сталкивается с каким-либо (чаще — субъективно непреодолимым) препятствием на пути к достижению своих осознаваемых или неосознаваемых целей. К обычным последствиям фрустрации относятся: переход личности на более низкий уровень функционирования («фрустрационная регрессия», «бегство в мир фантазий») или рационализация (например, «логическое» обоснование непреодолимости того или иного препятствия) [М. Р.]. 17 Фрейд объяснял это сомнение как неуверенность субъекта в своей способности любить (ненавидеть). 18 Чувство вины

— одно из основных понятий в психиатрии и психоанализе, в ряде случаев не имеющее объективных предпосылок, но обусловливающее все проявления личности и ее отношения. Часто является неблагоприятным прогностическим признаком [М. Р.]. 19 Эго (Я) — в психоанализе — структура психики, которая выступает своеобразным «посредником» между биологически обусловленными, часто неосознаваемыми потребностями и влечениями человека и реальностью, в том числе социальной реальностью, ограничивающей возможности реализации некоторых биологических потребностей. Эго включает также чувство самоидентификации и самосознания. Подчиняется принципу реальности. [М. Р.]. 20 З. Фрейд. «О превращении инстинктов, особенно анально-эротических». 21 Анальная фаза — вторая фаза развития либидо, которая следует за оральной и предшествует фаллической. Этот период психосексуального развития ребенка характеризуется особым сосредоточением внимания ребенка на актах мочеиспускания и дефекации, а также направленностью на удовольствие, получаемое от раздражения анальной эрогенной зоны, в частности при прохождении каловых масс через задний проход. Иногда ребенок неосознанно стремится накапливать каловые массы, чтобы усилить и пролонгировать ощущение удовольствия. Удержание кала, особенно на второй стадии анальной фазы, в связи с воздействием на анальные эрогенные зоны, в отдельных случаях может представлять для ребенка самостоятельную «сексуальную ценность», хотя пик удовлетворения во всех случаях приходится на акт дефекации. Одновременно с этим достаточно характерной является избирательность ребенка в отношении лиц, оказывающих ему помощь при осуществлении экскреторных актов (поддерживающих или усаживающих на горшок). Целый ряд индивидуальных особенностей личности формируется именно в процессе этой фазы. Одним из вариантов психосексуального развития зрелой личности, основа которой закладывается в этот период, является так называемый «анальный характер», специфические проявления которого состоят в стремлении к богатству, накопительству, коллекционированию, а также аккуратность, бережливость, упрямство. Иногда эту фазу называют анально-садистической, так как именно с ней обычно связаны первые проявления агрессивности ребенка. В последующем (при невротическом развитии личности и регрессии нормального либидо) это может проявляться в склонности к грязной брани, частом использовании выражений, связанных с функцией кишечника, в предрасположенности к порицанию других людей, получении удовольствия от обсуждения вопросов, связанных с преступностью, и т. д. В случаях невроза и регрессии нормального либидо к анальной стадии возможно развитие (вторичной) гомосексуальной ориентации. Роль эмоционально-поведенческих стереотипов приобретенных в период раннего детства, и их влияние на формирование будущей личности, до настоящего времени не получила верной оценки в России, в определенной степени, вероятно потому, что, пользуясь выражением Фрейда, при первом знакомстве представляется «маловдумчивым читателям статьи о теории сексуальности» чрезмерно примитивной. Надеюсь, что лишь при первом знакомстве... «Проблемы туалета,— отмечал Фрейд,— разжигают естественный интерес к открытию себя. Увеличение психологического контроля связано с пониманием, что такой контроль может быть источником удовольствия»... [М. Р.]. 22 Невроз навязчивости (обсессивный невроз) — впервые описан Ф. Платте-ром в 1617 году, в настоящее время обычно характеризуется появлением мыслей, представлений, переживаний или действий, не связанных с актуальным содержанием сознания и поэтому воспринимаемых как чуждые и эмоционально неприятные, при одновременном осознании, что указанная психическая продукция принадлежит самому пациенту, а не навязана ему извне (что отличает навязчивость от бреда). В клинической картине преобладают аффективные и депрессивные компоненты, при этом нередко основные жалобы больного связаны с осознанием своей беспомощности и невозможности самостоятельного преодоления однажды возникшей навязчивости [М. Р.]. 23 Аффект — (душевное волнение, страсть) очень сильное эмоциональное

переживание, как правило, возникающее, когда личность сталкивается с необычными или угрожающими обстоятельствами или препятствиями, для преодоления которых у нее нет адекватных поведенческих стереотипов. Нередко в основе аффекта лежат противоречия между влечениями, стремлениями или желаниями личности и возможностью их реализации. В психоанализе чаще используется понятие «ущемленный аффект», т. е. подавленный вместе со всем относящимся к нему психическим содержанием, который, сохраняясь в бессознательной сфере, способствует продукции болезненных симптомов [М. Р.].

24 Сопротивление - неосознаваемое пациентом противодействие любым попыткам проникнуть (самому или с помощью психоаналитика? в сферу бессознательного. В более широком смысле - стремление не допустить в сознание вы тесненные (как правило, имеющие либидонозную природу) заптетные мысли и желания. Является одним из механизмов психологической защиты [М.Р.]
25 Замещение - один из защитных механизмов, действие которого направлено на перевод бессознательно обусловленных и, как правило, неприемлемых для личности по моральным причинам (т. е. - неприемлемых для Я или Сверх Я) мыслей и желаний в социально приемлемые формы. Результатом замещения обычно являются ошибки, оговорки, невротические симптомы, индивидуальная интерпретация событий или искажение содержания сновидений и т. д. [М Р.] Это лишь один из возможных факторов, входящих в группу психологических, наряду с многочисленными другими [М. Р.].
психологиче-27 Это лишь одна из возможных несколько устаревшая точка зрения [М Р.]

УХОД ОТ ЖЕНСТВЕННОСТИ (Комплекс маскулиности у женщин глазами мужчин и женщин) Int. J. Psycho-Anal., VII (1926)

В некоторых своих последних работах Фрейд со всей большей озабоченностью обращает внимание на определенную односторонность наших аналитических исследований. Я имею в виду тот факт, что до недавнего времени объектом психоанализа преимущественно являлось сознание мужчин и мальчиков. Причина очевидна. Психоанализ — творение мужского гения, и почти все, кто развивал его идеи, тоже были мужчинами. Естественно и закономерно, что они были ориентированы на изучение сущности мужской психологии и понимали больше в развитии мужчины, чем женщины, Тем не менее, важный шаг к пониманию специфики женской психологии был сделан самим Фрейдом, открывшим существование зависти к пенису. Вскоре, в работе Ван Офюйзена и Абра-хама было показано, какую большую роль играет этот фактор в развитии женщины и в формировании у нее невроза. Причина зависти к пенису была раскрыта сравнительно недавно, в гипотезе о фаллической фазе, утверждающей, что в период инфантильной генитальной организации у обоих полов только одному половому органу, а именно мужскому, придается важное значение. Именно это и отличает инфантильную генитальную организацию от взрослой, окончательной1 . Согласно этой гипотезе, клитор понимается как фаллос, и мы полагаем, что первоначально и мальчики, и девочки считают их равноценными 2. Фаллическая фаза частично способствует дальнейшему психосексуальному развитию девочки и частично его тормозит. Хе-лен Дейч в своих работах продемонстрировала в основном тормозящий эффект. Она придерживается мнения, что при включении каждой новой фукнции, то есть в начале пубертата, а затем — при вступлении в активную половую жизнь, наступлении беременности и рождения ребенка, эта фаллическая фаза вновь реактивируется и ее приходится преодолевать каждый раз, чтобы сохранить именно женскую полоролевую установку. Фрейд расценивает это влияние как позитивное, так как считает, что только зависть к пенису и ее преодоление рождают стремление иметь ребенка и таким образом формируют потребность в любви, основанную на любви к отцу 3. Возникает вопрос: дает ли нам эта

гипотеза возможность расширить наши прежние представления о развитии женщины, которые и сам Фрейд считает неудовлетворительными и неполными? Для науки бывает весьма полезно бросить свежий взгляд на давно известные факты. Иначе возникает опасность, что мы невольно будем продолжать попытки укладывать все новые и новые наблюдения в старые схемы. Новая точка зрения, о которой я хотела бы поговорить, возникла у меня под влиянием некоторых философских эссе Георга Симмеля 4. Он высказывает и развивает идею, которая, особенно с женской точки зрения 5, такова: вся наша цивилизация — мас-кулинная цивиллизация. Государство, законы, мораль, религия и наука — все это творение мужчин. Симмель не только останавливается, как другие авторы, на выводе об униженном положении женщины, но и углубляет свою мысль: «Искусство, патриотизм, мораль вообще и социальные идеи в частности, справедливость в ее обыденном понимании и объективность научных теорий, энергия и глубина жизни — все эти категории по своей сути и содержанию принадлежат человечеству в целом. Но по своему реальному историческому наполнению — они мужские насквозь. Предположим, что все эти ценности, рассматриваемые как абсолютные, мы определим единственным словом «объективные». Тогда мы обнаружим, что во всей истории человечества решающей силой обладает равенство: «объективный-мужской».
- Симмель полагает, что причина, по которой так трудно признать этот исторический факт, состоит в том, что сами мерки, которыми человечество оценивает женскую и мужскую природу, «не естественные, проистекающие из разницы между полами, но по самой своей сути — мужские... Мы не можем поверить в чисто человеческую цивилизацию, в которую не входит вопрос пола, по той простой причине, что самой постановке, этого вопроса предшествует реально существующее, так сказать, наивное, отождествление понятий «человек» и «мужчина», понятий, для которых во многих языках не используется даже двух разных слов. Оставим пока разговор о том, является ли маскулинный характер нашей цивилизации необходимым следствием природы полов или только следствием превосходства мужчины в силе, что, собственно, никак не связано с цивилизованностью. Во всяком случае, именно в маскулинности нашей цивилизации причина того, что в самых различных областях деятельности любые незначительные успехи презрительно называют «женскими», а выдающиеся достижения женщин уважительно именуют «мужскими». Как любая наука и любые ценности, так и психология женщин рассматривается только с точки зрения мужчин. При этом, исходя из своего преимущественного положения, мужчины неизбежно приписывают объективность своему субъективному, аффективному отношению к женщинам. Психология женщин, по Делиусу 6, предназначается лишь для обслуживания желаний и разочарований мужчин. Отметим еще один очень важный момент этой ситуации: женщины действительно приспосабливаются к желаниям мужчин и принимают эту адаптацию за свою истинную природу. Они видят (или раньше видели) себя такими, какими хотят их видеть мужчины, бессознательно усваивая подсказку мужской мысли. Если нам ясна степень, до которой все наше существование, образ мыслей и действий приспособлены к меркам мужчин, то нам должно быть понятно, как трудно отдельному мужчине и отдельной женщине от них отойти. Вопрос состоит в том, насколько сильно, делая женщину объектом исследования, аналитическая психология подпадает под .власть этого образа мышления; до какой степени она еще не преодолела ту фазу, на которой предметом откровенного исследования могло быть только мужское развитие. Другими словами, насколько эволюция женщин в современном психоанализе изучалась по мужским меркам, и насколько сильно в результате этого искажены представления об истинной природе женщин. Если посмотреть на обсуждаемый предмет с этой точки зрения, то нас просто поразит, что существующие в психоанализе представления о развитии женщин (независимо от того, верны они или нет) ни на йоту не отличаются от типичных представлений мальчиков о девочках. С эволюцией взглядов мальчиков мы знакомы. Поэтому я изложу их кратко, а для сравнения в соседнем столбце помещу современные

научные взгляды на женское развитие. ПРЕДСТАВЛЕНИЯ МАЛЬЧИКОВ Наивное предположение, что у девочек тоже есть пенис. Узнают, что у девочек нет пениса. Идея: девочки — изувеченные, кастрированные мальчики.

Вера в то, что девочки перенесли наказание, которое угрожает и им. Девочки - низшие существа. Мальчик не может себе представить, как же это девочка когда-нибудь сможет пережить свою утрату и преодолеть свою зависть. Мальчик боится ее зависти.

НАУЧНЫЕ ВЗГЛЯДЫ

Оба пола придают важное значение только мужскому половому органу. Печальное открытие девочки: у меня нет пениса. Вера девочки: у меня раньше был пенис, он утрачен вследствие кастрации.

Кастрация понимается девочкой как наказание. Отношение к себе как к низшему существу. Зависть к пенису. Девочка так никогда и не может преодолеть чувство своей неполноценности и униженности своего положения и должна постоянно бороться с желанием быть мужчиной. Девочка всю жизнь хочет отомстить мужчине за то, что он обладает чем-то, чего она лишена

Сверхточные совпадение взглядов мальчика с научными еще не означает их истинности, хотя я не исключаю, что инфантильная генитальная организация девочки действительно может быть так потрясающе похожа на инфантильную генитальную организацию мальчика, как это считалось до сих пор. Но, думаю, было бы целесообразно рассмотреть и иные возможности. Мы, например, можем последовать за ходом мысли Георга Симмеля и спросить: возможно ли, чтобы женская адаптация к мужскому представлению о ее психике имела место в столь раннем возрасте и до такой степени, чтобы полностью подавить собственную природу маленькой девочки? Позднее я вернусь к тому моменту в детстве девочки, когда, как мне кажется, действительно происходит «заражение» мужской точкой зрения. Но мне совершенно неясно, как все, дарованное девочке природой, может быть поглощено адаптацией к мужской точке зрения без всякого следа. Таким образом, мы должны рассмотреть вопрос — не является ли отмеченный мной удивительный параллелизм инфантильных и научных взглядов лишь выражением односторонности наших наблюдений, сделанных с мужской точки зрения. Естественно, такое предположение немедленно вызывает внутренний протест, так как мы тут же напоминаем себе о твердой почве практического опыта, на которой основывались все психоаналитические исследования. Но в то же время наши научные знания говорят нам, что эта почва не всегда надежна, ибо опыт по самой своей природе содержит субъективный фактор. Наш исследовательский опыт базируется на материале, который пациенты выносят на анализ в виде свободных ассоциаций, снов, фантазий и симптомов, а также на наших интерпретациях этого материала и заключениях, выводимых нами из этого же материала. Следовательно, даже в тех случаях, когда психоанализ применяется корректно, всегда есть вероятность существования разных вариантов интерпретации и обобщения.

Если мы попытаемся освободить наше сознание от маскулин-ного способа мышления, почти все проблемы женской психологии предстанут в новом свете. Первое, что поражает — это то, что в основу психоаналитической концепции было положено различие между полами в строении гениталий и при этом другое величайшее различие, а именно —

различие ролей мужчин и женщин в воспроизводстве потомства, не рассматривалось вообще. Влияние мужской точки зрения на концепцию материнства наиболее ясно сказалось в исключительно блестящей генитальной теории Ференци 7. По его мнению, реальное побуждение к коитусу (его истинное, первичное значение для обоих полов) состоит в стремлении вернуться в материнское чрево. Во время периода соперничества мужчина завоевывал привилегию снова проникнуть в матку, хотя бы посредством своих гениталий. Женщина, изначально находившаяся в подчиненном положении, была вынуждена приспособиться к созданной природой ситуации и была обеспечена определенной компенсацией. Она должна была «довольствоваться» суррогатами фантазий и, главное, вынашиванием ребенка, чье блаженство она разделяет. Самое большее, что ей «позволяется» — это разве что только при родах испытать наслаждение, в котором отказано мужчине 8. Согласно этому взгляду, положение женщины — не из приятных. У нее отсутствуют первичные побуждения к половому акту, или, по крайней мере, она лишена права его прямого, пусть даже частичного, совершения. Если это так, то стремление к половому акту и удовольствие во время него у нее должно быть гораздо ниже, чем у мужчины. Она ведь может наслаждаться только косвенным, непрямым образом — удовлетворяя до некоторой степени первичное стремление: частично окольным путем мазохистской конверсии и частично отождествляясь с ребенком, которого она может зачать. Однако, все это — только «компенсаторные механизмы». Единственно, в чем у нее преимущество перед мужчиной — в очень сомнительном удовольствии от акта деторождения. И тут я как женщина изумляюсь: а материнство? А блаженное сознание во время беременности, что в тебе заключена новая жизнь? А несказанное счастье предвкушения появления нового человека? А радость, когда он, наконец, появляется и ты первый раз держишь его в руках? А глубокое наслаждение и удовлетворение от кормления грудью и счастье от того, что он нуждается в твоей любви и заботе? В беседе Ференци выразил мнение, что в начальный период [психосексуального — М. Р.] конфликта, который так печально кончается для женщины, самец как победитель навязывает ей бремя материнства, включая все, что с ним связано. Конечно, с точки зрения социальной борьбы материнство может рассматриваться как бремя. В наше время это действительно некая «помеха», но весьма сомнительно, чтобы это было так в те времена, когда человек был ближе к природе. Более того, мы и зависти к пенису приписываем биологическое происхождение, а не социальное. Без всяких рассуждений мы утверждаем, что чувство социального неравенства появляется у женщины как рационализация зависти к пенису.
А ведь с чисто биологической точки зрения, в материнстве или в способности-к нему женщина имеет неоспоримое, но поче-муто не принимаемое в расчет, физиологическое преимущество. На бессознательном уровне знание об этом преимуществе содержится в психике мужчин и нашло наиболее ясное отражение в сильнейшей зависти мальчиков к материнству. Мы знакомы с этой завистью как таковой, но она вряд ли рассматривается должным образом в ее динамике. Когда начинаешь проводить сеансы психоанализа у мужчин после достаточно долгой практики среди женщин, сперва просто поражаешься, как сильна зависть мужчин к беременности, деторождению и материнству, к женской груди и кормлению грудью. В свете этого наблюдения, естественно было заинтересоваться, не происходит ли бессознательной интеллектуализации этого мужского стремления, а именно — в обесценивании ими материнства? Они могут рассуждать, например, так: женщина на самом деле попросту желает пенис; а когда все сказано и сделано, материнство только лишнее бремя, которое затрудняет борьбу за существование, и мужчина должен радоваться, что ему не надо его нести. Когда Хелен Дейч пишет, что комплекс маскулинности у женщины играет большую роль, чем комплекс феминности у мужчины, она, вероятно, не принимает во внимание, что зависть мужчины имеет гораздо большие возможности для успешной сублимации, чем зависть девочки к пенису, и что

именно эта зависть служит одной (а возможно — главной) из движущих сил, побуждающих мужчин к созданию культурных ценностей.
Сама наша речь, наш язык указывают нам на этот источник продуктивности в культуре. В исторические времена, как мы знаем, эта продуктивность была несравненно выше у мужчин, чем у женщин. Можно высказать предположение, что невероятное напряжение мужского порыва в любой области творчества исходит именно от чувства, что он играет сравнительно малую роль в сотворении живых существ, и именно это постоянно подталкивает его к сверхкомпенсации в иных достижениях. Если мы правы, установив эту связь, мы сталкиваемся с вопросом, почему же у женщины нет соответствующего импульса для компенсации своей зависти к пенису? Есть две возможности: или зависть женщины уж очень мала по сравнению с мужской, или она компенсируется, хотя и менее успешно, каким-то другим путем. Можно привести факты в поддержку обоих предположений.
В доказательство большей силы мужской зависти мы можем указать на то, что представления об анатомической ущербности женщины могут существовать только с точки зрения догени-тального уровня развития 9. С позиций зрелой сексуальности — генитальная организация взрослой женщины вовсе не является ущербной, так как очевидно, что возможностей для совершения полового акта у женщины ничуть не меньше, они просто другие, чем у мужчины. А с другой стороны, вклад мужчины в репродукцию несравненно меньше, чем у женщины. Более того, мы видим, что потребность мужчин умалять значение женщин несравненно сильнее, чем соответствующая потребность у женщин. И как только мы усомнимся в справедливости мужской оценки, нам остается только признать, что догма о неполноценности женщин прямо вытекает из этого бессознательного мужского стремления. Но если это бессознательное стремление является реальной подоплекой теории о женской неполноценности, то мы должны заключить, что порождающая его зависть чрезвычайно сильна. В пользу взгляда, что женщины менее успешно сублимируют свою зависть к пенису, чем мужчины свою зависть к материнству, свидетельствует и вклад последних в культуру. Мы знаем, что в благоприятных случаях это чувство зависти у женщины перерастает в стремление иметь мужа и ребенка и, возможно, таким образом приводит к снижению силы стимулов, побуждающих к сублимации. В неблагоприятных случаях, как я после покажу подробнее, эта зависть перегружена чувством вины и не может быть плодотворной, в то время как мужская неспособность к материнству ощущается, вероятно, просто как неполноценность и поэтому может без всяких внутренних запретов превращаться в мощную движущую силу.
В настоящей дискуссии я уже затрагивала проблему, которую с недавних пор Фрейд выдвигает на передний план 10, а именно вопрос о происхождении желания иметь ребенка. В течении последнего десятилетия наше отношение к этой проблеме изменилось. Я позволю себе кратко изложить начало и конец исторической эволюции взглядов. Первоначальная гипотеза11 состояла в том, что зависть к пенису дает либидонозное подкрепление как желанию иметь ребенка, так и стремлению к мужчине, хотя эти желания возникают независимо друг от друга. Потом основной акцент в теоретических построениях все более и более переносился на зависть к пенису, и в своей последней работе Фрейд высказал идею, что желание иметь ребенка полностью произрастает из зависти к пенису и разочарования по поводу его отсутствия, а нежное отношение к отцу возникает только этим кружным путем: от желания иметь пенис и через желание иметь ребенка. Эта последняя гипотеза очевидно исходит из потребности объяснить гетеросексуальное влечение с биологической и физиологической точки зрения. Она соответствует проблеме, сформулированной Гроддеком, который заявляет, что совершенно естественно, когда мальчик тянется к матери как к объекту любви, «но как получается, что маленькую девочку привлекает противоположный пол?» 12 Чтобы подойти к решению этой проблемы, мы прежде всего должны понять, что наш

эмпирический материал, относящийся к комплексу маскулинности у женщин, получен из двух источников, надежность которых сильно различается. Первый — это прямые наблюдения над детьми, тут субъективный фактор играет сравнительно небольшую роль. Каждая маленькая девочка, у которой нет оснований для излишней робости, высказывает зависть к пенису открыто и без замешательства. Мы видим, что эта зависть типична, и достаточно хорошо понимаем ее; мы понимаем, каким образом нарциссическое разочарование от обладания чем-то меньшим, нежели мальчики, подкрепляется целым рядом обстоятельств, основанных на осознании ущербности своего положения в связи с различиями возможностей направить либидо на объект в догенитальной фазе: мальчики обладают явными преимуществами в связи с уретральным эротизмом, скоптофилическим инстинктом и онанизмом 13. Я бы предложила зависть к пенису у маленькой девочки определять как «первичную», так как очевидно, что основа ее зависти — в анатомическом различии. Второй источник, из которого мы черпаем свой опыт — это материал, полученный в результате применения психоанализа в терапии взрослых женщин. Естественно, здесь труднее сформировать суждение, и поэтому больше простора для субъективности. Нами установлено, что зависть к пенису и здесь является фактором огромной динамической силы. Мы наблюдаем пациенток, отвергающих свои феминные функции, и наиболее частый бессознательный мотив при этом — желание быть мужчиной.

Мы встречаемся с фантазиями такого содержания: «у меня когда-то был пенис», «я мужчина, которого кастрировали и изувечили». Из этих фантазий проистекает чувство неполноценности, а из него впоследствии самые разные ипохондрические идеи. Мы отмечаем отчетливо враждебное отношение к мужчинам, иногда принимающее форму пренебрежения, а иногда желания кастрировать или изуродовать их, и мы видим, как эта враждебность определяет судьбы многих женщин. В результате мы приходим к выводу (особенно естественному для маскулинной ориентации нашего мышления), что можно связать эти наблюдения с первичной завистью к пенису, и воочию видя, к каким последствиям она приводит, считаем доказанным a posteriori, что эта зависть должна обладать непомерной динамической силой. Оценивая ситуацию более в целом, чем в деталях, мы, как правило, не обращаем внимания на тот факт, что желание быть мужчиной, столь знакомое нам из анализа взрослых женщин, в данном случае очень слабо связано с той ранней, первичной завистью к пенису и является вторичным образованием, воплощающим в себе все, что есть незрелого, недоношенного в развитии женственности. Мой опыт неизменно убеждал меня, что Эдипов комплекс у женщины ведет (и не только в экстремальных случаях, которые «плохо кончаются», а всегда) к регрессии, вплоть до зависти к пенису всех возможных степеней и форм. Разница между происхождением мужского и женского Эдипова комплекса, как мне представляется (при некотором усреднении), состоит в следующем: мальчик отказывается от матери как сексуального объекта из-за страха кастрации, но в своем дальнейшем развитии не только утвреждается в роли мужчины, но и акцентуируется на ней, и эта акцентуация является компенсаторной реакцией на страх кастрации. Мы ясно видим это в латентном и в допубер-татном периодах развития у мальчиков, и в целом в их дальнейшей жизни. Девочка же, напротив, не только отказывается от отца как сексуального объекта, но отказывается и от женской роли вообще. Чтобы понять этот уход от женственности, мы должны рассмотреть факты, относящиеся к раннему детскому онанизму, являющемуся физическим выражением возбуждения, связанного с Эдиповым комплексом. Здесь снова ситуация представляется яснее у мальчиков, хотя, возможно, у нас о них просто больше сведений. Но может быть загадочность ситуации у девочек — это лишь следствие нашего привычного мужского взгляда на проблему? Похоже, что так. Ведь мы даже не предполагаем наличия у маленьких девочек какой-либо специфической формы онанизма и без всяких раздумий описываем их аутоэротическую активность как мужскую. А когда мы осознаем, что

разница, конечно же, должна существовать, мы ее понимаем как негативную, а не как позитивную: то есть, в случае тревоги по поводу онанизма разница состоит в том, что одним кастрация только угрожает, а у других она уже состоялась. Мой аналитический опыт заставляет меня утверждать, что у девочек существует специфически женская форма онанизма (отличающаяся по технике от существующей у мальчиков). Но даже если предположить, что девочки практикуют исключительно клиторальную мастурбацию (это предположение никоим образом не кажется мне правильным), я не вижу почему, несмотря на эволюцию клитора, его нельзя считать принадлежащим к женским гениталиям и составляющим их законную часть. Из материалов, полученных в результате анализа взрослых женщин, весьма трудно определить, возникают ли органические вагинальные ощущения у девочек на ранней стадии генитального развития. На основании целого ряда случаев из моей практики я склонна заключить, что это так, и я еще буду ссылаться на материалы, на которых основано мое заключение. То, что ваги-нальные ощущения должны иметь место, кажется мне теоретически весьма возможным по следующим причинам. Несомненно, что известная женская фантазия, о том, как необычайно большой пенис совершает насильственное проникновение, сопровождающееся болью и кровотечением, угрожая что-то разрушить, должна свидетельствовать о том, что эдиповы фантазии у маленькой девочки основываются самым реалистическим образом (в соответствии с пластической конкретностью детского мышления) на диспропорции в размерах отца и ребенка. Я также думаю, что как эдиповы фантазии, так и логически обоснованный страх внутренней (вагинальной) травмы подсказывают, что как вагина, так и клитор должны считаться играющими самостоятельную роль в ранней инфантильной генитальной организации женщин 14. Из более позднего явления фригидности можно даже заключить, что вагинальная зона действительно более мощно нагружена либидо, чем клитор (судя по связанной с ней тревожностью и попыткам ее оборонять); и именно поэтому кровосмесительные желания относятся к вагине с безошибочной точностью подсознания. С этой точки зрения фригидность можно трактовать как попытку оградить себя от фантазий, слишком опасных для Эго. Эта точка зрения вдобавок позволяет понять причину бессознательного чувства удовольствия, которое, как утверждают различные авторы, иногда сопутствует родам, а, с другой стороны — объяснить страх деторождения. Ибо именно роды (вследствие боли, возникающей из-за несоответствия размеров влагалища и ребенка) гораздо лучше, чем половое сношение, «приспособлены» для подсознательной реализации подобных ранних кровосмесительный фантазий, причем такой реализации, с которой не связано чувство вины; в то время как женская генитальная тревожность, подобно страху кастрации у мальчиков, неизменно несет на себе отпечаток чувства вины и именно ему обязана своим продолжительным влиянием. Следующий действующий в том же направлении фактор — это определенное следствие анатомической разницы между полами. Я имею в виду, что мальчики могут осмотреть свои гениталии, чтобы проверить, имеют ли место ужасные последствия онанизма 15. Девочки, напротив, в буквальном смысле «пребывают во мраке» по этому поводу и остаются в полном неведении: в порядке ли их гениталии? Естественно, отсутствие возможности осмотра себя не может сравниваться со случаями острого страха мальчиков перед кастрацией, но в случаях не столь выраженного страха, которые встречаются гораздо чаще, я думаю, что такое различие очень важно. В любом случае материал, собранный мной в процессе психоанализа женщин, привел меня к заключению, что этот фактор играет значительную роль в женской ментальности и что он вносит свой вклад в ту особую внутреннюю неуверенность, так часто встречающуюся у женщин. И именно под давлением этой тревоги девочка нередко ищет убежища в роли мужчины. | Каков же выигрыш в уходе от женской роли? Я сошлюсь на опыт, имеющийся, наверное, у всех психоаналитиков: они обнаруживают, что подсознательное желание быть мужчиной попадает, в общем, на сравнительно благоприятную почву: однажды возникнув, оно становится устойчивым, так как является выражением стремления избежать осознания

либидонозных желаний и фантазий, связанных с отцом. Таким образом, желание быть мужчиной содействует подавлению кровосмесительных женских желаний или сопротивлению их «вытаскиванию на свет Божий». Такой типичный и постоянно повторяющийся опыт вынуждает нас, если мы верны психоаналитическим принципам, заключить, что фантазии о том, чтобы быть мужчиной, предназначены в раннем периоде именно для того, чтобы оградить субъекта от либидонозных желаний, связанных с отцом. Фантазия „я мужчина" позволяет девочке „уйти" от женской роли, в данной ситуации — слишком перегруженной виной и тревогой. Естественно, что попытка отойти от женского стиля жизни к мужскому неизбежно приносит чувство неполноценности, так как девочка начинает примерять к себе чужие притязания и оценивать себя мерками, чуждыми ее биологическому естеству, и при этом, конечно же, сталкивается с чувством, что она никогда не сможет соответствовать им полностью. Хотя чувство неполноценности очень мучительно, аналитический опыт убедительно доказывает нам, что Эго переносит его легче, чем чувство вины, связанное с сохранением женской по-лоролевой установки, и, следовательно, для Эго — несомненный выигрыш, когда девочка, избегая Сциллы-вины, ищет убежища у Харибды-неполноценности. Для полноты картины я упомяну еще об одном преимуществе, которое, как мы уже знаем, получает женщина от процесса отождествления с отцом, происходящего одновременно с принятием роли мужчины. Я, к сожалению, не могу ничего нового добавить к тому, что я уже излагала в моей более ранней работе. Мы знаем, что сам процесс отождествления с отцом является одним из ответов на вопрос, почему уход от женских желаний, направленных на отца, всегда ведет к усвоению полоролевой установки мужчины. Некоторые размышления над тем, что уже было сказано, открывают нам возможность иной точки зрения на этот вопрос. Известно, что когда либидо встречает препятствия на своем пути, практически всегда наблюдается регрессия и активизируется более ранняя фаза развития. Согласно последней работе Фрейда, зависть к пенису представляет собой стадию, предшествующую подлинной объектной любви к отцу. Такой ход мысли, предложенный Фрейдом, помогает нам понять ту внутреннюю необходимость, с которой либидо регрессирует назад именно к этой предшествующей стадии, независимо от того, когда и в какой степени оно столкнулось с преградой кровосмешения. Я в принципе согласна с замечанием Фрейда, что девочка движется к объектной любви дорогой зависти к пенису, но я думаю, что природа этой эволюции может быть изображена иначе. Наблюдая в случаях регресса, какая значительная часть первичной зависти к пенису проистекает из периода, предшествующего Эдипову комплексу, мы должны отказаться от искушения интерпретировать все проявления такого элементарного закона природы, как взаимное влечение полов, только в свете этой зависти. Исходя из этого заключения и столкнувшись с вопросом, как же тогда следует понимать психологию этого первичного биологического принципа, мы, казалось бы, должны признаться, что мы этого не знаем. На самом деле, я все чаще обращаюсь к гипотезе, что, возможно, причинная связь может быть совершенно обратной и что именно влечение к противоположному полу, действующее с самого раннего периода, и обусловливает либидонозный интерес маленькой девочки к пенису. Этот интерес, в зависимости от достигнутого уровня развития, сначала имеет аутоэротическую и нарциссическую направленность, как я описывала ранее. Если мы будем рассматривать указанные „отно-шения зависти" применительно к взаимному влечению полов, перед нами встанут новые вопросы, относящиеся к причинам возникновения Эдипова комплекса у мужчин, и я надеюсь ответить на них в следующей статье. Но если мы предположим, что зависть к пенису является первым выражением загадочного взаимного притяжения полов, тогда окажется, что нет ничего удивительного в том, что анализ обнаруживает ее существование в еще более глубоких временных слоях, чем тот, в котором развиваются желание иметь ребенка и нежная привязанность к отцу. Путь к нежному отношению к отцу может быть подготовлен не только разочарованием в связи с отсутствием пениса, но с таким же успехом и иным образом. И тогда мы должны

говорить о либидонозном интересе к пенису как о своеобразном проявлении „парциальной любви", используя термин Абрахама 16. Такая любовь, говорит он, всегда имеется в качестве предшествующей стадии подлинно объектной любви. Мы можем также объяснить этот процесс и путем аналогии с переживаниями более старшего возраста: восхищенная зависть прямым путем ведет к любовному отношению. Что же касается чрезвычайной легкости, с которой происходит возврат к зависти, я должна сослаться на определенное аналитическое открытие 17. В ассоциациях пациенток нарциссиче-ское стремление обладать собственным пенисом и стремление обладать объектом либидонозного влечения часто так переплетены, что порой трудно понять, в каком смысле употребляются слова: «Я его хочу». Еще несколько слов о женской фантазии кастрации как таковой. Она дала название всему комплексу, так как является самой поразительной его частью. Согласно моей теории женского развития, я считаю целесообразным рассматривать эти фантазии как вторичное образование. Я представляю себе их происхождение так: когда женщина находит убежище в фиктивной мужской роли, ее женская генитальная тревожность до некоторой степени переводится на мужской язык — страх ваги-нальной травмы становится фантазией о кастрации. Девочка выигрывает от этого, так как заменяет более мучительное чувство неуверенности (обусловленное ее анатомическим строением) и ожидание наказания на конкретную идею. Кроме того, так как сама фантазия кастрации тоже отчасти лишь причудливая тень все того же старого чувства вины, то идея обладания собственным пенисом становится желанным доказательством невиновности. Итак, начало типичных биологических мотивов ухода в роль мужчины, лежит в Эдиповом комплексе. Но позднее они подкрепляются и поддерживаются реальной дискриминацией женского труда в обществе. Конечно, мы должны признать, что стремление быть мужчиной, когда оно идет от этого источника, является превосходной рационализацией бессознательных мотивов. Но мы не должны забывать, что дискриминация есть часть нашей реальности и что на самом деле она гораздо сильнее, чем большинство женщин это сознает. г Георг Симмель в этой связи говорит, что „большая важность,
приписываемая мужчине в социальном плане, возможно обусловлена его позицией превосходства в силе" и что исторически отношения полов можно грубо описать как отношения господина и раба. И здесь, как и везде, „одна из привилегий господина состоит в том, что он не должен постоянно помнить, что он господин, в то время как раб никогда не может забыть, что он раб", Эта привилегия, пожалуй, объясняет недооценку дискриминации в психоаналитической литературе. В реальной жизни девочка от рождения обречена убеждаться в своей неполноценности, высказывается ли это грубо или исподволь. Такое положение постоянно стимулирует ее комплекс маскулинности. Я приведу еще некоторые соображения. Благодаря тому, что наша цивилизация до сих пор носила чисто мужской характер, женщине гораздо труднее было достичь сублимации, которая реально удовлетворяла бы ее естество, ведь все обычные профессии всегда были рассчитаны на мужчин. Это усугубляло ее чувство неполноценности, поскольку она, естественно, не могла достичь того же, что и мужчина, и ей начинало казаться, что это и есть реальное основание для ее дискриминации. Трудно оценить, до какой степени бессознательные мотивы ухода от женственности обусловливаются реальным социальным неравенством женщины. Естественно было бы предполагать связь и взаимовлияние психических и социальных факторов. Но здесь я хочу только указать на эту проблему, так как она настолько глубока и серьезна, что требует отдельного исследования. Те же самые факторы имеют столь же существенное, но качественное иное влияние на развитие мужчины. С одной стороны, они ведут к гораздо более сильному подавлению его феминных желаний, на которых стоит клеймо неполноценности, а с другой — эти желания становится легче успешно сублимировать. Итак, я предложила для обсуждения некоторые мои толкования проблем женской психологии, которые во многом отличаются от существующих взглядов. Возможно и даже весьма вероятно, что картина, которую я

нарисовала, кажется односторонней с мужской — противоположной — точки зрения. Но мое главное намерение состояло в том, чтобы в этой статье указать на возможный источник ошибок, обусловленных полом исследователя, и тем самым сделать еще один шаг вперед, к цели, которой мы все стремимся достичь: подняться над субъективностью мужской или женской точки зрения и создать картину ментального развития женщины, которая бы более соответствовала реалиям женской природы — с ее особыми качествами и их отличиями от качеств мужчины — чем все те картины женского ментального развития, которые существовали до сих пор.

1 3. Фрейд. „Инфантильная генитальная организация либидо". 2 Х. Дейч. „Психоанализ женской сексуальности". (1925). Хелен Дейч (1884 — ?) — психоаналитик фрейдовской школы, доктор медицины, автор теории женственности и широко известного двухтомного издания „Психология женщины" (1944—1945) [М. Р.]. 3 3. Фрейд. „Некоторые последствия анатомической разницы полов". Intern. Zeischr. f. Psychoanal., XI (1925). 4 Г. Симмель. „Культура философии" (Избранные эссе Георга Симмеля под ред. д-ра Вернера Кликхарда, Лейпциг, 1911). 5 Вартинг. „Мужественность в женщинах и женственность в мужчинах". 6 Делиус. „О пробуждении женщины". 7 Ш. Ференци. „Попытка создания генитальной теории". Шандор Ференци (1873—1933) — выдающийся венгерский психоаналитик [М. Р.]. 8 См. также работы Хелен Дейч „Психоанализ женской сексуальности" и Георга Гроддека „Оно". 9 К. Хорни. „О происхождении комплекса кастрации у женщин". 10 3. Фрейд. „Некоторые последствия анатомической разницы полов". 11 3. Фрейд. „О трансформации инстинкта в связи с анальным эротизмом". 12 Г. Гроддек. „Оно". 13 См. подробное изложение вопроса: К. Хорни. „О происхождении комплекса кастрации у женщин". 14 Как только мне пришла в голову возможность такой связи, я поняла, что следует именно в этом смысле (то есть — как представляющих страх вагиналь-ной травмы) истолковывать множество явлений, объяснением которых кастраци-онной фантазией в мужском смысле я была ранее вполне удовлетворена. 15 Которых, естественно, нет и быть не может, так как онанизм, как уже упоминалось, это естественное проявление сексуальности, свойственное данной фазе психосексуального развития личности, с учетом ее направленности на собственное тело, называемой „нарциссическая" [М. Р.]. 16 К.Абрахам. „Попытка описания истории развития либидо" (1924). Фрейд ссылается на это открытие в „Табу девственности".

ЗАПРЕЩЕННАЯ ЖЕНСТВЕННОСТЬ (Психоанализ о проблеме фригидности) Zeitschr. f. Sexualwissenschaft, vol. 13 (1926—27). Весьма примечательно, что, исследуя широко распространенное явление фригидности, терапевты и сексологи пришли к диаметрально противоположным взглядам. Терапевты, учитывая высокую индивидуальную значимость этого расстройства, сравнивают фригидность с нарушением мужской потенции и заявляют, что оба эти явления в равной степени следует рассматривать как болезнь. Эта точка зрения свидетельствует о важности еще более серьезного подхода к изучению этиологии и лечению фригидности, особенно вследствие ее широкой распространенности. С другой стороны, широкая распространенность фригидности наводит сексологов на мысль, что нельзя считать столь обычное явление заболеванием, и поэтому фригидность скорее следовало бы рассматривать как вариант нормального сексуального поведения цивилизованной женщины. Какие бы научные гипотезы не выдвигались для доказательства этого положения 1, все они приводят нас к одному заключению: обычное терапевтическое воздействие при лечении фригидности никогда — ни закономерно, ни случайно — не может быть успешным. Создается впечатление, что доводы, как «за», так и «против», независимо от того, апеллируют ли они к социальным факторам или к биологическим, всегда базируются на твердом субъективном убеждении2, и, следовательно, не помогут нам внести ясность в обсуждаемый вопрос. Психоанализ как

наука с самого начала пошел в ином направлении, по которому, в силу своей природы, и должен был идти, а именно — по пути медико-психологических наблюдений индивидуального развития в его динамике.
Если мы согласимся, что этот путь приближает нас к решению проблемы, то мы, наконец, сможем получить ответы на два важных вопроса:
1. Какие процессы, с учетом наших наблюдений, ведут к формированию фригидности в каждом конкретном случае?
2. Какая роль отводится этому явлению в структуре либидо женщины? Те же самые вопросы можно сформулировать иначе. Является ли фригидность изолированным и потому сравнительно несущественным симптомом? Или она связана с какой-то реальной психической или соматической патологией? Позвольте мне проиллюстрировать смысл этих вопросов посредством грубого и поэтому во многих отношениях слабого сравнения. Если бы мы ничего не знали о патологическом процессе, симптомом которого является кашель, то, вероятно возникла бы дискуссия о том, считать ли кашель во всех случаях признаком заболевания или же рассматривать его только как признак субъективных ощущений раздражения носоглотки, так как очевидно, что множество здоровых людей кашляют. Разногласия, бесспорно, существовали бы, но лишь до тех пор, пока мы не узнали бы о связи кашля с более глубокими нарушениями.
Такое сравнение, несмотря на его очевидные недостатки, открывает перед нами определенную перспективу, а именно: возможно ли, что фригидность — как и кашель — только сигнал, указывающий на более глубокие внутренние нарушения? Естественно, тотчас возникает сомнение, так как существует множество здоровых, деятельных и в то же время фригидных женщин. Однако это возражение не так уж убедительно, как кажется, по двум причинам. Во-первых, только тщательное индивидуальное обследование каждого конкретного случая может показать отсутствие связанных с фригидностью явных или скрытых нарушений. Я имею в виду, например, трудный характер или неумение планировать собственную жизнь, которые обычно почему-то относят к внешним факторам. Во-вторых, нужно принять во внимание, что психическая организация человека — это не машина, которая может отказать напрочь, если где-то в одном месте произошла поломка или ослабла передача. Наоборот, у нас есть значительные возможности для трансформации сексуальных импульсов в несексуальные, для успешной сублимации их в русле культуры. Прежде чем перейти к онтогенезу фригидности, я хотела бы остановиться на явлениях, которые часто ассоциируются с ней, но ограничусь здесь только теми, которые находятся преимущественно в пределах нормы. Фригидность, независимо от того, считаем ли мы ее обусловленной органически или психологически, по своей сути является своеобразным запретом на проявление сексуальности. Поэтому неудивительно, что обычно она сочетается с нарушениями других функций женского организма. Во многих случаях фригидности мы наблюдаем различные функциональные нарушения менструального цикла3, такие как нерегулярность, дисменорея, или — возвращаясь к психологической феноменологии — состояние напряженности, раздражительности или слабости, часто начинающееся за 8—14 дней до менструации и каждый раз существенно нарушающее психическое равновесие женщины. В других случаях искажается отношение женщины к материнству. Иногда сама возможность беременности полностью отвергается, причем «доводы», приводимые для оправдания такой установки, практически всегда представляют собой лишь различные формы рационализации. Сюда же относятся выкидыши, случающиеся без видимых органических причин, бесчисленные и хорошо знакомые жалобы на плохое самочувствие во время беременности 4. Во время родов могут проявиться такие расстройства, как невротическая тревога или функциональная слабость схваток. У других женщин затруднения возникают в связи с уходом за ребенком: от неудачных попыток кормления грудью — до нервного истощения. Или же вместо теплого материнского отношения к ребенку мы видим раздражение или панику, в основе которых лежит желание отделаться от ребенка, сдав его какой-нибудь няньке. Нечто

подобное происходит и с отношением женщины к ее домашним обязанностям. Или она сама становится каторжницей и хочет, чтобы и все были на каторге, или же устает от любого пустяка, потому что все, что делается неохотно, становится непомерной нагрузкой. Но даже если все эти расстройства, обычно сопутствующие фригидности, отсутствуют, одно присутствует всегда. Это дисгармония, ущербность отношений с мужчиной. Я еще вернусь к природе этого расстройства. Здесь же я хотела бы сказать только вот что: проявлятся ли оно в полном равнодушии или смертельной ревности, в подозрительности или раздражительности, в капризной требовательности или чувстве неполноценности, в необходимости иметь любовников или в стремлении к интимной дружбе с женщинами, всегда обнаруживается одна общая черта — неспособность к полному духовному и физическому слиянию с объектом любви. Во время сеансов психоанализа мы проникаем глубоко в подсознательную психическую жизнь таких женщин. И, как правило, встречаем совершенно определенное отвержение ими роли женщины. При этом следует отметить, что сознательное Эго 5 этих женщин обычно не дает никаких свидетельств такого активного отказа. Наоборот, они нередко производят впечатле-43

ние женственных, и это может соответствовать их сознательной установке. Как уже справедливо отмечалось, фригидная женщина может быть эротически отзывчивой и даже сексуально требовательной, и это наблюдение не позволяет нам ставить знак равенства между фригидностью и отвращением к сексу. Фактически, на уровне глубинной психологии мы встречаем не отказ от секса вообще, а скорее неприятие в нем именно своей, специфически женской роли. Когда это неприятие достигает сознания женщины, она обычно объясняет его постоянно испытываемой социальной дискриминацией или выливает поток обвинений против мужа или мужчин вообще. Однако, при более глубоком исследовании, за этим легко просматривается достаточно специфическая мотивация — более или менее сильное желание собственной маскулинности или фантазии о ней. Я хочу подчеркнуть, что речь идет о царстве подсознания. Поэтому, даже если подобное желание отчасти осознается, всю силу и глубину подсознательной мотивации своего стремления женщина обычно не сознает.

Комплекс чувств и фантазий женщины, содержание которых определяется бессознательным желанием тех преимуществ, которые дает положение мужчины, зависть к мужчинам, желание быть мужчиной и отказ от роли женщины — мы и называем комплексом маскулинности у женщин. Влияние этого комплекса на жизнь как практически здоровой, так и невротичной женщины столь многогранно, что я вынуждена ограничиться лишь схематичным наброском его основных проявлений 6. В зависимости от степени зависти к мужчине, это желание может выражаться в открытом возмущении, направленном против мужчин, или в затаенной горечи из-за их привилегий, подобно скрытой злобе рабочего против работодателя с характерной установкой: победить или любым способом ослабить противника психологически в ежедневной партизанской войне. В общем, знакомая картина. Мы ее наблюдаем во многих семьях. И одновременно с этим мы видим, как женщина, третирую-щая абсолютно всех мужчин, тем не менее признает их превосходство. Она не верит в то, что женщины хоть к чему-то способны, и обычно склонна разделять мужское неуважение к ним. Если она и не мужчина, так хоть поддержит их суждение о женщинах 7. Часто такое отношение сочетается с пренебрежением и к мужчинам тоже, так что невольно вспоминается басня о лисе и винограде 8. Нередко бессознательная зависть настолько ослепляет женщину, что она вообще не видит своих достоинств и самостоятельной ценности женщины. Даже материнство воспринима-44

ется ею только как бремя. Все меряется на мужской аршин, и по этой чужой мерке она запросто находит себя несостоятельной. Поэтому и в наши дни мы часто встречаемся с выраженной неуверенностью в себе даже у очень одаренных женщин, чьи достижения несомненны и всеми признаны. Эта неуверенность идет из глубины комплекса маскулинности и обычно выражается в чрезмерной чувствительности к критике или робости.

С другой стороны чувство изначальной ущербности и обде-ленности судьбой порождает бессознательное требование компенсации за «случившуюся несправедливость». Но источник этих требований таков, что они никогда не могут быть действительно удовлетворены. Мы привыкли объяснять постоянную требовательность или постоянное недовольство некоторых женщин их общей сексуальной неудовлетворенностью. Но более пристальный взгляд показывает нам, что сама эта неудовлетворенность — только следствие комплекса маскулинности. Естественно, и это подтверждается нашим психоаналитическим опытом, что наличие сильного бессознательного желания стать мужчиной неблагоприятно для формирования нормального по-лоролевого поведения. Сама внутренняя логика такого желания должна приводить к фригидности, или даже к полному отверга-нию мужчины как сексуального партнера. Фригидность, в свою очередь, усиливает чувство собственной неполноценности, так как в глубине души она безошибочно переживается как неспособность к любви. Часто это полностью противоречит сознательному восприятию собственной фригидности, которая индивидуально интерпретируется женщиной как воздержанность, целомудрие. В свою очередь, подсознательное ощущение собственной сексуальной ущербности ведет к невротически обусловленной ревности к другим женщинам. Другие последствия комплекса маскулинности имеют более глубокие корни в подсознании и не могут быть поняты без обращения к механизмам функционирования бессознательного. Сновидения 9 и невротические симптомы большинства наших пациенток ясно демонстрируют, что они не принимают собственной женской сути. Более того, нередко их подсознание создает «любимую» фантазию о том, что они были сотворены мужчинами. В своих снах и фантазиях они верят, что некое воздействие изуродовало и травмировало их. В результате этих фантазий женские генеталии осознаются как больной, ущербный орган. Фантастическая идея травмированности позднее находит новое подтверждение в менструациях, несмотря на знание и понимание того, почему они наступают. Фантазии такой природы нередко 45

ведут к уже упомянутым нарушениям менструального цикла, к болям во время сношения и к гинекологическим расстройствам 10. В других случаях такие идеи, а также жалобы и связанные с ними ипохондрические страхи, не ассоциируются непосредственно с гениталиями, а переносятся на любые другие органы. Только детальное, выходящее за рамки этой статьи, психоаналитическое исследование пациента может приблизить нас к пониманию процессов, протекающих в каждом конкретном случае. Тем не менее, достаточно общим для психоаналитиков впечатлением является то, что сила этих бессознательных стремлений к маскулинности велика. Когда мы исследуем источник комплекса маскулинности в психологическом развитии фригидной женщины, мы должны прежде всего обратиться к тому периоду детства, когда девочки действительно завидуют гениталиям мальчиков. Это хорошо известно и может быть проверено непосредственно. Аналитические интерпретации, по сути — субъективные, ничего не прибавляют к этим наблюдениям. Но, несмотря на прямые подтверждения существования этой феноменологии, мы до сих пор сталкиваемся с недоверием. Критики психоанализа не подвергают сомнению тот факт, что дети высказывают подобные идеи, но, тем не менее, пытаются отрицать их значение для психосексуального развития ребенка. Они

утверждают, что хотя такие желания или даже зависть к пенису действительно встречается у некоторых девочек, но их значение для индивидуального развития столь же мало, как, например, чувства зависти к чужим игрушкам или конфетам. Позвольте мне не согласиться с критиками. В жизни маленьких детей их тело играет гораздо большую роль, и это впоследствии сказывается на психологической дифференциации полов. Такое «примитивное» отношение к телесности нередко оказывается выше понимания взрослых европейцев. Однако, если мы обратимся к другим народам, находящимся на более примитивных стадиях развития, мыслящим более наивно и, поэтому — менее подавляющим сексуальную тематику, то мы увидим, что они довольно открыто исповедуют культы, включающие поклонение физическому воплощению сексуальности, особенно фаллосу, который они возводят в ранг божества и приписывают ему магическую власть. Мышление, лежащее в основе фаллического культа, фактически настолько близко к детскому, что оно понятно всякому, знакомому с детским. И, наоборот, оно помогает нам понять мир ребенка. Если мы примем зависть к пенису как эмпирический факт, 46

возражение, которое при этом сразу возникает, трудно опровергнуть в свете рационального мышления. Суть этого возражения такова: с какой стати девочка должна завидовать мальчику? Ее способность к материнству дает ей неоспоримые биологические преимущества, которые никто не может отрицать. Уж скорее мальчики должны ей завидовать. Такое явление действительно существует, и эта зависть является для взрослых мужчин мощным творческим стимулом п. Но в раннем возрасте девочка еще не понимает, что в перспективе у нее имеются преимущества перед мальчиками, и чувствует, что находится в невыгодном положении. Тем не менее, в упомянутой выше критике есть рациональное зерно. Зависть к пенису действительно переоценивается. Комплекс маскулинности с его зачастую катастрофическими для женщины последствиями не вырастает из этого раннего периода развития прямо, а только совершив сложный «обходной маневр». Для того, чтобы осознать это обстоятельство, надо понимать, что сама зависть девочек к пенису нарциссична по своей природе и направлена на собственное Эго, а не на объект. В случае благоприятного развития эта нарциссическая зависть в последующем почти полностью «растворяется» в объектно-либидном желании мужчины и ребенка 12. Это подтверждается нашими наблюдениями пациенток, которые чувствовали себя абсолютно комфортно в роли женщины. У них не отмечалось никаких признаков маскулинных потребностей. Однако, с точки зрения психоаналитика, чтобы гарантировать нормальное психосексуальное развитие требуется множество дополнительных условий и одновременно существует масса возможностей этому развитию помешать или даже «блокировать» его. Решающей стадией всего последующего психосексуального развития женщины является тот период, когда складываются первые объектные отношения в семье 13. В течение этой фазы, пик которой наступает между третьим и пятым годами жизни, могут возникнуть различные обстоятельства, заставляющие девочку «отказаться» от женской роли. Например, явное предпочтение, оказываемое родителями ее брату, часто способствует появлению у девочки сильных стремлений к маску-линности. Ранние сексуальные впечатления также надолго оставляют неблагоприятный след. Это особенно характерно для семей, где все, связанное с сексом, так или иначе скрывают от ребенка. Поэтому случайно увиденное кажется чем-то жутким и запретным. Половой акт между родителями, свидетелями которого дети так часто становятся в первые годы жизни, как правило принимается за избиение матери, изнасилование или издева-47

тельство над ней. Случайно увиденные следы менструальной крови нередко подкрепляют догадку, что с мамой делают что-то страшное, ее режут, уродуют, отчего она больна. Пока еще нередкие проявления жестокости отца по отношению к-матери также, как и ее болезненность, еще более укрепляют убеждение, что положение женщины — неприятное и опасное. Все это сильно действует на маленькую девочку, особенно если происходит на первой фазе ее сексуального развития, когда она неосознанно отождествляет свои инстинктивные запросы с материнскими. От этих бессознательных инстинктивных запросов произрастают новые, которые могут действовать в том же направлении. Так, чем сильнее детская любовь девочки к отцу, тем сильнее опасность, что это чувство потерпит крах из-за разочарования в нем или из-за чувства вины перед матерью. Более того: эта вина оказывается неразрывно связанной с женской ролью. Связь женской роли с чувством вины нередко может быть следствием страха наказания за мастурбацию, которая, как мы знаем, является естественным физическим выражением потребности в сексуальной стимуляции в этот период. Из-за своих тревог и чувства вины девочка может совершенно «отвернуться» от роли женщины и найти убежище в фиктивной маскулинности. Маскулинные желания, первоначально возникающие из наивной зависти (которая, учитывая ее природу, обречена быстро исчезнуть) теперь закрепляются тревогой и виной, а две эти могущественные силы уже вполне могут привести к вышеописанным последствиям. Неаналитики склонны объяснять нарушения психосексуального развития более поздним разочарованием в любви. Нам случалось наблюдать, как разочарованный в женщине мужчина избирает гомосексуальный объект любви. Конечно же, возможность такого варианта не следует недооценивать, но наш опыт свидетельствует, что сама несчастная любовь взрослого человека может быть лишь результатом особой установки, приобретенной им в детстве. А, значит, те же последствия могут наступить и без всякой несчастной любви. Стоит бессознательным претензиям на масулинность однажды взять верх, и женщина оказывается в «порочном круге». Раз уж она отошла от роли женщины в сторону фиктивной роли мужчины, этот первый шаг требует от нее дальнейшего отказа от проявлений женственности — даже с оттенком презрения к ней. Женщине, которая построила свою жизнь на таких бессознательных претензиях, с самого начала угрожает опасность с двух сторон. С одной стороны, это ее маскулинные желания, постоянно дестабилизирующие ее чувство самоидентификации, а с другой стороны — это ее подавленная женственность, неизбежно о себе напоминающая. Художественная литература дает немало примеров судеб женщин, разрываемых этим конфликтом. Мы узнаем их в Орлеанской Деве Шиллера, захваченной и унесенной водоворотом истории. Романтически освещая исторические события, Шиллер рисует нам героиню, терзаемую виной за краткое чувство любви к врагу ее страны. Такое глубокое чувство вины и такие жестокие терзания кажутся чрезмерными, несоответствующими «преступлению». Но глубокий психологический смысл сюжета открывается нам, если мы допустим, что силой поэтической интуиции автора в нем отражен подсознательный конфликт. Такая интерпретация драмы естественно вытекает из ее пролога, в котором Дева слышит Глас Господень, запрещающий ей все женские переживания, обещая взамен славу, достойную мужчины: «Страшись надежд, не знай любви земныя; Венчальных свеч тебе не зажигать; Не быть тебе душой семьи родныя; Цветущего младенца не ласкать... Но в битвах я главу твою прославлю; Всех выше дев земных тебя поставлю.» (Превод В. А. Жуковского) Допустим, что Глас Господень — это психологический эквивалент отцовского голоса 14 (эта гипотеза подтверждается множеством примеров). Таким образом, базисной ситуацией драмы является запрет всех женских переживаний, в основе которого лежат чувства героини к ее отцу. И такой запрет, якобы данный отцом, толкает героиню к роли мужчины. Поэтому она терзается не из-за того, что любит врага страны, а из-за того, что любит вообще, что прорвалось ее подавленная женственность и принесла с собой чувство вины. Отметим, и это очень характерно, что конфликт приводит не только к эмоциональной депрессии героини, но и к краху ее «мужских» достижений. Довольно

часто в медицинской психологии мы наблюдаем клинические случаи, подобные (хотя и в малом масштабе) ситуации, описанные интуитивным гением поэта. Это женщины, ставшие невротиками или претерпевшие изменение характера после первого сексуального опыта, порой независимо от того, было ли это только теоретическим знакомством с сексом или реальным физическим переживанием. Суммируя, можно сказать, что речь идет о тех случаях, когда дорога к специфически женской роли оказалась перекрыта барьером бессознательного чувства вины или тревоги. Это еще не обязательно ведет к фригидности. Весь вопрос в том, какое сопротивление придется преодолеть, чтобы разблокировать феминные ощущения и переживания. В нашей практике мы наблюдаем все варианты непрерывной последовательности симптомов фригидности: от полного отвергания самой мысли о сексуальных переживаниях до тех случаев, где сопротивление проявляется только на языке тела. Если такое сопротивление незначительно, фригидность обычно не является устойчивой или постоянной формой реагирования. Она может пройти при определенных, большей частью неосознаваемых самой женщиной условиях. Например, некоторым женщинам в качестве такого условия необходимо, чтобы секс был окружен атмосферой запретности, другим нужно страдание и даже немного насилия, третьим — полное отсутствие эмоциональной вовлеченности. В последнем случае женщина может быть холодной с любимым и одновременно способной к полному физическому слиянию с нелюбимым человеком, к которому она испытывает только чувственное влечение. Учитывая специфику проявлений фригидности, можно сделать совершенно справедливый вывод о ее психогенной природе. Более того, анализ ее развития помогает нам понять, что наличие или отсутствие холодности в определенных психологических ситуациях прямо определяется историей индивидуального развития личности. Утверждение Штекеля)5, что «нечувственная женщина — это та женщина, которая не нашла нужной ей формы удовлетворения своих чувств», с такой точки зрения оказывается некорректным, поскольку «нужная форма» может быть задана неосознаваемыми условиями 16 таким образом, что является нереализуемой или неприемлемой для сознательного Эго. Рамки явления, таким образом, раздвигаются. Фригидность действительно может рассматриваться как важный самостоятельный симптом, так как кумуляция либидо, происходящая от недостатка актуального высвобождения сексуальной энергии, плохо переносится многими женщинами. Но феномен фригидности приобретает реальное значение только с точки зрения нарушений развития, которые лежат в ее основе и выражением которых она является. И с этой точки зрения становится понятно, почему все другие функции женского организма также нередко оказываются под влиянием фригидности, и почему серьезные нервные расстройства у женщин почти всегда сопровождаются фригидностью со всеми лежащими в ее основе запретами. И теперь мы вновь возвращаемся к проблеме распространенности этого явления. Вряд ли нуждается в обосновании то, что частота явления еще не довод в пользу его нормальности, особенно после того, как мы проследили истоки возникновения фригидности вплоть до запретов на развитие женственности. Однако вопрос остается открытым: в чем же причина ее пугающей частоты? Было бы неверно искать ответ только в рамках психоанализа. Психоанализ может указать путь, или, лучше сказать, окольный путь, по которому идет развитие фригидности. Более того, психоанализ позволяет нам понять, как легко свернуть на этот путь в процессе развития. Однако он ничего не может сказать по поводу того, почему так часто идут именно этим путем, или, если точнее, психоанализ не может сказать в данном случае ничего такого, что выходило бы за рамки догадок и предположений. Мне представляется, что объяснение следует искать скорее в надиндивидуальных, культуральных факторах. Наша культура, как известно, культура мужчин, и, вообще говоря, не способствует расцвету женской индивидуальности 17. Из многочисленных факторов, которые в силу указанного положения вещей оказывают влияние на женщин, я хотела бы уделить внимание только двум. Во-первых, совершенно не имеет значения, что над женщиной могут «трястись» как над сокровищем в качестве

матери или любовницы. В любом случае мужчина считается имеющим «большую цену» и в человеческом, и в духовном плане; и маленькая девочка всегда растет в этой атмосфере. Если мы осознаем то, чем она дышит с первых лет жизни, мы поймем, какую роль это играет в последующем оправдании маскулинных желаний на сознательном уровне и как сильно это должно препятствовать внутреннему принятию женской роли. Второй неблагоприятный фактор — это определенные особенности современного мужского эротизма. Расщепление любви на «секс» и «романтику», которое у женщин мы встречаем очень редко, у образованных мужчин встречается так же часто, как фригидность у женщин 18. С одной стороны, мужчина ищет в женщине спутника жизни и близкого по духу друга, по отношению к которому чувственность воспрещается, и от которого, в глубине души, ждут такого же отношения. Естественно, что это проще простого приводит женщину к фригидности, даже если ее собственные запреты, пришедшие из детства и юности, не слишком сильны. С другой стороны, те же мужчины ищут женщину, отношения с которой были бы чисто сексуальными. Это стремление наиболее ярко проявляется в отношении проституток. Однако и вторая установка в женщине может отозваться также только фригидностью. Так как у женщин эмоциональность, как правило, гораздо более тесно и однородно слита с сексуальностью, она не может отдаться полностью, если не любит или не любима. Примем во внимание, что субъективные потребности мужчины (в любви или признании), благодаря его доминированию, могут найти удовлетворение и во внесексуальной реальности. Также примем во внимание то огромное влияние, которое оказывают традиции и воспитание на формирование у женщин запретов на сексуальность. Даже такие краткие ссылки на существующее положение вещей позволяют увидеть, какие мощные силы работают против свободного раскрытия женщины и женственности во всех ее проявлениях. С другой стороны, психоанализ наших пациенток демонстрирует, что существует еще целая масса внутренних факторов, которые способны нарушить нормальный ход психосексуального развития женщины и привести к отказу от женской роли. В каждом индивидуальном случае фригидности роль внутренних и внешних факторов различна. И, обычно, по своей природе она является результатом их взаимоотягощающего воздействия. Возможно, более тщательное изучение способа взаимодействия этих факторов даст нам в будущем более реальное понимание причин распространенности «запрета на женственность».

1 См. по этому вопросу: Макс Маркузе, «Сексуальная невропатия» и Молл, «Справочник по сексологии», 3-е издание, т. 2, 1926. 2 Вероятно, имеются в виду представления З. Фрейда об «исходной неполноценности женщины», по поводу которых К. Хорни полемизирует [М. Р.]. 3 Здесь, как и в последующем, я исключаю нарушения менструального цикла вследствие органических причин. 4 Очевидно, что мы не можем искать причины этих расстройств в изменениях метаболизма во время беременности, так как в тех случаях, когда имеется благоприятный психический настрой, изменения обмена сами по себе не вызывают особых нарушений самочувствия. 5 В данном контексте «Эго» используется как синоним представлений о себе [М. Р.] 6 Абрахам К. «Проявления комплекса кастрации у женщин, Int. J. Psycho-Anal., Vol. 4 (1921); Фрейд З. «Табу девственности». 7 Автор приводит здесь достаточно ясный пример одного из механизмов психологической защиты — защитной трансформации отношений [М. Р.] 8 В русском варианте басни И. А. Крылова лиса, которая не может дотянуться до высоко висящей кисти винограда, говорит: На взгляд-то он хорош, Да зелен — ягодки нет зрелой; Тотчас оскомину набьешь.» В сборнике пословиц В. Даля имеется и более простой вариант: «Зелен виноград, когда не дают» [М. Р.]

Сновидения — по З. Фрейду — один из основных механизмов реализации (и одновременно — один из способов выявления) подсознательных желаний, в основе

которых лежит «принцип удовольствия» [М. Р.] 10 Даже когда имеются действительно органические нарушения в генитальной сфере, например ectopias, жалобы субъекта часто обусловлены психическими факторами. 11 Есть на это указания и в языке, в том числе — в русском, например, «рождаются мысли», «вскармливаются идеи» и т. д. 12 Я ссылаюсь существующий в настоящее время опыт психоаналитических исследований этой стадии развития, известной под общим названием Эдиповой ситуации. 13 3. Фрейд. «О трансформации инстинктов с особой ссылкой на анальный эротизм». 14 Согласно концепции Фрейда, образ Бога является отражением потребности большинства людей в высшем авторитете — личности, которую можно обожать, подчиняться ей и, если необходимо, страдать за нее; личности, обычно ин-дентифицируемой с отцом. В работе «Будущее одной иллюзии» 3. Фрейд писал: «Когда взрослеющий человек замечает, что ему суждено навсегда остаться ребенком, что он никогда не перестанет нуждаться в защите от мощных чуждых сил, он наделяет эти последние чертами отцовского образа, создает себе богов, которых боится, которых пытается склонить на свою сторону и которым, тем не менее, вручает себя как защитникам. Таким образом, мотив тоски по отцу идентичен потребности в защите от последствий человеческой немощи» [М. Р.] 15 Штекель Вильгельм — один из видных учеников и последователей 3. Фрейда [М. Р.] 16 Имеется в виду — в глубоком детстве [М. Р.] 17 Симмель Г. «Культура философии» (Избранные эссе Георга Симмеля под ред. д-ра Вернера Клихкарда, Лейпциг, 1911). Фрейд 3. «К теории полового влечения», «Об особом типе «выбора объекта» у мужчины», 1910.

ПРОБЛЕМА МОНОГАМНОГО ИДЕАЛА Доклад на X международном конгрессе психоаналитиков. Инсбрук, 3 сентября 1927 г. С некоторых пор я спрашиваю себя с возрастающим удивлением, почему же до сих пор нет основательных аналитических работ по проблемам супружества ', хотя у каждого аналитика, конечно же, найдется, что сказать по этому поводу, а практика и теория требуют взяться за эту проблему; практика — потому что каждый день мы сталкиваемся с супружескими конфликтами; теория — потому что вряд ли существует другая жизненная ситуация, так явно и тесно связанная с Эдиповой, как брак. Возможно, говорила я себе, сам вопрос задевает нас слишком сильно, чтобы представлять собой заманчивый предмет научного любопытства. И возможно, что задевают нас, лежа чересчур близко к самым сокровенным нашим переживаниям, не проблемы брака, а его конфликты. Другая сложность в том, что брак — это общественный институт, и нельзя подходить к нему с чисто психологической точки зрения, хотя практическая важность проблемы и обязывает нас попытаться понять ее психологическую подоплеку. Темой моего доклада я выбрала лишь одну частную проблему, но сперва необходимо, пусть в общих чертах, обрисовать основу психологической ситуации, создаваемой браком. В своей «Книге о супружестве» Кайзерлинг недавно предложил для обсуждения вопрос столь же примечательный, сколь и очевидный. Что же именно, спрашивает он, продолжает толкать людей к супружеству, несмотря на проверенную веками обреченность этого предприятия на неудачу? Чтобы ответить на этот вопрос, мы, к счастью, не должны обращаться ни к «естественному» желанию иметь мужа и ребенка, ни, подобно Кайзерлингу, прибегать к метафизическим объяснениям; мы можем с большой точностью утверждать, что к супружеству нас влечет не что иное, как ожидание найти в нем выполнение всех наших давних желаний, идущих от эдиповой ситуации нашего детства — быть женой отцу, иметь его в своем исключительном обладании, и ро-

дить ему ребенка. Хочу здесь отметить, что зная это, нельзя не относиться весьма скептически к пророчествам о скором конце института брака, хотя, конечно, в каждый исторический период структура общества будет влиять на форму выражения этих неумирающих желаний. f Итак, исходная ситуация в браке опасно перегружена бессознательными желаниями. Это более или менее неизбежно, так как мы знаем, что от упорного возврата этих желаний нет средств, и что нам не очень-то помогут ни осознание их, ни опыт чужой жизни. Теперь о том, почему этот подсознательный груз опасен. Со стороны Ид субъекту угрожает разочарование не только потому, что реальное отцовство или материнство ни в малейшей степени не совпадает с картиной, оставленной в нашем сознании детскими желаниями и порывами, но также потому, что, как говорит Фрейд, жена или муж — это всегда лишь замена, суррогат. Сила разочарования зависит, с одной стороны, от степени фиксации 2, а, с другой стороны, от степени расхождения между найденным объектом и достигнутым удовлетворением и специфическими бессознательными сексуальными желаниями.

С другой стороны, Суперэго субъекта находится под угрозой воскрешения старого запрета на инцест — в этот раз по отношению к брачному партнеру; и чем полнее удовлетворены подсознательные желания, тем сильнее опасность. Новое пробуждение к жизни запрета на инцест при вступлении в брак типично и ведет mutatis mutandis (с необходимыми поправками) к тому же результату, что и отношения ребенка с родителями, а именно к тому, что прямые сексуальные цели уступают место отношениям привязанности, дружбы, в которых секс запрещен. Я лично знаю только один случай, в котором отношения не получили такого развития и жена продолжала относиться к мужу как к объекту сексуальной любви. Эта женщина в возрасте двенадцати лет получила реальное сексуальное удовлетворение от своего отца. Конечно, есть и другая причина, по которой сексуальность в браке склонна развиваться таким путем — сексуальное напряжение ослабляется в результате исполнения желания и особенно потому, что оно всегда может быть легко удовлетворено по отношению к одному определенному объекту. Но более глубокая мотивация этого типичного явления, при любой скорости процесса перерождения супружеских отношений и степени, до которой процесс развивается, воспроизводит некоторое подобие Эди-пова развития 3. Помимо различных случайных обстоятельств, форма и степень, в которой проявляется влияние этой ранней ситуации, будет зависеть от того, насколько запрет инцеста все 55

еще действует в сознании индивида. Наиболее глубокий эффект, при всем различии его проявлений у разных людей, может быть описан в общем виде так: запрет инцеста ведет к постановке определенных ограничений или условий, при которых субъект еще может переносить супружеские отношения, несмотря на этот запрет. Как нам известно, такие ограничения проявляются уже в выборе определенного типа супруга. Например, выбираемая в жены женщина ничем не должна напоминать мать: ее национальность, социальное происхождение, интеллект или внешность должны составлять резкий контраст с материнскими. Это позволяет понять, почему браки по рассудку или заключенные через третьих лиц часто оказываются удачнее браков по любви. Хотя сходство супружеских желаний с желаниями, восходящими к Эдипову комплексу, автоматически приводит к воспроизведению ранней позиции субъекта в Эдиповой ситуации и развитию этой ситуации, тем не менее, и ситуация, и ее развитие воспроизводятся в меньшей степени, если подсознательные ожидания субъекта не были с самого начала привязаны к определенному будущему мужу или жене. Более того, если мы обратимся к бессознательному стремлению оградить брак от наиболее страшных бедствий, мы поймем, что в институте сватовства была определенная психологическая мудрость, которую мы и сейчас встречаем у восточных евреев. Мы видим далее, как в самом браке эти ограничения могут быть воссозданы всеми сторонами личности. Что касается Ид, то

это всевозможные генитальные запреты, начиная от простой сексуальной сдержанности по отношению к партнеру, исключающей разнообразие любовной игры или полового акта, и кончая полной импотенцией или фригидностью. Обратившись к Эго, мы видим попытки успокоить себя или оправдать, принимающие самые разные формы. Одна из них — отрицание брака. Эта форма часто проявляется у женщин в виде чисто внешнего признания собственного замужества, без всякого внутреннего приятия, и сопровождается постоянным удивлением по поводу своего семейного положения, тенденцией подписываться девичьей фамилией, вести себя по-девичьи и т. п. Но, вынуждаемое внутренней необходимостью оправдать брак для сознания, Эго часто принимает и противоположную установку по отношению к супружеству, придавая ему преувеличенное значение или, точнее, выставляя напоказ любовь к мужу или жене. Штамп «любовь оправдывает», позволяет нам увидеть аналогию с более мягкими приговорами суда по отношению к преступникам, движимым любовью. В своей статье по поводу 56

женской гомосексуальности Фрейд утверждает, что нет ничего такого, о чем наше сознание бы не знало или лгало больше, чем о степени нашей любви или нелюбви к другому человеку. Это самая суть правды о браке — степень любви чаще всего переоценивается. Я давно спрашиваю себя, чем же это объяснить. Неудивительно, что иллюзия пылкой любви может возникнуть при мимолетных, недолговременных связях. Но брак, с его постоянством отношений, с частым удовлетворением сексуальных потребностей, казалось бы должен покончить с сексуальной переоценкой объекта и иллюзиями, связанными с этой переоценкой. На первый взгляд ответ таков, что люди, естественно, пытаются объяснить себе свои высокие требования к психической стороне супружеской жизни, и предполагают, что высота требований обязана силе чувства, а потому крепко держатся за эту идею, даже когда напор чувства слабеет. Однако, надо признать, что это ответ достаточно искусственный, проистекающий, вероятно, из потребности согласования с тем, с чем мы уже знакомы в Эго и чему мы можем с уверенностью приписывать фальсификацию фактов ради демонстрации цельной установки в отношениях, столь важных в жизни. И снова, если мы обратимся к Эдипову комплексу, мы добудем гораздо более глубокое объяснение. Ибо мы увидим, что заповедь и обет любить и сохранять верность мужу или жене, с которой вступаешь в брак, воспринимается подсознанием как повторение четвертой заповеди4. Следовательно, не любить супруга становится столь же великим грехом, как нарушение заповеди по отношению к родителям, и перед нами вновь, с детальной точностью, (подавление ненависти и преувеличение любви) компульсивное воспроизведение детского опыта. Я думаю, что во многих случаях мы будем некорректно оценивать вышеописанный феномен, пока не поймем, что сама любовь может быть одним из необходимых условий для придания подобия оправдания отношениям, запрещаемым Суперэго. Естественно, что поскольку любовь или ее иллюзия исполняет такую важную экономическую функцию, то за нее держатся крепко. Теперь нас не удивит, когда мы обнаружим, что страдание (как и симптом для невротика) — есть одно из условий, при которых брак может устоять против сильнейшего запрета инцеста. Требуемое для этой цели несчастье может принимать такие разные формы, что я не надеюсь все их описать достаточно удовлетворительно в моем кратком выступлении. Я расскажу о некоторых. Условие быть несчастным и страдать может касаться, например, домашней или профессиональной жизни, которая подсознательно выстраивается так, что человек перерабатывает 57

или вынужден приносить тягостные жертвы «ради семьи». Так, мы часто наблюдаем, как после свадьбы люди опускаются, их развитие идет вспять, будь то в профессиональной

карьере или в интеллектуальной сфере. И, конечно же, это бесчисленные случаи прислужничества у своего партнера, причем положение раба принимается по собственной воле, с сознательным наслаждением своим великим чувством ответственности. Глядя на такие браки, удивляешься: почему они не разваливаются, но зачастую наоборот, весьма стабильны? Но, по размышлении, как я уже говорила, понимаешь, что именно выполнение условия несчастности и есть гарантия неразрывности союза. Дойдя до этого пункта, мы видим, что здесь, несомненно, пролегает граница с браками, выкупаемыми ценой невроза. Этих последних я, однако, не хочу касаться, так как в моем докладе я хотела бы обсуждать в основном ситуации, которые еще могут считаться нормальными. Непременно следует отметить, что в моем обзоре я совершаю над фактами определенное насилие, не только потому, что каждое из описанных мной условий может быть рассмотрено в ином ключе, но также потому, что для того, чтобы представить их отчетливее, я брала каждое по отдельности, в то время как в жизни они, в общем-то, перемешаны. Мы, к примеру, можем встретить что-то от всех этих условий в женщинах во всех отношениях почтенных, в которых материнство развито просто необыкновенно, и одно оно, кажется, делает брак возможным для них. Они как будто говорят: «В моих отношениях с мужем я не должна быть ни женой, ни любовницей, но только матерью, со всей ответственностью и заботливостью, которые подобают этой роли». Такая установка — надежный страж брака, но основана-то она на ограничении любви, и потому иссушает отношения мужа и жены. Каков бы ни был в частном случае исход дилеммы между слишком слабым и слишком строгим выполнением условий, в случаях, где вопрос стоит особенно остро, эти два фактора — разочарование и запрет инцеста — со всеми последствиями, заключенными в скрытой враждебности к мужу или жене, приводят к отчуждению от партнера и невольно толкают на поиски нового объекта любви. Это базовая ситуация проблемы моногамии. Существуют и другие каналы для высвобожденного таким образом либидо: сублимация5, подавление, регрессивное направление на прежние объекты, дети, как средство достигнуть облегчения, но эти пути мы сейчас не будем рассматривать. 58

Объектом нашей любви может стать любой встречный, всегда существует такая возможность, мы должны это признать. Ибо наши детские впечатления и вторичные наслоения на них так разнообразны, что в норме для нас приемлем очень широкий выбор объектов. Итак, импульс к поиску нового объекта может получать (опять-таки, у совершенно нормального человека) сильную подпитку от бессознательных источников. Потому что хотя брак и представляет выполнение инфантильных желаний, они могут выполняться только в той мере, в какой развитие субъекта позволяет ему (ей) осуществлять реальное отождествление с ролью своего отца (матери). Всякий раз, когда исход Эдипова комплекса у субъекта отклоняется от этой фиктивной нормы, мы встретимся с одним и тем же явлением: в триаде мать — отец — ребенок, наш субъект сросся с ролью ребенка. Но если дело в этом, желания, проистекающие из такой инстинктивной установки, не могут быть прямо удовлетворены через брак. Переносимые из детства условия любви знакомы нам из работ Фрейда. Поэтому я должна только напомнить вам о них, чтобы показать, каким образом внутреннее содержание брака препятствует их выполнению. Для ребенка объект любви неразрывно связан с идеей чего-то запретного, в то время как любовь к мужу или жене не только дозволена — она становится орудием чудовищной идеи супружеского долга. Соперничество (условие его существования — включение страдающей третьей стороны) исключено самой природой моногамного брака; монополия в нем защищена законом. Кроме того, (но здесь мы генетически на другом уровне, так как вышеуказанные условия восходят прямо к Эдиповой ситуации, в то время как те, о которых я собираюсь говорить, могут быть прослежены до фиксации на особых ситуациях, имеющих место, когда Эдипов конфликт

уже окончен) бывает, что человека подталкивает компульсивное желание вновь продемонстрировать потенцию или эротическую привлекательность, вследствие генитальной неуверенности или соответствующей ему слабости, нарциссизма. Или, если имеют место бессознательные гомосексуальные тенденции, то они принуждают субъект искать объект того же пола. С точки зрения женщины это может быть достигнуто окольным путем: или муж может быть подтолкнут к связи с другой женщиной, или сама жена может искать таких отношений, в которые была бы вовлечена другая женщина. Главное же — и с практической точки зрения это, вероятно, наиболее важная вещь — в тех случаях, где диссоциация чувства любви не проходит 6, субъект вынужден 59

сосредоточить нежные чувства на объекте ином, нежели объект его чувственных желаний. Легко можно видеть, что задержка любого из этих инфантильных условий неблагоприятна для принципа моногамии: она неизбежно должна привести мужа или жену к поиску нового объекта любви. Такие полигамные стремления неизбежно входят в конфликт с требованием партнера о моногамности отношений и с идеалом верности, утвердившимся в нашем сознании. Давайте начнем с рассмотрения первого из этих двух требований, так как очевидно, что требование жертвы от другого — более примитивное явление, чем самопожертвование. Происхождение этого требования, вообще говоря, ясно — это попросту воскрешение инфантильного желания получить отца или мать в исключительную собственность. Требование монопольного права никоим образом не является отличительной чертой супружества (как мы могли бы подумать, видя, что оно присутствует в каждом из нас); напротив, это суть всяких глубоких любовных отношений. Конечно, в супружестве такое требование тоже может выставляться исключительно из любви, но по своему происхождению оно настолько неразрывно связано с деструктивными тенденциями и враждебностью к объекту, что практически ничего и не остается от любви, выставившей его, кроме ширмы, дающей этим враждебным намерениям осуществиться.
При анализе это стремление к монополии раскрывается в первую очередь как производная оральной фазы, в которой оно имеет форму желания инкорпорировать объект с целью полного и исключительного обладания им. Часто даже при простом наблюдении оно выдает свое происхождение в той жадности обладания, которая не только запрещает партнеру любые эротические переживания, но и ревнует его (или ее) к друзьям, работе и интересам. Эти проявления подтверждают наше теоретическое предположение, а именно, что в этом собственничестве, как и в каждой орально обусловленной установке, должна быть примесь амбивалентности. Иногда создается впечатление, что мужчины не только на деле превзошли женщин в своем наивном и тотальном требовании моногамной верности, но что инстинкт, заставляющий предъявлять это требование, у мужчин сильнее. Существуют, конечно, серьезные сознательные оправдания требования — мужчины хотят быть уверены в своем отцовстве. Но, может быть, именно оральная основа требования у мужчин имеет большую побудительную силу, потому что когда их мать кормила их, они переживали, во всяком случае частично, инкорпо-60

рацию объекта любви, в то время как девочки не могут вернуться к соответствующим переживаниям в связи со своим отцом. Деструктивные элементы следующего периода онтогенеза тесно объединены со страстью к монополии другой связью. В детстве требование исключительного права на любовь отца или матери закончилось фрустрацией и разочарованием, а в результате возникла реакция ненависти и ревности. Следовательно, за требованием монополии всегда прячется ненависть, которую можно обнаружить уже в той манере, в которой требование выставляется, и которая всегда прорывается наружу,

если повторяется старое разочарование. Детская фрустрация ранила не только нашу объектную любовь, но и наше самоуважение, причем в самом чувствительном месте, и мы знаем, что каждый человек носит нарциссический шрам. По этой причине, в дальнейшем, именно наша гордость требует моногамных отношений, и требует их в той мере, в которой еще ноет шрам, оставленный детским разочарованием. В патриархальном обществе, когда требование исключительного права обладания выставляется главным образом мужчиной, этот нарциссический фактор без затей проявляется в насмешливом отношении к «рогоносцам». И здесь требование верности выставляется не из любви, это вопрос престижа. В обществе, где доминируют мужчины, оно вынуждено все более становиться таковым, так как мужчины крепче думают о своем статусе, чем о любви. И, наконец, требование моногамии тесно связано с анально-садистскими инстинктивными элементами, и именно они, в совокупности с нарциссическими, придают требованию моногамно-сти в браке особый характер. Ибо по контрасту со свободной любовью, в браке вопросы обладания двояким образом тесно связаны с их историческим содержанием. Тот факт, что брак реально представляет собой экономическое партнерство, менее весом в обществе, чем взгляд, что женщина — имущество мужчины. Следовательно, без всякой индивидуальной подчеркнутости анального характера мужа, такие элементы обретают силу в супружестве и превращают любовное требование верности в анально-садистское требование обладания. Элементы садизма видны в их грубейшей форме в уголовных наказаниях неверных жен в старину, но и в нынешних браках они заявляют о себе в средствах, используемых для усиления требования: от более или менее нежного принуждения до вечной подозрительности, рассчитанной на то, чтобы мучить партнера — и то и другое знакомо нам из анализов случаев невроза навязчивости. Таким образом источник, из которого идеал моногамии чер-61

пает свою силу, кажется нам довольно примитивным. Но несмотря на его убогое происхождение, он разросся во властную силу, и теперь делит, как нам известно, судьбу прочих идеалов, в которых элементарные инстинктивные импульсы, отвергнутые сознанием, находят свое удовлетворение. В этом случае процессу содействует то, что выполнение некоторых наших наиболее мощно вытесненных желаний представляет в то же самое время ценное достижение в различных социальных и культурных аспектах. Как показал Радо в своей статье «Тревожная мать» 7, формирование такого идеала позволяет Это сдерживать свои критические функции, которые в противном случае указали бы ему, что стремление к перманентной монополии еще можно понять как пожелание, но как требование оно не только трудновыполнимо, но и несправедливо, и более того, в гораздо большей степени представляет собой реализацию нарциссических и садистских побуждений, чем говорит об истинной любви. Согласно Радо, формирование этого идеала обеспечивает Эго «нарцис-сическую гарантию», под покровом которой Эго может дать волю всем инстинктам, в противном случае подлежащим осуждению, и в то же самое время вырасти в собственных глазах, через ощущение, что выдвинутое требование справедливо и идеально. И, конечно, то, что требование подкреплено законом, чрезвычайно важно. Во всех предположениях по реформе брачного законодательства, которые проистекают из осознания, какой опасности подвергается брак именно из-за своего принудительного характера, по этому пункту обыкновенно делается исключение. Тем не менее, юридическая санкция требования скорее всего только видимое, наружное выражение его ценности для человеческого сознания. И когда мы осознаем, на какой инстинктивной основе покоится требование монопольного обладания, мы также видим, что если ныне существующее идеальное оправдание его было бы разрушено, мы любой ценой, тем или иным путем, но нашли бы новое. Более того, пока общество придает моногамии важное значение, оно, с точки зрения психического комфорта, заинтересовано позволять удовлетворение элементарных инстинктов, стоящих за требованием

монопольного обладания, с целью компенсировать ограничение других инстинктов, которые это требование налагает. Имея подобную общую основу, требование моногамии в частных случаях может получать подкрепление с разных сторон. Иногда какие-то одни из составляющих его элементов могут главенствовать в игре инстинктов, иногда все те факторы, которые мы считаем руководящими мотивами ревности, могут 62

вносить свой вклад. Фактически, мы можем описать требование моногамии как страховку против мучений ревности. Как и ревность, оно может подавляться чувством вины, нашептывающим, что у нас нет права на исключительное обладание отцом. Помимо того, оно может быть заслонено другими инстинктивными целями, как при хорошо известных нам проявлениях скрытой гомосексуальности. Как я уже говорила, стремление к полигамии приходит в противоречие с нашим собственным идеалом верности. В отличие от требования моногамности от других, наше отношение к собственной верности не имеет прототипа в наших детских переживаниях. Его содержание — ограничение инстинкта; следовательно оно очевидным образом не элементарно, а с самого начала представляет собой трансформацию инстинкта. Как правило, у нас больше возможности изучать требование моногамности, предъявляемые к себе женщинами, чем мужчинами, и мы должны бы заинтересоваться, почему же это так. Вопрос не в том (как это часто утверждают), правда ли, что у мужчин сильнее природная предрасположенность к полигамии. Не говоря уж о том, что мы мало что знаем с уверенностью о природной предрасположенности, такое утверждение уж слишком выдает свою тенденциозную направленность — в пользу мужчин. Я думаю, однако, что вполне оправдан наш интерес к тому, какими же психологическими факторами объясняется то, что в жизни мы гораздо реже встречаем верных мужчин, чем женщин. Ответ может быть неоднозначным, так как невозможно в этом вопросе отделиться от исторического и социального контекста. Мы, например, можем принять во внимание, что женская верность может быть дополнительно обусловлена тем, что мужчины навязывают свое требование моногамности куда более сильнодействующими средствами. Я говорю не только об экономической зависимости, не только о драконовских наказаниях женской неверности, а о более сложных вещах, чью природу Фрейд прояснил нам в «Табу девственности», в основном природу требования девственности невесты, необходимой мужчине как гарантия ее «сексуального рабства». С точки зрения психоанализа, связи с поднятой проблемой возникают два вопроса. Первый: принимая во внимание, что возможность зачатия делает половой акт вещью гораздо более важной для женщины, чем для мужчины, нельзя ли ожидать, что это найдет отражение в психологии? Я лично удивлюсь, если это не так. На этот счет мы знаем так мало, что до сих пор не были в состоянии выделить в отдельности особый репродуктивный инстинкт, но вполне удовлетворялись рассмотрением его психо-63

логической надстройки. Мы знаем, что различие между «духовной» и чувственной любовью, на которое так много ложится в вопросах верности и неверности, проводится преимущественно, и даже почти исключительно мужчинами. Не здесь ли надо искать психический коррелят биологического различия между полами? Второй вопрос вытекает из следующих размышлений. Разница в исходе Эдипова комплекса у мужчин и у женщин может быть сформулирована так: мальчик радикальнее отказывается от первичного объекта любви ради своей генитальной гордости, чем девочка от фиксации на личности отца, но это, очевидно, может иметь место только при условии, что она в немалой степени откажется от своей сексуальной роли. Спрашивается, не служит ли доказательством существования такой разницы между полами то, что в дальнейшей жизни половой запрет у женщин гораздо сильнее, чем у мужчин, и не эта ли именно разница «облегчает»

женщинам верность, а равно и отвечает за большую распространенность фригидности по сравнению с импотенцией, хотя и то и другое — проявление половых запретов. Таким образом, мы вышли на один из факторов, который можно предположительно рассматривать как существенное условие верности, а именно — на половой запрет. Тем не менее нам достаточно только указать на склонность к неверности, характеризующую фригидных женщин и мужчин со слабой потенцией, чтобы понять, что такая формулировка условия верности некорректна и нужно поискать более точную. Мы продвинемся вперед, обратив внимание, что люди, чья верность носит характер одержимости, за условными запретами часто прячут чувство сексуальной вины 8. Все, что запрещено условным соглашением (включая все сексуальные отношения, не санкционированые браком), нагружено у таких личностей целой горой запретов бессознательных, и это придает условному соглашению великую нравственную силу. Как и следовало ожидать, с такой особенностью мы сталкиваемся у тех лиц, кто готов вступить в брак только при определенных условиях. Брак заключается, и человек теперь переживает чувство вины по отношению к супругу особенно. Партнеру не только подсознательно приписывается роль родителя, которого ребенок домогается и любит, но оживает и старый ужас перед запретами и наказаниями, и связывается с мужем или с женой. В особенности реактивируется застарелое чувство вины за занятия онанизмом, и, под грузом четвертой заповеди, создает перенасыщенную виной атмосферу преувеличенного чувства долга в сочетании с раздражительностью; или, в других случаях, атмосферу неиск-64

ренности или тревоги, идущей от страха, возникшего потому, что от партнера приходится что-то скрывать. Я склонна предполагать, что неверность и онанизм объединены теснее, чем просто чувством вины. Верно, что первоначально онанизм — это физическое выражение сексуальных желаний, относящихся к родителям. Но, как правило, родители в фантазиях, связанных с мастурбацией, замещены другими объектами с самого раннего возраста; и, следовательно, эти фантазии представляют собой, так же, как и первичные желания 9, первую неверность ребенка родителям. То же приложимо к раннему эротическому опыту с братьями и сестрами, товарищами по играм, прислугой и т. д. Так же, как онанизм представляет собой неверность в мыслях, этот ранний опыт представляет ее в жизни. И анализ обнаруживает, что люди, сохранившие чувство вины по поводу подобных инцидентов, реальных или вымышленных, по этой самой причине избегают с особым страхом любого проявления неверности в браке, так как она означала бы повторение старой провинности. Часто именно остаток такой старой фиксации возвращается к человеку в виде одержимости верностью, несмотря на страстные полигамные желания. Но верность имеет и совершенно иную психологическую основу, которая в одном и том же человеке может как сосуществовать с вышеописанной, так и быть полностью независимой. Некоторые люди, по какой-либо из вышеупомянутых причин особенно чувствительные к выполнению своей претензии на исключительное обладание партнером, в Качестве реакции такие же требования предъявляют и к себе. Они могут считать, что попросту сами должны выполнять требования, предъявляемые к другим, но действительная причина лежит глубже — в фантазиях о всемогуществе, согласно которым их собственный отказ от побочных отношений носит характер магического жеста, который партнер вынужден будет повторить. Теперь мы видим, какие мотивы стоят за требованием моногамии и с какими силами они приходят в конфликт. Мы можем сравнить это с разрывающими напряжениями и должны будем сказать, что происходит испытание супружества на прочность. И та и другая растягивающая сила ведет свое происхождение от самых элементарных и непосредственных желаний Эдипова комплекса. Неизбежно, что обе они будут включены в супружество, со всевозможными

вариациями по величине и активности проявления. Это помогает нам понять, почему никогда не было и не будет возможности найти принципиальное решение конфликта супружества. Даже в тех клинических случаях, когда мы ясно видим, какие мотивы действуют в ситуации, мы видим их

только вглядевшись в прошлое пациента в свете аналитического опыта, и, благодаря ему, можем судить, какие результаты на самом деле имела та или иная линия поведения. Короче говоря, мы видим, что элементы ненависти могут найти выход не только когда принцип моногамии нарушается, но и когда он соблюдается, и могут излиться самым разным способом; что чувство ненависти направлено в той или иной форме на партнера и что оно с обеих сторон подкапывается под фундамент, на котором должен зиждиться брак: на нежной привязанности мужа и жены. Мы можем предложить моралистам выбрать верный курс в этой ситуации. Тем не менее, обретенное понимание проблемы не оставляет нас полностью беспомощными перед лицом конфликта супружества. Открытие питающих его подсознательных источников может ослабить не только идеал моногамии, но и полигамные стремления, так что появится возможность довести борьбу с конфликтом до конца. Приобретенные нами знания помогут нам еще и иным образом. Когда мы видим конфликт двоих в семейной жизни, мы часто склонны смаху решать, что развод может быть единственным выходом. Чем глубже будет наше понимание неизбежности этого и всех остальных конфликтов, тем сильнее станет наше убеждение, что наше отношение к таким непроверенным личным впечатлениям должно быть очень сдержанным, и тем легче нам будет контролировать подобные конфликты в собственной жизни.

1 Это не означает, что аспекты супружества так или иначе не затрагивались в психоаналитической литературе. Я сошлюсь хотя бы на работы Фрейда: «Цивилизованная сексуальная мораль и современный невроз» и «По вопросу психологии любви»; Ференци: «Психоанализ сексуальных привычек», Райха: «Функция оргазма»; Шульца-Хенке «Введение в психоанализ», Флюгеля «Психоаналитическое изучение семьи». В «Книге о супружестве» (под редакцией Макса Марку-зе) собраны статьи Рохайма «Формирование и протекание супружества»; Хорни «Психическая совместимость и несовместимость в браке», «О психической обусловленности выбора супруга», «О психических корнях некоторых типичных супружеских конфликтов». 2 Степень фиксации — сила детской привязанности к родителю противоположного пола, в случае прямого (позитивного) Эдипова комплекса, и одного пола с ребенком, в случае обратного (негативного) Эдипова комплекса [М. Р.]. 3 В своей статье «Наиболее распространенная форма деградации эротической любви» (Coll. P. Vol. IY, p. 203) Фрейд подходит к этой проблеме сходным образом. Он спрашивает: «Верно ли, что ментальная ценность объекта инстинктивного желания неизменно падает от удовлетворения этого желания?» Вот ведь пьяница же со временем все более и более привязывается к излюбленному виду выпивки. Его ответ на вопрос в целом совпадает с изложенным здесь, постольку поскольку Фрейд напоминает нам, что в нашей эротической жизни первоначальный 66

объект может быть представлен бесконечной серией замен, «ни одна из которых не удовлетворяет нас полностью». Я хотела бы только добавить к этому объяснению, что надо помнить не только о постоянно продолжающемся поиске «истинного» объекта любви, но также об отказе от текущего объекта из-за запрета, так легко сцепляющегося с осуществлением желания. 4 «Почитай отца твоего и мать твою, чтобы продлились дни твои на земле, которую Господь, Бог твой, дает тебе» Исход, [20:12] [М. Р.]. 5 Сублимация — реализация сексуальной энергии преимущественно в социально приемлемых формах поведения или деятельности, как правило, при наличии внешних препятствий на пути

непосредственного удовлетворения сексуальных желаний [М. Р.]. 6 Не происходит синтез чувственной и духовной любви. [М. Р.]. 7 Int. J. Psycho-Anal., Vol. IX (1928). 8 Эта связь четко отражена в романе Сигрид Унсет «Кристин, дочь Лавранса».
9 Primal wishes — первичные желания (или инстинкты).

ПРЕДМЕНСТРУАЛЬНОЕ НАПРЯЖЕНИЕ Zeitschr.f . psychoanalytische Padagogik, Vol. V, No 5—6, 1931 г. Мы вряд ли удивимся, узнав, что менструация (такое «подозрительное» происшествие) нередко является основой и фокусом исполненных тревоги фантазий. Мы не удивимся в особенности потому, что стали более просвещены в том, до какой степени все, связанное с сексуальностью, пронизано тревогой. Наш опыт основан как на анализе частных случаев, так и на весьма впечатляющих этнологических фактах. Тревожные фантазии возникают у обоих полов. Табу первобытных народов 1 несут на себе красноречивое доказательство глубокого страха мужчины перед женщиной, при этом страха, связанного именно с менструацией. Анализ любой женщины показывает, что с появлением менструальной крови в ней как бы просыпаются мотивы ожесточенности и соответствующие фантазии активного и пассивного характера. Хотя наше понимание этих фантазий и их значимости для самой женщины оставляет желать лучшего, тем не менее, оно позволяет сделать некоторые практически полезные заключения, которые помогают нам в терапии случаев сложных психологических и функциональных нарушений менструального цикла. Уместно отметить, что ранее очень мало внимания обращалось на то, что отклонения в состоянии женщины появляются не только во время менструации, но и в дни, ей предшествующие, хотя проявляются при этом не так заметно. Эти нарушения, в общем, известны: они представляют собой различную степень внутреннего напряжения, начиная от ощущения скуки, некоторой медлительности, возрастающего недовольства собой и кончая вслух выражаемым чувством угнетенности (типа — «с меня довольно») или жестокой депрессией. Ко всем этим чувствам часто добавляется раздражительность или тревога. Учитывая широкую распространенность этих явлений, может создаться впечатление, что все эти колебания настроения ближе к нор-68

мальным переживаниям, чем к менструальным нарушениям. Они часто бывают у женщин, во всех прочих отношениях здоровых, и поэтому обычно не производят впечатления патологического процесса. Эти временные нарушения также редко бывают связаны с психическими расстройствами или с истерическим состоянием.
По-видимому, эти явления не связаны с развитием фантазий на тему менструальной крови. И хотя они действительно могут перерасти в менструальные нарушения, но обычно эти временные расстройства ослабевают с началом кровотечения, которому сопутствует чувство облегчения. Некоторые женщины каждый раз удивляются такой связи событий. Они объясняют себе это чувство облегчения, как правило, настаивая на том, что весь мучительный кошмар предшествующих дней был как бы ложным, проистекающим всецело от какого-то физиологического процесса. Другой довод, поддерживающий теорию о том, что вышеописанные отклонения никак не связаны с кровотечением и его интерпретацией, состоит в том, что подобные реакции часто наблюдаются даже до наступления самой первой менструации, то есть, когда с предстоящим кровотечением не могло быть даже подсознательной связи. Таким образом, менструация — это нечто большее, чем просто кровотечение, и физиологически, и психологически. В отличие от психоаналитиков, физиологически ориентированные терапевты мало интересуются происхождением пред-менструального напряжения. Им хорошо известно, что главные, и, возможно, самые главные события цикла разворачиваются до начала кровотечения,

поэтому они легко удовлетворяются общими словами о том, что психологически тяжелое состояние физиологически обусловлено. Вероятно, целесообразно кратко описать происходящие процессы. Примерно в середине цикла в одном из яичников созревает яйцеклетка, окружающая ее мембрана (фолликул) лопается, и яйцеклетка продвигается через фаллопиевы трубы в матку, чтобы в нее внедриться, если произойдет оплодотворение, так как яйцеклетка остается жизнеспособной и готовой к оплодотворению около двух недель 2. Тем временем лопнувшая оболочка яйцеклетки превращается в corpus luteum. Это желтое тело функционально является эндокринной железой — оно продуцирует вещество, которое недавно было выделено в чистом виде. Его назвали «эстрогенным гормоном» из-за способности восстанавливать эстрогенный цикл даже у мышей с удаленными яичниками. Эстрогенный гормон воздействует на матку так, что слизистая оболочка, выстилающая матку изнутри, изменяется, подго-69

тавливая наступление беременности, а именно — внутренняя слизистая оболочка матки набухает кровью, как губка, а железы, расположенные в ней, наполняются секретом. Если оплодотворение не происходит, поверхностный слой слизистой оболочки отторгается, вещества, накапливавшиеся для обеспечения развития эмбриона, изгоняются, и мертвая яйцеклетка смывается последующим кровотечением. Одновременно начинается регенерация слизистой оболочки. Функция эстрогенного гормона не исчерпывается только этим. Все другие половые органы, а также молочные железы под влиянием гормона также набухают, и увеличение объема последних, предшествующее началу цикла, достаточно заметно. Более того, гормон вызывает реальные изменения в составе крови, регуляции кровяного давления, метаболизма и температуры. Наблюдая выраженность этих изменений, мы говорим о великом ритме в жизни женщины, биологическое значение которого — ежемесячная подготовка к процессу прокреации. Знание об этом биологическом процессе само по себе еще не дает нам никакой информации об особенностях психологического содержания предменструального напряжения, но оно, тем не менее, необходимо для понимания этого напряжения, потому что определенные психологические процессы идут параллельно физическим или даже обусловлены ими. Такое утверждение, в основном, не ново. Установленным биологическим фактом является то, что вместе с описанными событиями происходит повышение сексуального либидо. Это параллельное событие можно наблюдать в явном виде у животных, и именно в этой связи гормон получил имя эстрогена 3. Мы согласны с такими хорошо известными исследователями, как, например, Хэвлок Эллис, который предполагает наличие того же самого параллельного психологического процесса повышения либидо и у человеческой особи женского пола. Таким образом, женщина неизбежно сталкивается с поставленной перед ней культурными запретами проблемой сдерживания нарастающего в ней напряжения либидо. В случаях, когда есть возможность для удовлетворения этой существеннейшей инстинктивной потребности, проблема разрешается легко. Если возможностей нет, по внутренним причинам или внешним обстоятельствам — вопрос осложняется. Эта взаимосвязь событий находит свое подтверждение и у здоровых женщин, то есть женщин, чье психосексуальное развитие протекало относительно спокойно. Их менструальные нарушения исчезали полностью в периоды полноценной любовной жизни и появлялись снова в обстановке внешней фрустрации или негативного опыта. Наблюдение над 70

механизмом возникновения предменструального напряжения показывает, что оно появляется у женщин, которые по тем или иным причинам плохо переносят фрустрацию, реагируют на нее гневом 4, но не могут перенести свой гнев (или хотя бы часть его) вовне

и, поэтому, обращают его против себя. Более серьезные симптомы и более сложные механизмы возникновения нарушений мы обнаруживаем у женщин, неудовлетворенных вследствие эмоциональных запретов. Создается впечатление, что когда либидо такой женщины нарастает, чаша весов переполняется и теряется хрупкое равновесие, которое было ранее достигнуто, хотя и за счет утраты части витальности. Следовательно, имеют место регрессивные явления, отличающиеся у разных женщин, но, как правило, выражающиеся в тех или иных инфантильных реакциях (в качестве общего симптома). Эти рассуждения, подкрепленные клиническим опытом, трудно опровергнуть. Однако мы должны спросить себя: не существуют ли условия, ограничивающие такую причинную связь, потому что предменструальное напряжение, особенно в легкой форме, встречается часто, но все же не так часто, как можно было бы ожидать. Мы даже не всякий раз обнаруживаем его при неврозе. Чтобы ответить на этот вопрос, мы должны на материале множества неврозов связать характерную кумуляцию и превращение полового либидо с наличием или отсутствием пред-менструального напряжения. Это, возможно, сделает для нас более понятными некоторые аспекты индивидуальных условий возникновения рассматриваемых нарушений. Повторим наш вопрос: действительно ли возрастание либидо как таковое отвечает за напряжение этого периода? На самом деле, до сих пор мы рассматривали только эффект, связанный с одной стороной события (повышением либидо), и пренебрегали эффектом от другой, биологической, которая является ведущей. Поэтому уместно напомнить, что повышение либидо имеет своей биологической целью побуждение к зачатию, в то время как значительные органические изменения [в самих половых органах] предназначены для подготовки к беременности.
Мы должны задаться вопросом: возможно ли, что женщина подсознательно знает об этом процессе? Не проявляется ли в таких психических эквивалентах физиологическая готовность к беременности? Обратимся к нашему психоаналитическому опыту. Мои собственные наблюдения указывают на такую возможность. Пациентка Т. спонтанно рассказала, что сны, предшествующие месячным, у нее всегда были чувственными и в них преобладали 71

красные тона, она ощущала себя как бы находящейся под грузом чего-то нечистого и грешного, а тело казалось ей как бы переполненным и тяжелым. С началом менструации она немедленно чувствовала облегчение. Она часто представляла при этом, что у нее появился ребенок. Некоторые детали из ее биографии: она была старшей из трех дочерей властной и сварливой матери. Отец пациентки относился к ней с оттенком рыцарской нежности. В совместных поездках отца и дочь часто принимали за мужа и жену. В восемнадцать лет она вышла замуж за мужчину на тридцать лет старше себя, походившего на ее отца по характеру и внешности. Несколько лет она жила счастливо, не имея с ним половых контактов. Все это время у нее была ярко выраженная нелюбовь к детям. Позднее, когда супружеская ситуация постепенно перестала ее удовлетворять, произошло изменение ее отношения к детям. Она решила пойти работать, некоторое время выбирая между карьерой воспитательницы в детском саду и акушерки. Много лет она проработала воспитательницей и всегда была любовно расположена к детям; затем профессия стала ее отталкивать. Она стала чувствовать, что эти дети — не ее, а других людей. Секс она полностью отвергала, кроме одного краткого периода времени, и в результате — вместо наступления желанной беременности у нее развился фиброматоз и она вынуждена была пойти на удаление матки. Как представляется, ее сексуальные желания заявили о себе только после того, как ее желание иметь ребенка стало невыполнимым. Я надеюсь, что этот краткий обзор все же достаточен, чтобы стало видно: в случае Т. наиболее глубоко вытесненным было желание иметь ребенка. В ее неврозе были сильно выражены проблемы материнства и инфантилизм, а структура заболевания в целом являлась лишь их отражением. Я не буду входить в обсуждение того, что именно в

ее случае подкрепляло желание иметь ребенка и что привело к столь сильному его вытеснению. Есть указания на то, что в этом случае, как и во многих других подобных, желание иметь ребенка было вытесненоs тревогой или застарелым чувством вины в связи с деструктивными импульсами 6. Такое сильное вытеснение в крайних случаях приводит к полному отвержению желания иметь собственного реального ребенка. Полностью независимо от прочих невротических проявлений, я обнаруживала предменструальное напряжение у пациенток во всех без исключения случаях, когда можно было с уверенностью предположить одновременное существование как особенно сильного желания иметь ребенка, так и настолько сильную защиту против этого желания, что для его реализации 72

не оставалось даже отдаленной возможности. Это должно заставить нас задуматься. Можно предположить, что в то время, когда организм готовится к зачатию, вытесненное желание иметь ребенка мобилизуется вместе со своим контр-катексисом 7, приводя к нарушению психического равновесия. Сны, разоблачающие этот конфликт, с потрясающим постоянством повторяются в период, непосредственно предшествующий менструации. Требуется, конечно, более точная проверка временного совпадения снов, связанных с проблемами материнства. Например, у одной моей пациентки предменструальное напряжение возникало каждый раз. Она говорила, что очень хочет ребенка, но в то же время страшилась всех фаз реализации этого желания — от полового акта до ухода за ребенком. Точно так же предменструаль-ное напряжение бывало у женщины, горячо желавшей ребенка, но опасавшейся умереть от родов. Мне кажется, что состояние предменструального напряжения развивается реже в тех случаях, когда желание иметь ребенка, независимо от внутреннего конфликта, тем не менее реализуется, наступает беременность и родятся дети. Я имею в виду тех женщин, в жизни которых рождение ребенка имело решающее значение. Но и в этом случае связанный с ребенком подсознательный конфликт всегда так или иначе проявлялся: в виде тошноты, слабости родовой деятельности или последующей ги-перопеки по отношению к детям. У меня сложилось впечатление, что предменструальному напряжению особенно подвержены те женщины, у которых желание иметь ребенка по мере накопления жизненного опыта усиливается, но выполнение этого желания по каким-либо причинам становится невозможным. Тот факт, что одно только нарастание напряжения либидо не может отвечать за предменструальное напряжение, стал очевиден для меня при наблюдении за пациенткой, чье желание материнства было достаточно сильным и одновременно осложненным многочисленными конфликтами. Она постоянно страдала от предменструальных напряжений, несмотря на то, что ее сексуальные отношения с партнером были вполне удовлетворительны. В силу обстоятельств, однако, у нее не было никакой возможности завести ребенка, хотя она очень хотела этого. Перед началом менструации ее молочные железы сильно увеличивались. Одновременно в разговорах пациентки начинала преобладать тема деторождения, при этом, как правило, под предлогом обсуждения противозачаточных средств, их эффективности и приносимого ими вреда. Еще одно явление, которого я до сих пор не касалась, по-73

казывает, что повышение либидо, хотя в целом и вносит реальный вклад в создание предменструального напряжения, но не является его специфическим агентом. Я имею в виду облегчение, связанное с началом менструации. Так как в период менструации рост либидо продолжается, неожиданное падение эмоционального напряжения представляется непонятным именно с этой точки зрения. Начало кровотечения, однако, кладет конец

фантазиям о беременности, как это было образно выражено пациенткой Т.: «Вот и появился ребенок». Индивидуальный психологический процесс при этом может быть весьма разнообразным. В одном из уже упомянутых мной случаев на передний план выступала идея жертвы. При наступлении месячных у женщины, о которой идет речь, всегда возникала мысль: «Бог принял жертву». Облегчение напряжения может быть вызвано также тем, что кровотечение служит подсознательной реализацией фантазий женщины, или, напротив, служит облегчению Супер-Эго, так как строго запрещаемые им фантазии наконец-то пришли к концу. Наиболее существенно то, что эти фантазии слабеют с началом менструации.

Подведем краткий итог. Из всего здесь изложенного вытекает гипотеза о том, что предменструальное напряжение в значительной степени непосредственно обусловливается психологическим процессом подготовки к беременности. Я настолько убеждена в этом, что считаю — при наличии предменструального напряжения всегда надо искать конфликт, связанный с желанием иметь ребенка. И я еще ни разу не ошибалась в своем предположении.

Предвидя возражения гинекологов, я хочу еще раз подчеркнуть пределы своей концепции. Речь не идет о какой-то основополагающей базовой [функциональной — М. Р.] слабости. Это условие привело бы нас к тенденциозному выводу о недостаточной подготовленности женщин к своей роли. Я же в данном случае придерживаюсь точки зрения, что этот промежуток менструального цикла является трудным только для тех женщин, у которых идея материнства связана с глубоким внутренним конфликтом. Одновременно с этим я уверена, что материнство представляет собой для женщины куда более существенную проблему, чем полагает Фрейд. Он неоднократно заявлял, что желание иметь ребенка есть нечто «принадлежащее всецело Эго-психологии» 8, что оно является вторичным и появляется исключительно из-за разочарования в связи с отсутствием пениса 9 и, таким образом, не является первичным инстинктом. 74

Желание иметь ребенка действительно может получить вторичное подкрепление от желания иметь пенис, но само это желание первично и имеет глубокие биологические корни. Результаты наблюдения случаев предменструального напряжения становятся понятными только на основе этой фундаментального положения. И я считаю, что именно эти наблюдения позволяют доказать, что желание иметь ребенка соответствует всем условиям, которые сам Фрейд постулировал как необходимые для «влечения». Влечение к материнству, таким образом, иллюстрирует «психическую репрезентацию непрерывно текущих внут-рисоматических стимулов» 10 [т. е.— является психическим эквивалентом протекающих в организме физиологических процессов — М. Р.]. 1 Я не буду разбирать причины табу, окружающих менструацию; я сошлюсь только на глубокие и информативные статьи С. Дали «Индусская мифология и комплекс кастрации», 1927, и «Комплекс менструации», 1928, Interbationa! Psy-choanalyticher Verlag. См. также письмо С. Д. Дали в Zeitchr. f. psychoanalytiche Padagogik, Vol. 5, No 5—6. 2 По современным данным, продолжительность жизни зрелой яйцеклетки составляет около 24 часов. На этом основан метод физиологической контрацепции [М. Р.]. 3 Estrus — течка, период гормонального цикла у самок, во время которого возможно зачатие [М. Р.]. 4 Форма, которую принимает такая реакция, не имеет отношения к прояснению общей картины протекающих процессов. 5 Вытеснение — один из механизмов психологической защиты, когда неприемлемые для личности (для Я) желания или стремления «переносятся» из сознания в бессознательное и удерживаются там, тем не менее продолжая оказывать влияние на мотивы поведения человека [М. Р.]. 6 По-видимому, автор имеет ввиду комплекс вины, связанный с Эдиповой ситуацией, что подтверждается данными об истории жизни пациентки и ее оценками отношений с матерью и отцом [М. Р.]. 7

Катексис (cathexes) — перенос либидо на внешний объект, в данном случае имеется в виду — на ребенка [М. Р.]. 8 3. Фрейд. «О трансформации инстинктов с особой ссылкой на анальный эротизм» (1916). 9 3. Фрейд. «Некоторые психологические последствия анатомических различий между полами» (1925). 10 3. Фрейд. «Три статьи по теории сексуальности».

НЕДОВЕРИЕ МЕЖДУ ПОЛАМИ Доклад на заседании Берлинско-Бранденбургского отделения Женской Медицинской Ассоциации Германии 20 ноября 1930 г. Начиная разговор о проблемах во взаимоотношениях полов, я надеюсь, что вы не будете слишком разочарованы. Речь пойдет в основном не о тех вопросах, которые интересуют врачей больше всего. Я собираюсь затронуть проблему терапии только в конце и прежде всего хочу раскрыть перед вами некоторые психологические причины недоверия между полами. Отношения между мужчинами и женщинами очень похожи на отношения детей и родителей, и нам хочется видеть в них в основном позитивные моменты. Мы предпочитаем думать, что любовь — их природный фундамент, а враждебность — лишь несчастный случай, которого можно избежать. Нам, конечно, знакома идея «битвы полов», но, надо признать, что обычно мы не склонны придавать ей значения, вероятно потому, что она слишком односторонне фиксирует наше внимание лишь на сексуальных отношениях. Тем не менее, анализируя истории наших пациентов, нельзя не заметить того, как часто и легко отношения любящих разрушала именно скрытая или явная враждебность, хотя обычно мы склонны винить в этом судьбу, несовместимость или экономические условия. Конечно, индивидуальные обстоятельства, которые мы, как правило, считаем причиной плохих отношений конкретной пары, вполне могут иметь место. Но глядя на то, как часто, а лучше сказать — постоянно, случаются неурядицы в любовных отношениях, мы должны спросить себя, не связан ли разлад в каждом частном случае с какими-то общими причинами; нет ли общей основы у той подозрительности, которая возникает между полами с такой легкостью и регулярностью? В рамках краткой лекции достаточно трудно дать полный обзор столь широкой темы. Поэтому я не буду останавливаться, например, на происхождении и влиянии такого социального

института как брак, и рассмотрю лишь некоторые психологически обусловленные факторы, являющиеся причиной враждебности и напряженности в отношениях между мужчинами и женщинами.

Я бы хотела начать с очень обычных вещей, а именно — с атмосферы подозрительности, всем понятной и даже оправданной. Она явно никак не связана с личностью партнера, а скорее уж с силой страстей и с трудностью контроля над ними. Мы знаем или смутно чувствуем, что страсть может вывести из равновесия, привести в экстаз, заставить человека отказаться от очень многого, включая себя самого, словом, означает прыжок в беспредельное и бескрайнее. Поэтому истинная страсть чрезвычайно редка. Как умная хозяйка, мы опасаемся класть все яйца в одну корзину. Мы стараемся быть сдержанными и всегда готовы к отступлению, подчиняясь, по-возможности, инстинкту самосохранения. Мы, естественно, боимся потерять себя в другом человеке. Поэтому с любовью происходит то же, что и с образованием, и с психоанализом: все считают себя знатоками, но истинных — немного. Никто не хочет замечать того, как мало он дает другому, но тем не менее каждый склонен видеть эту позицию «самообороны» в партнере: «Ты никогда не любил (не любила) меня по-настоящему». Жена, лелеющая мысли о самоубийстве, потому что муж не посвящает ей одной всю свою любовь, все свое время и интерес, не замечает, как много в этих мыслях выражено именно ее собственной враждебности, скрытой мстительности и агрессии. Она чувствует отчаянье, потому что, как она обычно считает, из нее любовь «хлещет», а из партнера только «капает». Даже Стриндберг

(женоненавистник, как известно) любил ввернуть при случае, что это не он проявляет к ним враждебность, а женщины ненавидят и мучают его. Мы вовсе не склонны считать, что имеем дело с патологическим явлением. В случае патологии мы, как правило, наблюдаем только искажение или преувеличение чего-либо достаточно общего. Здесь же мы встречаемся с обычным порядком вещей. Любой из нас обычно не замечает собственных враждебных побуждений, и, под давлением бессознательного чувства вины за них, склонен приписывать такие побуждения партнеру. Такой процесс закономерно порождает открытое или скрытое неверие в любовь, преданность, искренность и доброту другого. Поэтому я предпочитаю говорить о недоверии между полами, а не о ненависти, так как первое более знакомо нам по собственному опыту. Следующий, почти неизбежный источник разочарования и 77

недоверия в нормальной любовной жизни состоит в том, что сама напряженность чувства любви оживляет все наши скрытые ожидания и надежды на счастье, спящие глубоко внутри каждого. Все наши подсознательные желания, противоречивые по природе и безграничные по содержанию, ждут своего исполнения именно в любви. Наш партнер должен быть сильным и в то же время беспомощным, вести и быть ведомым, быть аскетичным и чувственным одновременно. Он должен изнасиловать нас и остаться нежным, посвящать все свое время только нам и напряженно заниматься творческим трудом. Пока мы считаем, что он действительно может выполнить все это, он окружен ореолом сексуальной переоценки. Мы принимаем силу этой переоценки за силу нашей любви, но, на самом деле, лишь демонстрируем напряженность наших желаний, потому что сама природа этих требований делает их невыполнимыми. С этими разочарованиями мы еще можем более или менее успешно справиться. При благоприятных условиях мы можем никогда не узнать о большинстве из них, так же как обычно не догадываемся о степени наших тайных ожиданий. Но в нас остаются следы недоверия, как в ребенке, узнавшем, что достать звезды с неба папа все-таки не может.

Пока в наших размышлениях не было ничего особенно нового и психоаналитического, все это было уже сказано и даже более изящным слогом. Аналитический подход начинается с вопроса: какие специфические факторы в ходе развития человека ведут к расхождению между ожиданиями и их осуществлением, и почему они в некоторых случаях приобретают особое значение? Между развитием животного и человека есть существенная разница, а именно — более длительный у второго период детской беспомощности и зависимости. Рай детства — не больше чем иллюзия, которой любят тешить себя взрослые. Для ребенка этот рай населен роем опасных чудовищ. Одно из них — отрицательный опыт общения с противоположным полом. Этот опыт почти неизбежен. Вспомним хотя бы, что с самых ранних лет дети способны к инстинктивным, порой страстным, сексуальным желаниям, похожим на желания взрослых, и все же другим. Дети — другие в своих целях и движении к ним, но, главное — в первобытной целостности своих требований. Им трудно выразить свои желания прямо, но даже если им это удается, то обычно не принимается окружающими всерьез. Серьезность желания снисходительно принимают за шалость, а то и вовсе не замечают или отвергают. Короче говоря, дети проходят через болезненный и унизительный опыт отказов, предательства и лжи взрослых. Они вынужденно занимают второе место в отношени-78

ях между родителями, старшими братьями и сестрами; их запугивают и оскорбляют, когда играя со своим телом, они ищут удовольствий, в которых им отказали взрослые. Ребенок почти беспомощен перед лицом всего этого. Он не может дать выход своей ярости полностью или даже облегчить ее, не может осмыслить свои переживания и понять

происходящее. Таким образом, гнев и агрессия оказываются запертыми внутри него и загнанными в форму причудливых фантазий 1, которые вряд ли достигают дневного света осознания. Эти фантазии нередко преступны с точки зрения взрослых, и простираются от желаний подвергнуться насилию или даже быть похищенным, до фантазии о том, чтобы убить, сжечь, изрезать на куски и задушить. И так как ребенок не способен понять природу бушующих в нем деструктивных сил, он, в соответствии с законом талиона 2, чувствует равную угрозу от взрослых. В этом корни детской тревоги, от которой ни один ребенок не свободен полностью. Теперь нам становится понятнее страх, сопутствующий любви, о котором я говорила раньше. Именно при возникновении любви, этого самого иррационального из чувств, просыпается старый детский страх перед отцом или матерью, и заставляет нас инстинктивно встать в оборонительную позицию. Другими словами, страх в любви всегда проникнут боязнью того, что мы можем сделать с другим человеком, или того, что он может сделать с нами. Влюбленный юноша с острова Ару, например, никогда не подарит свой локон любимой: а что если они поссорятся? Она сожжет его волосы и он заболеет. Я хотела бы кратко остановиться на том, как конфликты детства сказываются на отношении к противоположному полу в дальнейшей жизни. Возьмем типичную ситуацию: у девочки, травмированной сильным разочарованием в отце, в последующем инстинктивное желание получить что-либо от мужчины может превратиться в карательное — «урвать» от него. Так закладывается основа развития последующей жизненной установки, согласно которой она будет не только отрицать свои материнские инстинкты, но будет движима только одним: навредить самцу, использовать его и «высосать досуха». Она превратиться в упыря. Теперь предположим, что подобная трансформация желания «получать» в желание «отнимать» произошла. Положим также, что это желание было вытеснено 3 тревогой, идущей от сознания чувства вины: и вот уже готова основа для формирования специфического типа женщины, вообще неспособной строить нормальные отношения с мужчинами из-за страха, что они подумают, будто она чего-то хочет от них. На самом деле она боится, что они догадаются о ее подлинных желаниях. Полно-79

стью проецируя 4 на мужчину свои вытесненные желания, такая женщина будет воображать, что каждый самец намерен только воспользоваться ею, что он хочет только сексуального удовлетворения, после чего вышвернет ее за ненадобностью. Или возьмем другой вариант, когда для того, чтобы замаскировать подавленное стремление к власти над отцом, у девочки формируется реакция исключительной скромности. И мы получаем тип женщины, стесняющейся чтобы то ни было потребовать или принять даже от своего мужа. И одновременно такая женщина из-за постоянного возврата вытесненного стремления будет реагировать депрессией на невыполнение своих невысказанных и часто даже несформулированных желаний. Таким образом, она попадает «из огня да в полымя», как и ее партнер, так как ее депрессия ударит по нему сильнее прямой агрессии. Часто подавление агрессии против мужчины отнимает всю жизненную энергию женщины. Она чувствует себя беспомощной перед лицом жизни. Она перекладывает внутреннюю ответственность за свою беспомощность на мужчину настолько, что он просто задыхается. Перед нами тип женщины, главенствующей над своим мужчиной под маской беспомощности. Все эти примеры приведены мною, чтобы показать, как фундаментально установка женщины по отношению к мужчине может быть искажена конфликтами детства. В попытке упростить материал я выделила только одно, но, как мне кажется, самое тяжелое нарушение — нарушение развития женственности.
Я перехожу к обсуждению определенных черт мужской психологии. Я не буду заниматься исследованием индивидуального развития, хотя с точки зрения аналитика было бы очень поучительно проследить, например, почему даже мужчина, чье сознательное отношение к женщинам весьма позитивно и который по-человечески уважает женщин, в то же время

всегда прячет в глубине души тайное недоверие к ним. Не менее интересно было бы рассмотреть и то, как это недоверие произросло из чувства, которое он питал к матери в решающем для дальнейшего развития детском возрасте. Я опущу это и остановлюсь на некоторых типах отношения к женщинам в разные исторические периоды и в разных культурах, при этом — не столько на сексуальных отношениях с женщинами, сколько на внесексуальных, так как именно в них проявляется общая оценка женщины мужчиной.
Я возьму наудачу несколько примеров, начиная от Адама и Евы. Еврейская культура, как она описана в Ветхом Завете, безусловно патриархальна. Это отражено как в самой рели-

гии, где нет ни одного женского божества, так и в нравах и обычаях — муж имеет право разорвать брачные узы попросту выгнав жену. Только на этом фоне мы можем понять мужскую пристрастность в изложении истории Адама и Евы. Прежде всего я хочу обратить внимание на то, что способность женщины давать жизнь частично отрицается и частично обесценивается: Ева сделана из ребра Адама и на нее наложено проклятье — рожать в муках. Во-вторых, путем интерпретации искушения Адама вкусить от древа познания как сексуального искушения, женщина трактуется как совратительница, ввергающая мужчину в несчастье. Я уверена, что оба этих элемента, один порожденный завистливой обидой, а другой — тревогой, наносили и наносят ущерб отношениям мужчин и женщин. Рассмотрим их кратко. Мужской страх перед женщиной глубоко укоренен в сексе, что доказывается элементарным фактом — мужчина страшится именно сексуальной привлекательности женщины и поэтому для исполнения своих страстных желаний он должен держать ее в рабском состоянии. Старой женщине, напротив, всегда оказывается почет, даже в тех культурах, где молодых женщин боятся и, следовательно, подавляют. В некоторых первобытных культурах старухи даже имеют решающий голос в делах племени и пользуются-властью и уважением среди азиатских народов. Но во всех первобытных культурах женщина окружена табу в течении всего периода сексуальной зрелости. У племени Арунта, например, существует поверье, что женщины могут оказывать магическое воздействие на мужские гениталии: если женщина произнесет заклинание над некой травинкой, а затем укажет ею на мужчину или бросит ею в него, он заболет или полностью утратит свои гениталии. Женщина, таким образом, навлекает на него гибель. В некоторых восточно-африканских племенах муж и жена не спят вместе, потому что ее дыхание может ослабить его. Существует и масса других предрассудков. Так, в одном южно-африканском племени считается, что если женщина оплетет своими ногами ноги спящего мужчины — он не сможет бегать: отсюда общее правило сексуального воздержания за два — пять дней до охоты, войны или рыбной ловли. Еще сильнее страх перед менструацией, беременностью и деторождением. Во время менструации женщина окружена сильнейшими табу — мужчина, тронувший ее, умрет. Через все это проходит сквозная мысль: женщина — таинственное существо, она поддерживает связь с духами, имеет магическую власть и может использовать ее во вред мужчине. Он должен оберегать себя от ее могущества, держа ее в покорности. Мири в Бенгалии не позволяют

своим женщинам есть тигриное мясо, чтобы они не стали слишком сильными. Ватавела в Восточной Африке держат в тайне от женщин искусство добывания огня, чтобы женщины не стали их правителями. Индейцы из Калифорнии устраивают специальные ритуалы для подчинения женщин: мужчины одевают маску дьявола, чтобы напугать своих женщин. Арабы из Мекки не допускают женщин на религиозные празднества, чтобы исключить фамильярность между ними и их повелителями. Мы найдем подобные обычаи и в

средневековье — культ Девы идет бок о бок со сжиганием ведьм, поклонение «чистому» материнству 5, полностью лишенному сексуальности, соседствует с жестоким уничтожением сексуально соблазнительных женщин. Здесь опять включается скрытый страх — ведьма всегда связана с дьяволом. В наши дни, когда агрессивность вошла в рамки гуманности, мы сжигаем женщин только фигурально — иногда огнем неприкрытой ненависти, иногда показным дружелюбием. В любом случае «еврей должен гореть» 6. На нешумных аутодафе в дружеском кругу говорится масса очень милых вещей о женщинах, вот жаль только, что Бог не сотворил их равными мужчине. Мебиус 7 указывает, что мозг женщины весит меньше мужского, но не надо понимать его прямо и грубо. Женщина не хуже мужчины, она просто другая, хотя, к сожалению, не владеет совсем или владеет, но гораздо слабее, всеми теми культурными ценностями, которым мужчина придает такое значение. Она слишком укоренена в личной, эмоциональной сфере, и это замечательно, вот жаль только, что это мешает ей быть справедливой и объективной, а значит лишает возможности занять положение в судебных и правительственных органах, а также в интеллектуальных кругах. Сидеть ей дома, в царстве Эроса. Духовные материи чужды ее внутренней сути, и глуха она к культурным течениям. Она, как откровенно говорят на Востоке, второсортное создание. Ее можно использовать на производстве, но она, увы, не способна к творческой и независимой деятельности. Ей, из-за достойной слез, кровавой трагедии менструации и деторождения, конечно же недоступны реальные достижения. И каждый мужчина молча, а набожный еврей вслух на молитве, благодарит Бога, что он не создал его женщиной. Мужское отношение к материнству — большая и сложная тема. Некоторые не видят проблем в этой области. Даже женоненавистник всегда готов уважать женщину как мать и чтить материнское начало при определенных условиях, которые я уже упоминала, говоря о культе Девы. Чтобы достичь ясности, мы должны различать две установки: мужскую ус-82

тановку по отношению к идеальному материнскому началу, представленную в чистом виде в культе Девы, и установку по отношению к материнству как таковому, с которым мы сталкиваемся в символизме древних богинь-матерей. Мужчины всегда были благосклонны к материнскому началу как выражению определенных духовных качеств женщины: вскармливаю-щей, самоотверженной, жертвенной матери, ибо это воплощенный идеал женщины, выполняющей все ожидания и желания. В древних материнских божествах мужчина чтит не духовное материнство, а скорее материнство в его элементарном значении. Мать-богиня — раннее божество, плодородное, как сама земля. Она рождает новую жизнь и вскармливает ее. Именно это жизнетворное могущество женщины, эта стихийная сила, наполняет мужчин восхищением. Тут-то и начинаются проблемы. Ибо противно человеческому естеству испытывать восхищение и не держать зла на того, чьими способностями не обладаешь. Так, минутная причастность мужчины к сотворению новой жизни становится для него сильнейшим стимулом к созданию тоже чего-нибудь нового, еще небывалого. И он создает то, чем мог бы гордиться. Государство, религия, искусство и наука — в сущности его творение, да и вся наша культура носит отпечаток маскулинности. Однако, и в этой области происходит то же самое, что и во всех других: даже величайшее удовлетворение или успех, достигнутые путем сублимации, не могут полностью возместить нечто, чем мы не одарены от природы. Это и составляет ядро завистливой обиды мужчин на женщин. Она выливается, даже в наши дни, в оборонительных маневрах мужчин, направленных против угрозы вторжения женщин в их владения; отсюда же идет тенденция пренебрежительного отношения к беременности и родам и выпячивание мужской генитальной сферы. Такая установка выражается не только в научных теориях, но распространяется в последующем на все отношения между полами и сказывается на сексуальной морали в целом. Материнство,

особенно внебрачное, очень плохо защищено законом, за исключением недавней попытки улучшить положение дел, предпринятой в России 8. В отличии от этого, мужчины имеют предостаточно возможностей для удовлетворения своих сексуальных потребностей. Потакание сексуальной безответственности и низведение женщины до объекта, необходимого лишь для удовлетворения чисто физической нужды — дальнейшие последствия маскулин-ной установки. Из исследований Бахофена 9 мы знаем, что верховенство мужчины в культуре существовало не всегда. Вначале цент-83

ральное положение занимала женщина. Это была так называемая эра матриархата, когда закон и обычай фокусировались вокруг матери. Матрицид (убийство матери) был тогда, как показал Софокл в «Эвмениде» — непростительным преступлением, в то время как патрицид (убийство отца) считался сравнительно меньшим грехом. Только в летописные времена мужчина начал играть лидирующую, с незначительными вариациями, роль в политике, экономике и законодательстве, также, как и в области половой морали. В наше время мы, кажется, вступили в третий период схватки, в который женщина еще раз осмелилась вступить в борьбу за свое равенство. Чем и когда это кончится — пока еще не видно. Я хочу, чтобы меня правильно поняли: я вовсе не пытаюсь намекнуть, что все беды идут от господства мужчин и что отношения между полами изменятся к лучшему, если верх возьмут женщины. Однако, давайте же спросим себя, почему она вообще должна существовать — эта борьба полов. Дело в том, что в любой отрезок времени более могущественная сторона создавала идеологию, необходимую для обеспечения своего главенствующего положения и для того, чтобы положение слабой стороны тоже было приемлемым. В этой идеологии отличия слабых трактовались как второсортность и доказывалось, что эти отличия — фундаментальные, неизменные, от Бога данные. Одна из задач такой идеологии 10 — отрицать или скрывать существование борьбы. Вот один из ответов на первоначальный вопрос — почему мы так мало отдаем себе отчет в том, что между полами идет борьба: мужчины заинтересованы в том, чтобы этот факт был покрыт мраком, а акценты, которые они расставляют в своей идеологии, заставляют и женщин принимать их теории. Наша попытка разобрать эти рационализации п и рассмотреть маскулинную идеологию с точки зрения основополагающих побудительных мотивов — и это лишь еще один шаг по пути, указанному Фрейдом. Мне кажется, что мое толкование пока яснее показало происхождение обиды, чем происхождение страха, и поэтому я хочу кратко обсудить и вторую часть проблемы. Мы убедились, что мужской страх перед женщиной направлен против нее как сексуального существа. Как это следует понимать? В самом ясном виде аспекты этого страха выражены у мужчин племени Арун-та. Они верят, что женщины обладают магической властью над их гениталиями. Это и есть то, что мы понимаем под страхом кастрации в психоанализе. Это тревога психогенного происхождения, восходящая к чувству вины и старого детского страха. Ее анатомо-психологическое содержание состоит в том, что во вре-84

мя полового акта мужчина должен «вверить» свои гениталии телу женщины, что он оставляет в ней свое семя; при этом он интерпретирует это как отказ от жизненной силы в пользу женщины, по аналогии с прекращением эрекции сразу после коитуса, которое оценивается как свидетельство ослабления женщиной. Хотя следующая идея и не проработана еще до конца, весьма вероятно, что (согласно анатомическим и этнологическим данным) отношения с матерью сильнее и прямее ассоциируются со страхом смерти, чем отношения с отцом. Принято считать, что влечение к смерти 12 — это стремление воссоединиться с матерью. В африканских сказках именно женщина приносит в мир смерть. Великая богиня-мать принесла также смерть и разрушение.

Похоже, что мы одержимы идеей, что тот, кто дает жизнь, способен и отобрать ее. Существует и третий аспект мужского страха перед женщиной, который труднее всего понять и доказать, но можно продемонстрировать на некоторых повторяющихся явлениях из мира животных. Мы знаем, что очень часто самец обладает специфическими стимуляторами для привлечения самки или специальными приспособлениями, чтобы захватить и удерживать ее во время копуляции. В этом не было бы нужды, если бы сексуальная потребность самок была такой же сильной и частой, как у самцов. А мы видим, что самка безусловно отвергает самца после оплодотворения. И хотя примеры из жизни животных следует прилагать к людям с величайшей осторожностью, в данном контексте, вероятно, допустимо задать следующий вопрос: возможно ли, что мужчина сексуально зависит от женщины в большей степени, чем она от него, потому что у женщины часть сексуальной энергии уходит на обеспечение репродуктивной функции? Может ли быть, что мужчина, таким образом, жизненно заинтересован в том, чтобы удерживать женщину в зависимости? Уже этих трех, имеющих психогенную природу и относящихся преимущественно к мужчине факторов, более чем достаточно, чтобы заложить основы великой борьбы за власть между мужчиной и женщиной. Многоликое чувство, называемое любовью, наводит мосты от одного одиночества к другому. Эти мосты могут быть сказочно красивы, но редко строятся навечно. Часто они не выдерживают слишком большого груза и рушатся. Вот и другой ответ на поставленный вопрос о том, почему любовь между полами мы видим более отчетливо, чем ненависть — потому что союз полов предлагает нам величайшие возможности быть счастливыми. И поэтому мы не хотим видеть, как могущественны те разрушительные силы, которые постоянно работают над уничтожением наших шансов на счастье. 85

Мы можем в заключение спросить, каким образом психоанализ может способствовать уменьшению недоверия между полами? Стандартного ответа на этот вопрос нет. Страх перед могуществом страстей и трудность обуздания их в любовных отношениях, а также вытекающий из этого конфликт между самоотдачей и самосохранением, между Я и Ты, абсолютно естественное явление, значимость которого нельзя приуменьшить. То же самое относится к самой сути нашей готовности к проявлениям недоверия, произрастающего из неразрешенных конфликтов детства. Эти конфликты, однако, могут быть очень разной интенсивности, и следы от них могут быть разной глубины. Психоанализ может не только в каждом конкретном случае способствовать улучшению отношения с противоположным полом, он также способен повлиять на психологический климат детства и предупредить развитие чрезмерных конфликтов в последующем. Это, конечно, дает нам надежду на будущее. Анализ помогает вскрыть реальные мотивы в борьбе за власть, которой всегда придают столь важное значение. Это не уничтожает мотивы борьбы, но может послужить тому, чтобы эта борьба велась на ее собственной территории, вместо того, чтобы переноситься на не имеющие к ней отношения предметы. 1 Фантазии, по 3. Фрейду, существуют в двух видах: первично бессознательные, которые «самостоятельно» (без психоанализа) не достигают уровня сознания, и вторично бессознательные, которые исходно появляются в сознании, но в связи с их индивидуальной (чаще — культурно обусловленной) неприемлемостью, вытесняются в бессознательное [М. Р.]. 2 Закон талиона (библ.) — «Око за око, зуб за зуб» [Исход 21:24] [М. Р.]. 3 Вытеснение — один из механизмов психологической защиты, связанный с «устранением» из сознания конкретного психического содержания (мыслей, желаний или влечений), которое несовместимо с (как правило — культурально обусловленными) установками личности. Оставаясь вне фокуса сознания, вытесненное, тем не менее, может оказывать весьма значительное влияние на состояние и поведение субъекта [М. Р.]. 4 Проекция — один из механизмов психологической защиты, сущность которого состоит в склонности приписывать другим лицам собственные (чаще — порочные) мысли, желания, влечения

или стремления. В более общем виде реализуется в феномене проекции вины во-вне, т. е. вообще присущей личности склонности к самореабилитации и, соответственно, обвинению во всех своих, чужих или общих бедах других лиц, обстоятельств и т. п. [М. Р.]. 5 Непорочному зачатию [М. Р.]. 6 Цитата из «Натана Мудрого» Г. Э. Лессинга, немецкого гуманиста и просветителя-рационалиста XVIII века. Выражение, ставшее разговорным. Оно означает, что неважно, насколько хороши дела и намерения еврея. Он виноват уже тем, что он еврей [прим. перев. с немецкого на английский]. 86

7 Мебиус — невролог и анатом XIX века [М. Р.]. 8 В 30-е гг. [М. Р.]. 9 Бахофен Иоган Якоб (1815—1887) — швейцарский историк права. Заложил основы изучения истории семьи и особенно проблем матриархата [М. Р.]. 10 Как и любой другой идеологии [М. Р.]. 11 Рационализация — один из механизмов психологической защиты, состоящей в якобы разумном (рациональном) объяснении собственных подсознательных желаний. «Приведем простой пример: если человек не выходит из дома, боясь кого-то встретить, но в качестве причины указывает на сильный дождь, то он рационализирует. Истинной причиной является страх, а не дождь. При этом само по себе рационализирующее утверждение, а именно, что идет дождь, может быть и истинным» (Э. Фромм «Психонализ и религия») [М. Р.]. 12 В психоанализе — одно из ведущих влечений [М. Р.].

ПРОБЛЕМЫ БРАКА Psychoanalytische Bewegung, IV (1932) Почему так редки хорошие браки — браки, которые не душат развитие партнеров, в которых дурное настроение одного не отзывается на всех домашних, а встречает доброжелательное понимание? Может быть, сам институт брака несовместим с определенными проявлениями человеческой природы? А может быть, брак — это только иллюзия, которая вот-вот исчезнет, или же это просто современные мужчины не способны наполнить его реальным содержанием? Должны ли мы в каждом конкретном случае говорить о нашей собственной неудаче или виной всему брак как таковой? Почему брак так часто — это смерть любви? Должны ли мы смириться с этим, как с объективной неизбежностью, или же причина внутри каждого из нас, где идет непримиримая борьба сил, разных по содержанию и воздействию? Можем ли мы распознать эти силы и таким образом избежать их пагубного влияния? На первый взгляд проблема кажется очень простой — и совершенно безнадежной. Однообразие длительного житья с одним и тем же человеком порождает скуку и делает отношения все более тоскливыми, особенно в сексе. Постепенно партнеры пресыщаются и остывают, и, говорят, это неизбежно. Ван дер Вельде написал целую книжку с добрыми советами о том, как помочь сексуальной неудовлетворенности в браке. Однако он не заметил главного — что имеет дело только с отдельным симптомом, а не с болезнью. Ведь увидеть, что брак лишился своей души и сияния только из-за многолетнего однообразия — значит взглянуть на ситуацию весьма поверхностно Не так уж трудно распознать причины, лежащие на поверхности, но как неуютно становится при одном взгляде вглубь. Не надо учиться у Фрейда, чтобы понять, что опустошенность брака вызывается не столько усталостью, сколько является результатом действия скрытых деструктивных сил, которые вначале тайно подтачивают его основы, а затем — зерно падает уже на 88

плодородную почву разочарований, недоверия, враждебности и ненависти. Чаще всего мы не хотим замечать эти силы, особенно в своем доме, потому что чувствуем в них что-то

угрожающее. Ведь одно только признание их существования заставит нас предъявить к себе неприятные требования. И однако, нам придется дать себе в них отчет и углубиться в проблему, если мы действительно хотим разрешить ее с психологической точки зрения. При этом, главный вопрос, который мы должны поставить — с чего начинается отвращение супругов друг к другу? Прежде всего, существуют некоторые причины общего порядка, слишком обычные, чтобы на них подробно останавливаться. Они идут от нашей человеческой ограниченности, хорошо известной и мало зависящей от того, придерживаемся ли мы Библии, признавая себя грешниками, или, например, Марка Твена, считая себя немного чокнутыми, или, научно выражаясь — невротиками. Но, как бы мы не оценивали других, из общего правила каждому известному исключение — он сам. Приходилось ли Вам когда-либо слышать, чтобы некто, взвешивая решение вступить в брак, говорил бы: «У меня со временем разовьются такие-то и такие-то неприятные черты»? А то или иное несовершенство супруга — будьте уверены — неизбежно проявится за время долгой и тесной совместной жизни. Сначала это вызовет лишь холодный комочек недовольства, но потом, вращаясь по склону горы времени, он вырастает в снежную лавину. Если муж, что встречается весьма часто, держится за иллюзию независимости, он с тайной горечью будет реагировать на то, что его чувств требуют, что жена связывает его. Она, в свою очередь, чувствуя подавленный бунт, будет реагировать на него скрытой тревогой и страхом потерять мужа, и эта тревога заставит ее инстинктивно усиливать свои требования к нему. Муж ответит повышением раздражительности и встанет в оборонительную позицию. И так будет продолжаться, пока наконец котел не взорвется, причем никто так и не поймет причину. Взрыв же может случиться по совершенно ничтожному поводу. В сравнении с браком все недолгие отношения, будь то проституция, флирт, приятельство или связь — гораздо проще по своей природе, так как в них партнерам сравнительно легче избегать острых углов друг друга. Пойдем дальше. Наша нелюбовь напрягать себя, как внешне, так и внутренне, больше чем это абсолютно необходимо, относится к обычным человеческим несовершенствам. Государственный служащий, нанятый пожизненно, чаще всего не станет прилагать к делу особого старания. Работа никуда от него не денется, ему не надо ни с кем соревноваться и бороться за карьеру, 89

как профессионалам или даже простым рабочим. Давайте рассмотрим прерогативы брачного контракта, с учетом того, как они закреплены законом или доминирующими общественными стандартами. Если взглянуть на проблему с психологической точки зрения, мы сразу увидим, что пожизненное право на поддержку, дружбу, верность и даже сексуальное взаимодействие налагают на брак тяжкое бремя, и, легко заметить, что огромная опасность таится здесь именно в фатальном сходстве с неуволь-няемостью государственного служащего. Наше образование так мало касается брака, что большинство из нас даже не знает, что влюбленность мы получаем в подарок, а хороший брак нужно строить шаг за шагом. С незапамятных времен известен чуть ли не единственный мост через пропасть между законом и счастьем. Этот мост — изменение нашего личного отношения в направлении осознанного отказа от требований к партнеру. Я хочу пояснить, что под требованиями я понимаю именно требования, а не желания. В дополнение к этим общим осложняющим обстоятельствам, имеется масса индивидуально обусловленных, отличающихся по силе, характеру и вероятности проявления. Существует также нескончаемый ряд ловушек, попадая в которые, любовь преображается в ненависть. Мы не многого достигнем, перечисляя их все, поэтому лучше сосредоточится на нескольких основных. Прогноз неблагоприятен с самого начала, если для брака выбран „неправильный" партнер. Чем объясняется, что выбирая, с кем мы будем делить свою жизнь, мы так часто выбираем неподходящего человека? Что происходит в этом случае? Может быть мы не понимаем, что нам на самом деле нужно? Или не умеем понимать

других людей? Или влюбленность настолько ослепляет нас? Все это, конечно, может сыграть свою роль. Однако следует подумать и еще об одном существенном обстоятельстве: не может быть свободный выбор всегда „неправиль-ным". Какие-то качества партнера и правда отвечают нашим ожиданиям, что-то в нем и впрямь обещает исполнение наших желаний и, возможно, на самом деле исполняет их в браке. Но если остальные черты личности при этом не учитываются как ненужные или второстепенные, эта „отчужденность" от партнера потом неизбежно скажется на взаимоотношениях. Следовательно, существенная ошибка такого выбора состоит в том, что он был сделан лишь для того, чтобы выполнить какое-то отдельное условие. Один единственный импульс, одна единственная страсть вырвалась на авансцену и все заслонила собой. У мужчины, например, это может быть пылкое желание назвать своей девушку, которой добивается множество других поклонников. 90

Это особенное неудачное для любви условие, потому что внешняя привлекательность жены для мужа быстро улетучится в отсутствии соперников и возникнет снова только при появлении на сцене новых вздыхателей, которых он бессознательно ждет. Партнер может показаться желанным оттого, что он (или она) обещает утолить нашу тоску по признанию в материальном, социальном или духовном плане. В других случаях наш выбор могут определить все еще сильные инфантильные желания. Я вспоминаю об одном молодом человеке, необычайно одаренном и преуспевающем, который, лишившись матери в четырехлетнем возрасте, сам того не подозревая, в глубине души таил желание снова обрести ее. Он женился на пухлой, по-матерински выглядящей вдове с двумя детьми, старше себя, причем ее личные качества и интеллект сильно уступали его собственным. Можно привести и другой случай — с женщиной, которая в семнадцать лет вышла замуж за человека на тридцать лет старше, потому что он и физически, и психологически походил на горячо любимого ею отца. Она была довольно счастлива с ним несколько лет, несмотря на полное отсутствие половых отношений. И это длилось до тех пор, пока она сама не переросла свое детское желание. И только тогда до нее дошло, что будучи связанной с мужчиной, который, несмотря на ряд безусловно приятных качеств, немного для нее значит, она на самом деле одинока. Во всех таких случаях, а они действительно бесчисленны, слишком много в душе человека остается пустым, незаполненным. И первоначальное исполнение желания сменяется последующим разочарованием. Разочарование еще не равнозначно нелюбви, но образует ее источник, если только мы не наделены исключительно редким даром терпимости и не чувствуем, что отношения на такой ограниченной основе преграждают путь к возможности отыскать свое счастье. При этом совершенно неважно, насколько мы цивилизованы и преуспели в контроле над своими инстинктами. Внутри нас, в согласии с нашей природой, будет постепенно нарастать глухая ярость против человека или силы, которая угрожает помешать осуществлению наших жизненно важных стремлений. Эта ярость, даже помимо нашей воли, все равно прорвется наружу, и будет заметно влиять на наше поведение, как бы мы не старались забыть о ней и не думать о возможных последствиях. И наш партнер неизбежно почувствует, что отношение к нему стало более критичным, небрежным и нетерпимым.
Я хочу добавить сюда также ту группу случаев, в которых опасность проистекает не столько от того, что мы предъявляем все новые требования к любви, сколько от того, что сами эти 91

требования противоречивы. Мы всегда считаем себя более цельными, чем мы есть на самом деле, потому что инстинктивно боимся, и не без оснований, что наша

противоречивость угрожает нашей же личности и даже самой жизни. Противоречивость обычно ярче заметна в людях, эмоционально неуравновешенных, но в данном случае нецелесообразно говорить о них особо. Ибо природа вещей такова, что внутренняя противоречивость наших требований особенно легко и сильно проявляется, причем у всех людей, в царстве секса. В других областях жизни, например, в работе и межличностных отношениях, объективные силы реальности формируют у нас более цельную и в то же время более адаптивную позицию. Но даже те люди, которые привыкли в жизни вообще во всем следовать строгим правилам, легко поддаются искушению сделать секс местом игры своих противоречивых фантазий. И вполне естественно, что эти сексуально окрашенные и противоречивые по своей сути ожидания и фантазии точно также будут перенесены в брак. Мне это напоминает об одном типичном случае. Мужчина, очень мягкий, зависимый и в чем-то женственный, женился на женщине, превосходящей его витальностью и „масштабами" и воплощавший в себе материнский тип. Это был истинный брак по любви. Однако желания мужа, как это обыкновенно бывает у мужчин, были противоречивы. Он увлекся женщиной легкой, кокетливой и требовательной, словом, воплощением всего того, что первая дать ему не могла. Двойственность его желаний и развалила брак. Следует также упомянуть мужчин, тесно связанных со своей родительской семьей и, тем не менее, выбравших жен по контрасту со своим ближайшим окружением, в том числе — по национальности, внешности, интересам и общественному положению. Этот контраст, первоначально притянувший их, их же и отпугивает, и они неосознанно начинают искать чего-нибудь более привычного. Можно вспомнить и о женщинах с претензиями, желающих достичь высокого положения, и в то же время не осмеливающихся осуществить свои амбициозные мечты. Они подыскивают мужей, которые бы сделали это вместо них. Муж должен быть во всех отношениях совершенством: знаменитым, образованным и достойным восхищения. Многие женщины на этом и успокоятся. Однако столь же часто бывает, что жену скоро перестает удовлетворять ситуация, когда ее желания осуществлены не ею, а мужем, так как ее собственное стремление к власти не может смирится с тем, чтобы муж ее затмевал. И, наконец, есть женщины, выбирающие женственного, дели-92

катного и слабого мужчину. Ими руководит их маскулинная позиция, хотя они могут и не осознавать этого. Однако, они же нередко таят в себе также неосознанное стремление к сильному грубому самцу, который возьмет их силой. Таким образом, от мужа их будет отвращать его неспособность выполнить оба желания одновременно, и они будут тайно презирать его за слабость.

Подобные противоречия могут породить нелюбовь между супругами различными путями. Мы можем не любить нашего партнера за его неспособность дать нам то, что для нас очень важно, считая при этом его достоинства само собой разумеющимися и совершенно их не ценя. Со временем недостающее становится заманчивой целью, ярко подзолоченной нашим „знанием", что это как раз то самое, чего мы „на самом деле" хотели с самого начала. С другой стороны, мы можем не любить его именно за то, что он действительно выполнил наши желания, так как результат этого выполнения оказался несовместимым с нашими внутренне противоречивыми стремлениями. В наших размышлениях один факт до сих пор оставался на втором плане, а именно, что брак — это сексуальные отношения двух людей противоположного пола. Этот факт может быть источником сильнейшей ненависти, если отношение к противоположному полу уже искажено к моменту выбора супруга. Множество супружеских раздоров кажется обусловленным конфликтом именно с этим, нами же выбранным, партнером. И здесь легко прийти к мысли, что выбери мы другого, ничего подобного не случилось бы. Мы обычно склонны отмахиваться от того, что определенную роль может играть наше собственное общее отношение к

противоположному полу, которое точно таким же образом проявится и в отношениях с любым другим партнером. Другими словами, часто, а может и всегда, львиная доля бед — результат особенностей нашего собственного развития. Борьба полов представляет собой не только грандиозный фон для исторических событий на протяжении многих тысячелетий, но и каждый брак превращает в поле битвы. Тайное недоверие между мужчиной и женщиной, которое мы так часто обнаруживаем в той или другой форме, вовсе не обязательно является результатом печального любовного опыта взрослого человека. Нам нравится так думать, но на самом деле это недоверие идет из раннего детства. Последующий опыт, приходит ли он в ранне или позд-неподростковом возрасте, уже в основном обусловлен, даже в самом своем появлении, ранее выработанной психологической установкой, хотя мы можем и не до конца осознавать эту связь. Позвольте мне добавить несколько замечаний, чтобы пре-93

дыдущее утверждение было понятнее. То, что любовь и страсть приходят к человеку не во время полового созревания, это, видимо, одно из самых фундаментальных открытий, которыми мы обязаны Фрейду. Самый маленький ребенок уже способен страстно чувствовать, желать и требовать. А так как дух его первозданно чист и еще не истощен разочарованиями, то, возможно, сила его чувств столь велика, что даже понимание их просто недоступно взрослому. Если мы примем это как факт, и признаем еще один — даже более очевидный, в частности, то, что мы, как и все другие животные, находимся во власти великого закона гетеросексуального напряжения, тогда вызывающий споры постулат Фрейда о Эдиповом комплексе, через который проходит в своем развитии каждый ребенок, уже не покажется нам таким странным. Именно на стадии Эдипова комплекса ребенок переживает фрустрацию, разочарование, отверженность и беспомощную ревность. Эти чувства, как правило, дополняются переживаниями, связанными с ложью взрослых, наказаниями и угрозами. Шрамы от этого раннего любовного опыта остаются на всю жизнь и, безусловно, будут проявляться в последующих отношениях с противоположным полом. Следы Эдипова комплекса очень широко варьируют, однако, при всем их разнообразии, они образуют легко узнаваемый узор в поведении обоих полов. Во многих случаях мы обнаруживаем у мужчин характерный осадок от детских отношений с матерью. Во-первых, это ужас перед женским запретом, так как обычно именно мать заботится о ребенке и именно от матери мы получаем представление не только о тепле, заботе и нежности, но и о запрете. Впоследствии от этих запретов очень трудно освободиться полностью. Создается впечатление, что их следы живы почти в каждом мужчине, особенно — когда мы видим, как облегченно расслабляются мужчины в мужской среде, будь это спорт, клуб, наука или даже война. Они становятся похожими на школьников, сбежавших из-под надзора! И естественно, что ситуация „мать — сын" легче всего воспроизводится в отношениях с женой, как правило, более других женщин подходящей на роль матери. Вторая особенность, отражающая вечную зависимость от матери, это идея святости женщины, принимающая наиболее экзальтированное выражение в культе Девы. Такое представление о женщине, конечно, приятно и может даже украсить повседневную жизнь, но обратная сторона медали довольно опасна. В крайних случаях она оказывается связаной с убеждением, что порядочная или достойная женщина — асексуальна, и желать ее — равносильно унизить ее. Эта концепция предполага-94

ет, что не стоит ожидать полноценной сексуальной жизни с такой женщиной, даже если очень любишь ее, и поэтому сексуального удовлетворения следует искать у второсортных женщин, потаскух. В некоторых случаях это приводит к тому, что муж любит и ценит

жену, но не может ее желать, потому что она для него — более или менее запретный объект. Некоторые жены знают о таких представлениях мужа и не возражают, особенно если фригидны сами, против сложившихся отношений, но в других случаях это неизбежно ведет к явной или скрытой неудовлетворенности обеих сторон. В этой связи я хотела бы упомянуть третью черту, которая кажется мне самой характерной для отношения мужчин к женщинам. Мужчина боится не удовлетворить женщину. Его страшат ее требования вообще, и сексуальные в частности. Этот страх коренится до некоторой степени в биологии пола, поскольку мужчина вынужден каждый раз доказывать перед женщиной свою потенцию, в то время как женщина может участвовать в половом акте, зачать и родить, даже если она фригидна. Если смотреть с онтологической точки зрения, этот вид страха также уходит корнями в детство, когда маленький мальчик чувствовал, что должен быть мужчиной, но боялся, что над его претензиями на маскулинность посмеются и этим ранят его самоуважение, когда его детские ухаживания осмеивали и вышучивали. Следы детского чувства незащищенности сохраняются в зрелом возрасте чаще, чем мы склонны признавать, и обычно прячутся за нарочитым подчеркиванием собственной маскулин-ности, как некой вещи, которая представляет цену сама по себе, но повышенная уязвимость таких мужчин выдает себя в проявлениях неуверенности и неустойчивости их отношений с женщинами. В таких случаях брак может выявить сохранившуюся сверх-чувствительность в виде болезненной реакции на любую фрустрацию исходящую от жены. Если любимая доступна не только исключительно для него, если она недостаточно добра к нему, если он не чувствует, что удовлетворяет ее сексуально, все это может оказаться для базально неуверенного мужа тяжелой травмой и повлиять на его мужскую уверенность в себе. Эта реакция в свою очередь возбудит его инстинктивное желание унизить жену, чтобы подорвать ее чувство уверенности в себе также. Эти примеры призваны были продемонстрировать некоторые типично мужские тенденции. Они достаточно хорошо показывают, что определенная установка по отношению к противоположному полу может быть приобретена в детстве и впоследствии она обязательно проявится в сексуальных отношениях, в част-95

ности в браке, причем — относительно независимо от того, каким будет партнер. Чем меньше такая установка была преодолена в ходе развития, тем неуютнее будет мужу с женой. Присутствие подобных чувств часто может не осознаваться, а их источник самостоятельно не осознается никогда. Реакция на них может быть очень разной. Она может привести к напряжению и супружеским конфликтам, начиная от скрытого недовольства до откровенной ненависти, или может заставить мужа искать облегчения и находить его в напряженной работе, в мужской компании или в обществе другой женщины, требования которой его не пугают и в присутствии которой он чувствует себя свободным от бремени обязательств. Но снова и снова мы убеждаемся, что — к лучшему или к худшему — супружеские узы остаются крепче. Однако отношения с другой женщиной часто дают больше облегчения, удовлетворения и блаженства, чем отношения с женой. Из сомнительной ценности приданого, приносимого в брак женой, я упомяну только фригидность. Можно спорить, является ли она неизменным свойством или нет, но она всегда указывает на разлад в отношениях с мужчиной. Независимо от вариаций глубоко индивидуального содержания фригидности, она всегда выражает отвержение мужчины — или одного конкретного, или всего мужского рода вообще. Статистика фригидности дает большой разброс результатов и кажется мне весьма ненадежной, отчасти потому, что чувства нельзя выразить в цифрах, а также потому, что трудно оценить, как много женщин так или иначе обманывают себя относительно своих способностей наслаждаться сексом. Мой опыт склоняет меня предполагать, что легкая степень фригидности распространена гораздо больше, чем это признают сами женщины. Когда я говорю, что фригидность всегда выражение отверже-ния мужчины, я не имею в

виду подозрительность или враждебность. Женщины с отвергающим отношением к мужчине могут иметь очень женственную фигуру, манеру одеваться и стиль поведения. Они могу производить впечатление, что вся их жизнь „настроена только на мелодию любви" 1. Я говорю не об этом. Я имею в виду нечто более глубокое — неспособность к подлинной любви, неспособность отдаваться беззаветно. Такие женщины или откровенно предпочитают идти собственным путем, или неосознанно прогоняют от себя мужчину своей ревностью, требованиями и занудством. Как возникает подобное отношение? Мы в первую очередь склонны винить во всех грехах наши традиционные и современные методы воспитания девочек, включающих сексуальные за-96

преты и половую сегрегацию, не позволяющую им увидеть мужчин в их истинном свете. Они кажутся девочкам либо героями, либо чудовищами. Однако реальные свидетельства и размышления разоблачают поверхностность такой концепции. Сущность состоит в том, и это установленный факт, что усиление строгости в воспитании девочек вовсе не приводит к параллельному росту фригидности. Как свидетельствует опыт, во всех случаях, когда базисные характеристики достаточно определенны, человеческую природу нельзя существенно изменить ни запретами,
ненасилием. Существует, вероятно, только один фактор, который, как по-I зволяет заключить анализ, настолько силен, что оказывается способен конкурировать с потребностью удовлетворения наших жизненно важных потребностей — это тревога. Если мы хотим понять, отчего она появляется, как развивается и (насколько это возможно) уловить ее генезис, мы должны пристально взглянуть на типичную судьбу инстинктивных побуждений девочки. Сделав это, мы обнаружим, что в силу различных обстоятельств роль женщины чаще всего представляется девочке опасной и нежеланной. Типичные страхи раннего детства с его незамысловатым символизмом без особого труда позволяют догадаться об их скрытом значении. Что еще может означать страх перед громилами, змеями, диким зверями или, например, грозой, если не обычный женский страх перед подавляющей силой, способной победить, прорваться внутрь, разрушить? Существует и множество других страхов, которые могли бы быть интерпретированы как связанные с ранним инстинктивным предчувствием материнства. С одной стороны, маленькая девочка инстинктивно боится предстоящего в будущем таинственного и страшного события, а, с другой — она боится, что этого может никогда с ней не случиться. Стараясь избежать этих далеко непростых переживаний, девочка чаще всего идет наиболее типичным путем — уходом в желаемую или воображаемую мужскую роль. Более-менее отчетливо это проявляется у девочек от четырех до десяти лет. В препубертатный и пубертатный период шумное мальчишеское поведение исчезает, уступая место девичьему. Однако сильные и нередко достаточно заметные внешне остаточные явления могут оказывать влияние и в последующем, искажая поведение девушки. Чаще всего это проявляется в амбициозности, стремлении к власти, обиде на мужчин, которые всегда оказываются в сравнительно более привилегированном положении. Отсюда же идет воинственность по отношению к мужчинам, с наиболее вероятным проявлением в различных формах сексуального манипулирования, и, наконец, это торможение или полный запрет переживания сексуального удовлетворения с мужчиной.
Кое-что может проясниться, если мы попытаемся понять эту грубо очерченную историю развития фригидности. Но если мы посмотрим на брак как на целое, то мы увидим, что почва, на которой произрастает фригидность, и способ, которым она выражается по отношению к мужу, в своей сути — гораздо более серьезны, чем сам симптом, который, как упущенное удовольствие, кому-то может показаться не таким уже важным. Существенно то, что подобным неблагоприятным развитием может быть нарушена такая

важная функция женского организма, как материнство. Я бы не хотела здесь обсуждать те сложные пути, которыми могут развиваться подобные физические и эмоциональные нарушения, а ограничиться только постановкой вопроса. Неужели хороший в своей основе брак может пострадать от появления ребенка? При такой постановке вопроса в нем отчасти уже заключен ответ: ребенок не может взорвать брак, он укрепляет его. Хотя, я бы добавила, что ответ не так уж однозначен, и зависит от внутренней структуры конкретного супружества. А теперь поставим вопрос иначе, в более специфической форме. Могут ли с появлением ребенка испортиться хорошие отношения между супругами? Хотя такое последствие кажется биологически парадоксальным, оно действительно может наступить при определенных условиях. Может случиться так, что мужчина, подсознательно сильно привязанный к матери, начнет идентифицировать жену с последней, так как она тоже стала матерью, и в результате — ему станет труднее видеть в ней сексуальный объект. Такая перемена отношения может прикрываться различными рационализациями, обусловленными якобы тем, что жена утратила свою красоту из-за беременности, родов или кормления. Именно такими рационализациями нередко мы пытаемся объяснить те эмоции или запреты, которые возникают из таинственных глубин нашего сознания. У женщины может возникнуть иная ситуация, предопределенная особенностями ее развития. Все ее женские устремления фактически сосредоточены на ребенке, а, следовательно, и во взрослом мужчине, в муже, она любит лишь ребенка — того, который реально живет в нем, и того, которого она предполагает от него завести. Если такая женщина рожает ребенка, муж становится ей уже не нужен и даже досаждает своими требованиями.

Таким образом, при определенных психологических усло-

виях ребенок также может стать источником отчуждения или утраты любви. Пора подводить итоги, хотя я даже не затронула многие другие возможные источники конфликта, например, скрытую гомосексуальность, так как расширение перечня обсуждаемых тем, в принципе, ничего не прибавит к вышеизложенному психологическому подходу и обоснованной им точке зрения. Сущность моего подхода состоит в следующем: независимо от того, гаснет ли искра любви сама по себе или вмешивается кто-то третий, в любом случае — то, что мы обычно считаем причиной разрушения брака, на самом деле чаще всего только следствие или результат обычно скрытого от нас процесса постепенного нарастания нелюбви к партнеру. Источники этой нелюбви имеют мало общего с тем, что, как мы считаем, раздражает нас в партнере; в гораздо большей степени они — результат неразрешенных конфликтов, которые мы приносим в брак из нашего детства. Следовательно, проблемы брака нельзя решить ни увещеваниями, касающимися долга и самоотречения, ни рекомендациями дать неограниченную свободу инстинктам.. Первое уже бессмысленно в наши дни, а последнее вряд ли будет способствовать нашему счастью, ибо подвергает опасности наши главные ценности. Фактически вопрос следовало поставить по-иному: влияния каких факторов, ведущих к возникновению нелюбви к партнеру, можно избежать, какие можно смягчить? По-видимому, можно избежать наиболее разрушительных диссонансов развития, или, по крайней мере, снизить их интенсивность. Как было кем-то справедливо замечено, удача в браке во многом зависит от степени эмоциональной стабильности, приобретенной обоими партнерами до брака. Многие трудности, естественно, остаются неизбежными. Наверное, в самой природе человека — ожидать исполнения желаний как подарка, вместо того, чтобы прилагать усилия для этого. Возможно, навсегда недостижимым идеалом останутся доброкачественные, то есть свободные от тревоги отношения между полами. Но мы все же должны научиться осознавать определенную противоречивость наших собственных ожиданий, как свойство, отчасти вообще присущее нашей натуре, и понимать

невозможность исполнения в браке их всех. Отношение людей к проблеме самоограничения будет меняться в ходе истории еще не раз. Наши предки налагали слишком сильные ограничения на проявления инстинктов. Мы, напротив, боимся этого чрезвычайно. Желательная цель брака, впрочем, как и других отношений — найти оптимум между этими позициями, между ограничениями и свободой желаний. Одна-4* 99

ко, самое существенное самоограничение, действительно угрожающее браку — не то, которое заключается в реальных несовершенствах партнера. Мы можем, в конце концов, простить ему то, что он не способен дать нам больше, чем позволяют границы его природных возможностей. Но в строго моногамном браке мы идем дальше — мы обязаны решительно отказаться от поиска и нахождения путей удовлетворения не только сексуальных, а всех наших желаний, которые партнер оставляет невостребованными или неисполненными. Нам приходится оставить эти требования, глубоко скрытые или явные, которые, иначе, полностью отравили бы атмосферу абсолютно моногамного брака. Другими словами, из этого следует вывод, что стандарт моногамии нуждается в пересмотре, и мы должны вновь попытаться непредубежденно исследовать его происхождение, ценность и исходящую от него опасность.

1 Цитата из знаменитой песни Марлен Дитрих „Только любовь".

СТРАХ ПЕРЕД ЖЕНЩИНОЙ (Сравнение специфики страха женщин и мужчин по отношению к противоположному полу) Int. Psycho-Anal. XIII (1932) В балладе „Кубок" Шиллер ведет рассказ о паже, бросившемся в пучину моря, чтобы завоевать женщину, сперва симво-лизируемую кубком: И он подступает к наклону скалы И взор устремил в глубину Из чрева пучины бежали валы, Шумя и гремя, в вышину; И волны спирались и пена кипела, Как будто гроза, наступая, ревела. И воет, и свищет, и бьет, и шипит, Как влага, мешаясь с огнем, Волна за волною; и к небу летит Дымящимся пена столбом; Пучина бунтует, пучина клокочет... Не море ль из моря извергнуться хочет? И вдруг, успокоясь, волненье легло; И грозно из пены седой Разинулось черною щелью жерло, И воды обратно толпой Помчались во глубь истощенного чрева; И глубь застонала от грома и рева. И он, упредя разъяренный прилив, Спасителя-Бога призвал... И дрогнули зрители все, возопив, — Уж юноша в бездне пропал. И бездна таинственно зев свой закрыла: Его не спасет никакая уж сила. На первый раз юноше удается спастись и он рассказывает о том, что видел в бездонной влаге: Я видел, как в черной пучине кипят, В громадный свиваяся клуб, И млат водяной, и уродливый скат, И ужас морей однозуб; 101

И смертью грозил мне, зубами сверкая, Мокой ненасытный, гиена морская. И я содрогнулся... вдруг слышу ползет Стоногое грозно из мглы И хочет схватить, и разинулся рот... Я в ужасе прочь от скалы. То было спасеньем: я схвачен приливом И выброшен вверх водомета порывом. (Перевод В. Жуковского) Тот же мотив звучит, хотя и нежнее, в Песне Рыбака из „Вильгельма Телля": На озеро манит купанья отрада Уснувшего юношу нежит прохлада И звуки свирели Он слышит сквозь сон, Он ангельски-нежною Песней пленен. Проснулся, блаженства, веселия полный, А возле играют и пенятся волны. И вкрадчивый голос Влечет за собой: „Бросайся в пучину, Будь вечно со мной!" (Перевод Н. Славятинского) Мужчина никогда не устает на все лады изображать непреодолимую силу, влекущую его к женщине, и идущий бок о бок с этим — страх, что из-за нее он может утратить себя или умереть. Я сошлюсь, в частности, на живое выражение этого страха в поэме Гейне о легендарной Лорелее: сидя на высоком берегу

Рейна, она заманивает лодочников своей красотой. Опять возникает все тот же мотив воды (представляющей первичную стихию „женщины"), поглощающей мужчину, поддавшегося женским чарам. Подобные сюжеты мы встречаем постоянно. Улисс приказал своим спутникам привязать себя к мачте, чтобы избежать обольщения сирен. Загадки Сфинкса смогли разгадать немногие, а большинство поплатилось за свою попытку жизнью. Вокруг замка сказочного короля всегда стоит ограда, украшенная головами женихов, осмелившихся отгадывать загадки его прекрасной дочери. Богиня Кали 1 танцует на трупах убитых мужчин. Самсона, которого не мог победить ни один мужчина, лишила обманом его силы Далила. Юдифь обезглавила Олоферна после того, как отдалась ему. Саломея уносит на блюде голову Иоанна Крестителя. Ведьм сжигают из-за мужского страха священников попасть под власть дьявола. Женский „Дух Земли" Ведекинда 102

разрушает всякого мужчину, который попадает под власть ее чар, и даже не потому, что она так уж особенно зла, а просто потому, что ее природа такова. Ряд примеров бесконечен, но всегда и везде мужчина стремится избавиться от своего страха перед женщиной, пытаясь подвести под него объективную основу. „Дело не в том,— говорит он,— что я боюсь ее; дело в том, что она сама по себе зловредна, способна на любое преступление, хищница, вампир, ведьма, ненасытная в своих желаниях. Она — воплощение греха". Не здесь ли — в нескончаемом конфликте между влечением к женщине и страхом перед ней 2 — таится один из важнейших корней мужского творческого начала? Для примитивного восприятия женщина становится вдвойне грешной при кровавых проявлениях ее женского естества. Контакт с ней во время менструации в представлениях многих, особенно — примитивных народов, фатален 3: мужчина теряет свою силу, пастбища засыхают, рыбак и охотник возвращаются без добычи. Дефлорация также оказывается крайне опасна для мужчины. Как показывает Фрейд в „Табу девственности" 4, даже муж боится акта дефлорации. В упомянутой работе Фрейд пытается объективизировать эту тревогу, довольствуясь ссылкой на импульс к кастрации. Нельзя отрицать, что этот импульс действительно встречается у женщин. Но его нельзя считать адекватным объяснением самого явления табу девственности по двум причинам. Во-первых, импульс к кастрации не является универсальной реакцией на дефлорацию, а присутствует в явно распознаваемом виде, вероятно, только у женщин с сильно развитой маскулинной установкой. Во-вторых, даже если дефлорация однозначно возбуждает в женщине деструктивный импульс, нам все же следует раскрыть (как мы это должны делать при анализе каждого индивидуального случая), какой именно импульс самого мужчины заставляет его считать разрыв гимена опасным предприятием, опасным настолько, что его может совершить безнаказанно только некто, обладающий могуществом, или посторонний, способный за вознаграждение рискнуть своей жизнью или мужским естеством [чему также имеются многочисленные свидетельства в исторической антропологии — М. Р.]. Разве не примечательно и достойно удивления, что, несмотря на такое огромное количество откровенных свидетельств, так мало внимания уделяется тайному страху мужчины перед женщиной? Еще более удивительно, что сами женщины так долго могли не замечать его. Я еще вернусь к подробному обсуждению причин такого положения (то есть к причинам их собственной тревоги и снижения самооценки). Мужчина имеет вполне очевидный стратегический резон не выдавать своего страха. Но он 103

пытается также всячески отрицать свой страх, даже перед самим собой. Это и составляет истинную цель усилий, направленных на поиск все новых «доказательств» вредоносности женской сути в художественном и научном творчестве, на которые я уже ссылалась выше. Мы можем предположить, что даже прославление женщины мужчиной происходит не

столько от стремления завоевать ее любовь, сколько от желания скрыть свой страх перед ней. Аналогичные причины — поиск облегчения — лежат и в основе поведения мужчин, выставляющих напоказ свое пренебрежение к женщине. Позиция „любовь и восхищение" означает: „Мне нечего бояться такого восхитительного, такого прекрасного, более того, такого святого создания". Позиция „пренебрежение" подразумевает: „Слишком смешно бояться такого, как ни посмотри, жалкого существа" 5. Этот путь успокоения своей тревоги дает мужчине особое преимущество, а именно: помогает поддерживать ему свою мужскую самоуверенность. Ему кажется, что она гораздо больше пострадает от признания страха перед женщиной, чем от признания страха перед мужчиной (отцом). Причина, по которой самоощущение мужчин так чувствительно именно по отношению к женщине, может быть понята только из хода раннего развития мальчика, к чему я вернусь позже. В процессе психоанализа страх перед женщиной проступает совершенно четко. Мужская гомосексуальность имеет в своей основе (на самом деле — общее со всеми другими перверсиями) желание избежать женских гениталий и даже отрицать самое их существование. Фрейд показал, в частности, что это фундаментальная черта фетишизма 6; он уверен, однако, что она основана не на тревоге, а на чувстве отвращения, связанном с отсутствием пениса у женщины. Я же думаю, что даже если это так, мы все равно вынуждены сделать заключение о самостоятельной роли тревоги. На самом деле перед нами — страх влагалища, тонко замаскированный под отвращение. Только тревога — как достаточно сильный мотив, способна удержать мужчину от стремления к цели, даже несмотря на то, что либидо настоятельно толкает его на союз с женщиной. Построения Фрейда не объясняют этой тревоги. Страх мальчика перед отцом по поводу кастрации — неадекватная причина для его страха перед существом, над которым это наказание уже осуществилось. За страхом перед отцом должен стоять другой страх, объект которого — женщина или женские гениталии. И этот страх, непосредственно связанный с влагалищем, безошибочно обнаруживается не только у гомосексуалистов и лиц с перверзиями, но и при анализе обычных мужских сновидений. Все психоаналитики знакомы 104

со сновидениями такого сорта, так что я только кратко напомню их сюжеты. Снится, например, как машина несется вперед, неожиданно падает в яму и разбивается на куски, как лодка скользит по узкому каналу и ее неожиданно втягивает водоворот, снится подвал с ужасными кровососущими растениями и дикими зверями, снится, как карабкаешься по трубе и вот-вот упадешь и разобьешься. Доктор Баумейер из Дрездена 7 разрешила мне изложить результаты опыта, позволяющего наблюдать метафорические проявления страха перед влагалищем. Экспериментатор играет в мяч с детьми во дворе лечебного центра, и спустя какое-то время показывает им, что мячик надрезан. Она разводит края разреза в стороны и засовывает туда палец, так что он оказывается там защемленным. Потом тоже самое предлагают сделать детям. Из двадцати восьми мальчиков только шесть сделали это без страха, а восемь невозможно было уговорить. Из девятнадцати девочек девять не выказали ни следа страха, остальные слегка затруднились, но ни одна не была этим сколько-нибудь серьезно встревожена. У меня нет сомнений, что за реально имеющим место страхом перед отцом, прячется страх перед влагалищем, или, на языке бессознательного — страх перед помещением пениса во влагалище женщины 8. Для этого есть две причины. В первую очередь, как я уже говорила, мужское самоуважение меньше страдает от страха перед отцом, и, во-вторых, страх перед отцом скорее осязаемый, нежели жуткий. Мы можем сравнить эти страхи как страх перед реальным врагом и страх перед привидением. Значительность, придаваемая тревоге в связи с „кастрирующим" отцом, таким образом, тенденциозна, что было показано Гроддеком, например, в анализе случая сосания пальца в „Struwwelpeter": „отрезает" палец мужчина, но произносит угрозу мать, и используемый инструмент — ножницы — также женский символ. Из всего вышесказанного, я думаю, можно заключить, что, вероятно, мужской страх перед

женщиной (матерью) или женскими гениталиями укоренен глубже и давит тяжелее, и поэтому более энергично вытесняется, чем страх перед мужчиной (отцом), и таким образом, попытка найти пенис у женщины представляет собой, в первую очередь и главным образом, конвульсивное желание отрицать существование грешных женских гениталий. Есть ли онтогенетическое объяснение этой тревоги? Не является ли она (у человека) скорее интегральной частью мужского существования и поведения? Не проливает ли свет на нее тот 105

факт, что самцы животных часто после спаривания впадают в состояние вялости, сонливости и даже погибают 9? Не связаны ли любовь и смерть в сознании мужчин теснее, чем в сознании женщин, для которых соитие — потенциальное создание новой жизни? Не чувствует ли мужчина наряду со стремлением завоевать одновременно тайного желания угаснуть в акте соединения с женщиной (матерью)? Не это ли желание стоит за „инстинктом смерти"? А может быть это воля к жизни реагирует тревогой на такое желание? Пытаясь объяснить эту тревогу в психологических и онтогенетических терминах, мы испытываем затруднение, если основываемся на представлении Фрейда об отличии инфантильной сексуальности от зрелой. По Фрейду оно состоит именно в том, что ребенок еще „не открыл" существование влагалища. Согласно этому взгляду, мы не можем говорить о примате собственно гениталий в широком смысле, а вынуждены, чтобы быть точными, назвать это приматом фаллоса. Следовательно, действительно правильнее описывать период инфантильной генитальной организации как „фаллическую фазу" 10. Множество зафиксированных высказываний мальчиков в этот период их жизни не оставляет сомнений в справедливости тех наблюдений, на которых основана теория Фрейда. Но если мы посмотрим пристальнее на существенные характеристики этой фазы, нам трудно удержаться от вопроса, действительно ли описание Фрейда является исчерпывающим для инфантильной генитальности как таковой во всех ее специфических проявлениях, или приложимо только к ее сравнительно поздней фазе. Фрейд утверждает, что для мальчика характерна концентрация интереса, в отчетливо нарциссической форме, на его собственном пенисе: „Движущая сила, которую эта часть мужского тела будет генерировать позднее в пубертате, в детстве выражается исключительно как желание исследовать суть вещей — как сексуальное любопытство". Очень важную роль при этом играют вопросы, касающиеся наличия полового члена и его размера у других живых существ. Но, конечно, суть собственно фаллических импульсов, начиная с ощущений в самом органе, состоит в желании проникнуть. То, что эти импульсы на самом деле существуют, вряд ли вызывает сомнение; они проявляются слишком откровенно в детских играх и при анализе маленьких детей. Опять-таки, трудно сказать, из чего состоит на самом деле сексуальное желание мальчика по отношению к его матери, если не из этих самых импульсов; и почему объектом тревоги, связанной с мастурбацией, должен быть именно отец ребенка как кастратор, если предположить, что мастурбация не является тем, что она есть — 106

аутоэротическим выражением гетеросексуальных фаллических импульсов. В фаллической фазе психологическая ориентация мальчика в основном нарциссическая; следовательно, период, в котором его генитальные импульсы направлены на объект, должен быть более ранним. Конечно, следует учитывать возможность того, что они могут быть направлены не только на женские половые органы, о существовании которых мальчик инстинктивно догадывается. Действительно, мы встречаем в сновидениях (как раннего, так и более позднего периода), в симптомах и в особенности в деталях поведения наших пациентов оральные, анальные или садистские изображения (репрезентации) коитуса без специфической локализации. Но мы не можем считать это доказательством примата соответствующих импульсов, ибо мы не уверены, выражают ли, и насколько точно, эти

явления какое-либо смещение от собственно генитальной цели. По сути — это может быть лишь демонстрацией того, что данная личность проявляет специфически оральные, анальные или садистские наклонности. Свидетельская ценность этих изображений коитуса очень мала, так как они всегда связаны с определенными аффектами, направленными против женщин, поэтому всегда остается неясным: не являются ли они, по сути, только выражением или продуктом этих аффектов. Например, наклонность унижать женщин может выражаться в придании анальных характеристик изображениям женских гениталий, в то время как орально ориентированные изображения могут выражать тревогу. Но между тем, имеются и реальные причины, почему мне кажется невероятным, что существование специфического женского отверстия должно оставаться „необнаруженным". С одной стороны, мальчик, конечно, автоматически считает, что все устроены так же, как он сам; но с другой стороны, его фаллические импульсы несомненно инстинктивно толкают его искать соответствующее отверстие в женском теле, более того, то отверстие, которого он сам лишен, ибо один пол всегда ищет в другом комплементарности или тех признаков, которые отличаются от его собственных свойств. Если мы всерьез принимаем заявление Фрейда о том, что сексуальные теории детей строятся на основе их собственного полового устройства, в данном случае следует вывод, что мальчик, побуждаемый импульсами к проникновению, неизбежно рисует в воображении комплементарный женский орган. Именно это заключение следует из материала, который я процитировала в начале статьи, говоря о маскулинном страхе перед женскими гениталиями. Очень сомнительно, чтобы этот страх начинался только в пу-107

бертате. Уже в начале этого периода тревога видна достаточно отчетливо, если заглянуть за невысокий фасад мальчишеской гордости, скрывающий ее. В подростковом возрасте задача мальчика, очевидно, не только освободиться от инцестуозной привязанности к матери, но и научиться управлять своим страхом перед всем женским полом вообще. Успеха на этом поприще, мальчик, как правило, достигает только постепенно: сначала он поворачивается спиной ко всем девчонкам на свете, и только когда его маскулинность пробудится полностью, она властно подвигает его через порог страха. Но мы знаем, что, как правило, конфликты пубертата — это, mutais mutandis, то есть — ожившие конфликты периода ранней инфантильной сексуальности, и таким образом, путь, которым развиваются подростковые конфликты, часто, в сущности — верная копия серии более ранних переживаний. Более того, гротескный характер тревоги, насколько мы можем судить о ней, исходя из символизма сновидений и литературных произведениях, безошибочно указывает на период ранних инфантильных фантазий. В пубертате нормальный мальчик уже приобрел теоретическое знание о влагалище, но то, чего он боится в женщинах — это что-то жуткое, незнакомое и тошнотворное. И если взрослый мужчина продолжает относиться к женщине как к великой неразгаданной им загадке, это его чувство может теперь относиться только к одному — к тайне материнства. Все прочее — только остаток страха перед этой тайной. Каково происхождение этой тревоги? Каковы ее особенности? И какие обстоятельства омрачают ранние отношения мальчика с матерью? Затрагивая эту проблему в статье о женской сексуальности п, Фрейд отметил, как наиболее очевидные, следующие обстоятельства: мать — первая, кто запрещает ребенку инстинктивные действия, потому что именно она ухаживает за ребенком в детстве. Во-вторых, ребенок, очевидно, переживает садистские импульсы по отношению к телу своей матери 12, предположительно связанные с яростью, возбужденной материнскими запретами, и, согласно закону талиона, его гнев оставляет после себя некий осадок в виде тревоги. И наконец — и это, видимо, принципиально — специфическая судьба генитальных импульсов — третий порождающий тревогу фактор. Анатомические различия между полами ведут к совершенно различным ситуациям у девочек и мальчиков, и чтобы по-настоящему понять, почему дети тревожатся, и почему они тревожатся по-

разному, мы должны прежде всего принять во внимание реальное положение ребенка в период его ранней сексуальности. Природа девочки 108

биологически обуславливает ее желание принимать, вбирать 13. Она знает или чувствует, что ее влагалище слишком мало для пениса отца, и это заставляет ее реагировать на собственные генитальные желания прямой тревогой; она боится, что если ее желания осуществятся, она сама или ее влагалище будут разрушены 14. Мальчик, напротив, считает или оценивает инстинктивно, что его пенис слишком мал для влагалища матери и реагирует на это страхом своей неадекватности или несоответствия, страхом быть отвергнутым и осмеянным. Следовательно, его тревога лежит совсем в другой области, чем тревога девочки; его первоначальный страх перед женщиной вовсе не страх кастрации, а реакция на угрозу его самоуважению 15. Чтобы быть правильно понятой, позвольте мне подчеркнуть мою уверенность в том, что все эти процессы протекают чисто инстинктивно, а в их основе лежат ощущения, бессознательно проистекающие от органов и напряжения соматических потребностей; другими словами, я считаю, что все эти реакции будут иметь место, даже если девочка никогда не видела пениса своего отца, а мальчик — влагалища своей матери, и даже в том случае, если дети не получили никаких теоретических знаний о существовании этих половых органов. Из-за особенностей своих реакций мальчик фрустрируется материнским наказанием всегда иначе и более жестоко, чем девочка, пострадавшая от руки отца. Шлепок ударяет по либидо-нозным импульсам в любом случае. Но у девочки есть определенное утешение в этом горе — она сохраняет свою физическую целостность. А мальчик бывает поражен еще и в другую чувствительную точку — задето его чувство генитальной неадекватности, которое, предположительно, сопровождает его либидоноз-ные желания с самого начала. Если мы полагаем, что наиболее общая причина ярости — это срыв импульсов, которые в данный момент имеют жизненную важность, то из этого следует, что фрустрация мальчика его матерью должна вызывать у него удвоенную ярость: во-первых, из-за обращения вспять его либидо, и во-вторых, из-за ранения его маскулинного самоуважения. Одновременно снова ярко вспыхивает старое негодование, идущее, вероятно, еще от прегенитальных фрустраций. В результате фаллические импульсы мальчика к проникновению сливаются с его гневом и фрустрацией и принимают садистский оттенок. Здесь позвольте мне подчеркнуть мысль, которой часто не придается должного значения в психоаналитической литературе, а именно: у нас нет причин приписывать фаллическим импульсам природный садизм, и, следовательно, недопустимо (при 109

отсутствии особых доказательств) в каждом случае уравнивать „мужское" и „садистское" и, сходным образом, „женское" и „ма-зохистское". Но если примесь деструктивных импульсов действительно велика, материнские гениталии могут, согласно закону талиона, стать объектом прямой тревоги. Если сперва подсознательное влечение к ним было лишь неприятно, так как ассоциировались с раненным самоуважением, то вследствие вышеописанного вторичного процесса (гнев, вызванный фрустрацией) они становятся для мальчика объектом страха кастрации. И, вероятно, этот страх получает самое главное подкрепление, когда мальчик наблюдает следы менструации. Очень часто это последнее подкрепление страха кастрации в свою очередь оставляет долгий след на мужском отношении к женщине, как мы уже знаем из взятых наугад примеров из жизни самых разных народов в самые разные времена. Но я вовсе не думаю, что это непременно имеет место у всех мужчин в сколько-нибудь значительной степени, и, несомненно, это не является отличительной характеристикой мужского отношения к противоположному полу. Тревога этого рода очень похожа, mutatis mutandis, на тревогу, с которой мы встречаемся и у женщин. Когда в процессе анализа субъекта мы обнаруживаем у него эту тревогу в достаточно заметной степени — речь, безусловно, идет о мужчине, чья

установка по отношению к женщинам заметно невротизирована. С другой стороны, я думаю, что тревога, связанная с самоуважением, оставляет у каждого мужчины достаточно отчетливые следы и налагает на его общее отношение к женщине особый отпечаток, который или отсутствует на женском отношении к мужчине, или, если он все же присутствует, является вторичным приобретением. Другими словами, тревога в связи с самоуважением не является интегральной частью женского естества. Мы можем уловить общее значение этой мужской установки, только если теснее познакомимся с развитием инфантильной тревоги у мальчика, ее проявлениями и с его усилиями преодолеть ее. Согласно моему опыту, страх быть осмеянным и отвергнутым — типичный ингредиент психоанализа любого мужчины, неважно, какова его ментальность или структура его невроза. Ситуация, складывающаяся при анализе, и постоянная скрытность перед женщиной-аналитиком выявляют эту тревогу и чувствительность яснее, чем она обнаруживается в обычной жизни, которая дает мужчинам множество возможностей избежать этих чувств — путем ухода от ситуаций, вызывающих их, или путем сверхкомпенсации. Эту специфическую основу мужской уста-110

новки непросто проследить при анализе, так как она в основном скрыта за феминной ориентацией, по большей части бессознательной 16. Судя по моему собственному опыту, эта ориентация не менее распространена, хотя (по причинам, которые я укажу) менее заметна, чем маскулинная установка у женщин. Я не предлагаю здесь для дискуссии ее различные источники; я только предполагаю, что ранняя травма, нанесенная самоуважению мальчика, может быть одним из факторов, виновных за отвращение мальчика к его мужской роли. Его типичная реакция на эту травму (и на страх перед своей матерью, порожденный угрозой этой травмы) очевидна — это переключение либидо от матери на себя и свои гениталии. С точки зрения экономии либидо этот процесс вдвойне выгоден: он позволяет мальчику избежать болезненной или тревожной ситуации, создающейся между ним и его матерью, и восстанавливает маскулинное самоуважение мальчика путем регрессивного подкрепления его фаллического нарциссизма. Женские гениталии больше не существуют для него („необнаруженное" влагалище — это отрицаемое влагалище). Эта стадия развития мальчика полностью идентична с фрейдовской фаллической фазой. Мы должны также попытаться понять любопытство, доминирующее в этой фазе развития мальчика, и специфическую природу этого любопытства, как выражение отступления от объекта, связанного с нарциссически окрашенной тревогой. Первая реакция в данной ситуации — усиление фаллического нарциссизма. В результате — желание быть женщиной, которое маленьким он нередко высказывал без смущения, теперь вызывает у него отчасти тревогу, как бы оно не осуществилось, и отчасти страх кастрации. Как только мы поймем, что маску-линный страх кастрации во многом является ответом Эго на желание быть женщиной, мы не сможем полностью разделить заключение Фрейда о том, что бисексуальность проявляется отчетливее у женщин, чем у мужчин п. Оставим же этот вопрос открытым. Та особенность фаллической фазы, которую подчеркивает Фрейд, показывает с особой ясностью нарциссический шрам, который отношения с матерью оставляют у маленького мальчика. „Он ведет себя так, как будто смутно догадывается, что этот орган может и должен быть больше" 18. Мы расширим это наблюдение, сказав, что такое поведение действительно начинается в фаллической фазе, но не ослабевает вместе с ее окончанием, напротив, оно наивно демонстрируется в течение всего детства 111

мальчика и продолжает существовать позднее, как глубоко спрятанная тревога о размере пениса субъекта или о его потенции, или (как менее скрываемая) гордость за них. Итак, одна из крайностей биологической разницы между полами такова: именно мужчина вынужден реально пройти через необходимость доказывать свою маскулинность

женщине. Для нее аналогичной необходимости нет. Даже если она фригидна, она может участвовать в половом акте, зачать и родить ребенка. Она играет свою роль самим фактом своего бытия, без всякого действия, и это вечно наполняет мужчин восхищением и завистливой обидой. Мужчина, напротив, должен всегда что-нибудь делать для того, чтобы реализовать себя. Идеал „продуктивности" — типичный мужской идеал. Это, вероятно, одна из фундаментальных причин того, что проводя анализ у женщин, которые боятся своих маскулинных тенденций, мы часто обнаруживаем, что они бессознательно относятся к честолюбию и достижениям как к мужским атрибутам, несмотря на значительное расширение сферы активности женщин в современной жизни. В собственно сексуальной жизни мы видим, как обычное стремление к любви, влекущее мужчин к женщинам, очень часто затмевается переполняющей мужчину внутренней одержимостью, доказывать вновь и вновь свою маскулинность себе и другим. Мужчину такого типа, в наиболее крайней форме, интересует только одно — завоевать. Его цель — „иметь" множество женщин, самых красивых и самых неуступчивых. Мы находим примечательную смесь нарциссической сверхкомпенсации и тревоги за свою самореализацию как в тех мужчинах, которые желая одерживать победы, тем не менее негодуют на женщин, принимающих их настойчивость слишком серьезно, так и в тех, которые сохраняют пожизненную благодарность женщине, если она награждает их какими-либо дополнительными доказательствами их мужественности. Другим способом защиты ноющего нарциссического шрама от возможной опасности является описанная Фрейдом склонность к выбору недостойного объекта любви 19. Если мужчина не стремится к женщине, которая ему равна или даже выше его — разве это не защита от угрозы самоуважению по широко известному принципу „зелен виноград"? От проститутки или доступной женщины нечего бояться отказа или невыполнимых требований в сексуальной, этической или интеллектуальной сфере, а, следовательно, можно не опасаться за свое превосходство м. Это подводит нас к пониманию третьего пути поддержки мужчинами позиции собственного превосходства, самого важно-112

го и самого зловещего по своим культурным последствиям: это стремление снизить самоуважение у самих женщин. Я думаю, мне удалось показать, что мужское пренебрежение к женщинам основано на определенной психологической тенденции не уважать их, коренящейся в реакции мужчин на определенную биологическую данность, чего и следует ожидать от так широко распространенной и так настойчиво поддерживаемой сознательной установки. Мнение, что женщины — инфантильные создания, живущие эмоциями, и поэтому не способны к ответственности и не вынесут независимости — результат работы маскулин-ного стремления снизить самоуважение женщин. Когда мужчины приводят в оправдание этой установки довод, что множество женщин на самом деле соответствуют такому описанию, мы должны задуматься, не культивируется ли именно такой тип женщины проводимой мужчинами систематической селекцией. Еще не самое худшее, что величайшие умы от Аристотеля до Мебиуса затратили немало энергии и интеллектуальных усилий на доказательство принципиального превосходства маскулинности. Что действительно плохо — это тот факт, что хлипкое самоуважение „среднего человека" заставляет его снова и снова выбирать в качестве „женственного" типа — именно инфантильность, незрелость и истеричность, и тем самым подвергать каждое новое поколение влиянию таких женщин. 1 К. Д. Дали. „Индуистская мифология и комплекс кастрации". 2 Сакс объясняет импульс к художественному творчеству как поиск совиновных. В этом, я думаю, он прав, но мне кажется, что это не слишком глубокий ответ на проблему творчества. Это объяснение одностороннее, так как принимает во внимание только одну часть нашей личности, а именно — Супер-Эго (Г. Сакс „Коллективные вымыслы"). 3 К. Д. Дали. „Комплекс менструации" (1928) и Винтерштейн „Пубертат у девушек и его отражение в сказках"

(1928). 4 3. Фрейд. „Табу девственности" (1918). 5 Я отлично помню, как была поражена я сама, когда впервые услышала, как такие идеи высказывает, причем мужчина, в форме универсального тезиса. Говорящий был Гроддек, и он был явно уверен в том, что утверждает нечто совершенно самоочевидное, бросив в разговоре: „Конечно, мужчины боятся женщин". В своих работах Гроддек неоднократно подчеркивал этот страх. 6 3. Фрейд. „Фетишизм" (1928). 7 Эти эксперименты выполнила Д-р Хартунг в детской клинике в Дрездене. 8 Ф. Бем. „Введение в психологию гомосексуальности" (1925); М. Клейн „Ранняя стадия Эдипова конфликта" (1928); „Важность формирования символа в развитии Эго" (1930): „Отражение инфантильных тревожных ситуаций в произведениях искусства и творчестве" (1929). 113

9 Бергман. „Дух матери и сознание". 10 3. Фрейд. „Инфантильная генитальная организация либидо" (1923). п 3. Фрейд. „Женская сексуальность" (1930). 12 Цитированная выше работа М. Клейн, которой, как я думаю, было уделено недостаточно внимания. 13 Это не равняется пассивности. 14 В другой статье я остановлюсь на ситуации девочки подробнее. 15 Здесь я ссылаюсь на свою статью „Недоверие между полами". (1930). 16 Ф. Бем. „Комплекс феминности у мужчин" (1930). 17 З.Фрейд. „Женская сексуальность" (1930). 18 3. Фрейд. „Инфантильная генитальная организация либидо" (1923). 19 3. Фрейд. „Психология любви". 20 Это не умаляет важности других влекущих мужчину к проституткам сил, описанных Фрейдом в „Психологии любви" и Бемом в его „Введении в психологию гомосексуальности".

ОТРИЦАНИЕ ВАГИНЫ Размышления по поводу проблемы генитальной тревоги, специфичной для женщин Intern. Zeitshg.f . Psychoanal., XIX (1933) Фундаментальное заключение, к которому привели Фрейда исследования специфики характера женского развития, состоит в следующем: во-первых, у маленьких девочек и мальчиков ход раннего развития инстинктов одинаков, как в отношении эрогенных зон (для обоих полов только пенис играет роль, влагалище остается неоткрытым), так и в отношении выбора первого объекта (для обоих полов мать — первый объект любви). Во-вторых, существует громадная разница между полами, обусловленная тем, что подобию либидонозных тенденций, тем не менее, не соответствует подобие анатомическое и биологическое. Из этой посылки следует логически и неизбежно, что при фаллической ориентации либидо у обоих полов девочки должны чувствовать себя неадекватно устроенными и не могут не завидовать мальчикам, лучше одаренным в этом отношении. Таким образом, в конфликты с матерью, в которых девочки участвуют наравне с мальчиками, у них добавляется один специфически жестокий компонент — они возлагают на мать вину за отсутствие у них пениса. Это вызывает дистанцирование девочки от матери и обращение ее чувств к отцу. Таким образом, Фрейд выбрал удачное название для обозначения периода расцвета детской сексуальности, характеризующегося инфантильным приоритетом генитальной ориентации как у девочек, так и у мальчиков. Он назвал его фаллической фазой. Я могу себе представить, как некий ученый муж, незнакомый с психоанализом, взявшись было за эту статью, откладывает ее в сторону, как еще одну глупость, в которой аналитики хотят уверить весь мир. Только тот, кто действительно принимает теорию Фрейда, может оценить важность именно этого тезиса для понимания женской психологии в целом. Его полное значение выясняется в свете одного из наиболее грандиозных достижений 115

Фрейда, одного из тех открытий, которые, как мы вправе ожидать, будут получать постоянное подтверждение. Я говорю о решающем значении для всей последующей жизни человека впечатлений, переживаний и конфликтов раннего детства. Из признания этого положения во всей его полноте, то есть, из признания того, что ранний опыт определяет способность человека воспринимать весь свой дальнейший жизненный опыт и

позволяет прогнозировать то, как именно он будет его использовать, вытекают (по крайней мере потенциально) весьма специфичные для психической жизни женщины последствия. Я попытаюсь сформулировать их по пунктам:

1. С началом каждой новой фазы функционирования организма (менструация, половая жизнь, беременность, кормление, менопауза), каждая женщина — даже вполне нормальная, как подразумевает и Хелен Дейч 1, должна всегда вначале преодолеть импульсы маскулинной тенденции, прежде чем она всем сердцем признает и примет то, что происходит с ее телом.

2. Даже нормальная женщина, независимо от национальности, социальных условий и личных обстоятельств, должна, исходя из этих положений, в общем, с большей готовностью, чем мужчина, реагировать на обращения своего либидо к особям одного с ней пола. Другими словами, гомосексуальность должна быть несравненно и несомненно более распространена среди женщин, чем среди мужчин. Сталкиваясь с трудностями в отношениях с противоположным полом, женщина должна с большей готовностью, чем мужчина, занимать гомосексуальную позицию. Ибо, согласно Фрейду, не только в самые важные годы ее детства доминирует такая привязанность к особе собственного пола, но даже когда она сосредотачивает свое внимание на мужчине (отце), это происходит только путем отрицания. „Так как я не могу иметь пенис, я хочу вместо этого ребенка и „для этой цели" обращаюсь к отцу. Так как я зла на мать, по милости которой я анатомически второсортна, я отворачиваюсь от нее и поворачиваюсь к отцу". Именно потому, что мы убеждены в формирующем влиянии первых лет жизни, мы увидели бы противоречие теории в отсутствии некоторого оттенка вынужденности выбора или подмены действительно желаемого объекта, проявляющегося в отношении женщины к мужчине на протяжении всей ее жизни 2.

3. Даже у нормальной женщины тот же характер чего-то далекого от инстинкта, вторичного или как бы взятого взамен, должен быть органически присущ желанию материнства, или, по крайней мере, должен легко проявляться. Фрейд, несомненно, не понимал силу желания женщины 116

иметь ребенка. С его точки зрения оно, с одной стороны, представляет основное наследство сильнейшего инстинктивного объектного отношения маленькой девочки (отношения к матери), выраженное в форме перестановки первоначальных отношений ребенок-мать. С другой стороны, это также основное наследство раннего элементарного желания иметь пенис. Специфика точки зрения Фрейда скорее в том, что он рассматривает желание материнства не как врожденное, а как психологически сводимое к онтогенетическим элементам и черпающее свою энергию из гомосексуальных или фаллических инстинктивных желаний.

4. Если мы принимаем вторую аксиому психоанализа, а именно, что позиция человека по отношению к сексу — прототип его позиции по отношению к жизни вообще, из этого следует, что отношение к жизни у женщин должно базироваться на сильной тайной обиде. Ибо, согласно Фрейду, зависть маленькой девочки к пенису соответствует чувству своего радикально невыгодного положения по отношению к удовлетворению своих самых важных жизненных потребностей и инстинктивных желаний. Перед нами типичная основа для тотального негодования. Абсолютно верно, что такая установка не является неизбежной; и Фрейд особо подчеркивает, что когда развитие проходит в благоприятных условиях, девочка находит свой путь к мужчине и материнству. И здесь можно было бы увидеть противоречие всей нашей аналитической теории и реальности, если бы в одинаковых условиях установка на обиду, так рано и так глубоко усвоенная женщинами, не проявлялась бы у них чрезвычайно ярко, гораздо ярче, чем у мужчин, и не составляла бы основу скрытой горечи, снижающей жизненный тонус женщины. Такие важные заключения о женской психологии в целом вытекают из концепции Фрейда о ранней

женской сексуальности. Когда мы их рассматриваем, возникает чувство, что надо еще не раз проверить и практически, и теоретически как факты, на которых они основываются, так и истолкование этих фактов. Мне кажется, что один только аналитический опыт, который Фрейд положил в основу своей теории, не позволяет нам судить об обоснованности некоторых его фундаментальных идей. Я думаю, что окончательный приговор им может быть отложен до тех пор, пока в нашем распоряжении не будут результаты систематических наблюдений над нормальными детьми, произведенных в широком масштабе специалистами в области анализа. Я имею в виду, в частности, утверждение Фрейда: „Широко известно, что совершенно определенная дифференциация мужского и женского характеров впервые устанавливается после пуберта-117

та". Некоторые мои собственные наблюдения не подтверждают этого. Напротив, я всегда бывала поражена, как отчетливо у девочек между вторым и пятым годом жизни проявляются специфически женские черты характера. Например, они часто ведут себя с мужчинами с определенно непроизвольным женским кокетством или проявляют характерные черты материнской озабоченности. Поэтому с самого начала мне было трудно примирить эти впечатления со взглядом Фрейда, что первоначальная тенденция сексуального развития девочки — сугубо маскулинная. Можно предположить, что Фрейд ограничивал свой тезис о первоначальном подобии либидонозных тенденций у обоих полов сферой секса. Но тогда мы приходим в конфликт с максимой, гласящей, что сексуальность человека является образцом его поведения вообще. Чтобы подтвердить или опровергнуть эту идею, мы должны произвести множество точных наблюдений, касающихся различий между поведением нормальных мальчиков и девочек в первые пять-шесть лет их жизни. Справедливо, что в эти годы девочки, которых не запугивали, очень часто высказываются достаточно специфическим образом, что позволяет интерпретировать их слова как раннюю зависть к пенису; они задают соответствующие вопросы, они делают сравнения не в свою пользу, они говорят, что им тоже хотелось бы его иметь, они выражают восхищение пенисом или успокаивают себя тем, что у них он еще вырастет. Допустим, что такие проявления имеют место очень часто или даже как правило. Тем не менее, остается открытым вопрос, какое место мы должны им отвести в наших теоретических построениях. В соответствии со своей концепцией, Фрейд использует эти проявления для демонстрации того, как сильно желание обладать собственным пенисом влияет на инстинктивную жизнь уже у такой маленькой девочки. Против такого взгляда я хотела бы выдвинуть следующие доводы, которые также попытаюсь сформулировать по пунктам:

1. У мальчиков этого возраста мы встречаемся с аналогичными проявлениями в форме желания иметь грудь или родить ребенка.

2. Эти проявления не оказывают никакого влияния на поведение ребенка в целом у обоих полов. Мальчик, страстно желающий иметь грудь, как у матери, может в то же самое время вести себя во всем с совершенно мальчишеской агрессивностью. Девочка, бросающая восхищенные и завистливые взгляды на гениталии брата, может вместе с тем демонстрировать все признаки настоящей маленькой женщины. Таким образом, мне кажется, вопрос о том, полагать ли подобные проявления в таком ран-118

нем возрасте выражением элементарных инстинктивных требований, или отнести их к другой категории, остается открытым.

3. Эта, третья возможная категория напрашивается, если мы примем предположение, что любой человек предрасположен к бисексуальности. Важность этого предположения для нашего понимания механизма психической деятельности всегда подчеркивалась самим Фрейдом. Мы можем предположить, что хотя при рождении человека его пол уже фиксирован физически, в результате исходной бисексуальной предрасположенности,

которая, несмотря на подавление в процессе развития, всегда присутствует в нем, психологическая позиция ребенка по отношению к собственной половой роли сначала может характеризоваться как неуверенная и экспериментирующая. У ребенка как бы нет убежденности в своей половой принадлежности и, следовательно, он наивно высказывает бисексуальные желания. Мы можем пойти дальше и предположить, что эта неуверенность исчезает только пропорционально растущему чувству объектной любви. Чтобы пояснить сказанное, я могу указать на заметную разницу, между диффузными проявлениями бисексуальности в раннем детстве, имеющей игровой, мимолетный характер, и ее проявлениями в так называемый латентный период. Если в этом периоде девочка желает быть мальчиком (кстати, было бы целесообразно исследовать, как часто у девочек встречается это желание, и какими социальными факторами оно обусловлено), то способ, которым это желание определяет ее поведение в целом (предпочтение мальчишеских игр или образа действия, отказ от женских черт), показывает, что такое желание исходит совсем из другого уровня ее сознания. Картина латентного периода, столь отличная от картины раннего детства, уже представляет собой исход ментальных конфликтов 3, через которые прошла девочка, и не может, следовательно, если не прибегать к особым теоретическим ухищрениям, быть объявлена проявлением мас-кулинных желаний, заложенных биологически. Другая посылка, на которой Фрейд строит свою концепцию, относится к эрогенным зонам. Фрейд предполагает, что ранние генитальные ощущения и манипуляции девочки сосредоточены исключительно на клиторе. Он считает весьма сомнительной любую раннюю вагинальную мастурбацию и даже утверждает, что существование влагалища остается совершенно „необнаруженным". Чтобы решить этот очень важный вопрос, мы должны еще раз потребовать обширных и точных наблюдений над нормальными детьми. Джозин Мюллер 4 и я сама уже в 1925 году выража-119

ли сомнение по этому поводу. Более того, большая часть сведений, которые мы по этому поводу получили от интересующихся психологией гинекологов и педиатров, заставляет предположить, что в раннем детстве вагинальная мастурбация по крайней мере так же обычна, как и клиторальная. Данные, на которых основано это предположение, таковы: достаточно частые наблюдения признаков раздражения влагалища, таких, как покраснение слизистой и выделения из него, относительно нередкое обнаружение во влагалище инородных тел, и, наконец, весьма распространенные жалобы матерей, что их дочки засовывают палец во влагалище. Известный гинеколог Вильгельм Липман на основе своего опыта утверждал 5, что в раннем детстве и даже в самые первые годы жизни, вагинальная мастурбация даже гораздо более обычна, чем клиторальная, и что только в более позднем детстве соотношение меняется в пользу клиторальной. Это общее впечатление не может заменить систематических наблюдений и, следовательно, не может привести к окончательному выводу. Но оно убедительно показывает, что исключения, которые признавал и сам Фрейд, по-видимому, не такое уж редкое явление. Наиболее естественно — попытаться пролить свет на этот вопрос путем психоанализа, хотя это и нелегкая задача. Даже в самом лучшем случае материал, поставляемый сознательной памятью пациентки, или воспоминания, всплывающие в процессе анализа, не могут трактоваться как абсолютные свидетельства, потому что здесь, как и везде, мы должны принимать во внимание механизм вытеснения. Другими словами, у пациентки могут быть веские причины не помнить вагинальных ощущений или мастурбации. Верно и обратно: точно также мы должны с долей скепсиса относиться к тому, что ей было незнакомы кли-торальные ощущения 6. Другое осложнение состоит в том, что к психоаналитику приходят как раз те женщины, от которых трудно ожидать даже обычной естественности в отношении к вагинальным процессам. Это почти всегда женщины с нарушенным, отклоняющимся от нормы ходом развития, женщины, чья вагинальная чувствительность пострадала в большей или меньшей степени. В то же время, даже единичные или случайные различия получаемого психоаналитиком материала, могут иметь существенное

значение. Я обращусь здесь к собственному опыту. Примерно в двух третях клинических случаев выявлялось следующее:

1. Выраженный вагинальный оргазм, достигаемый мануальной вагинальной мастурбацией, перед любым половым актом и одновременно — фригидность в форме вагинизма и недостаточ-120

ной секреции при коитусе (таких случаев было только два, но ошибиться было невозможно); я думаю, что в общем, при мануальной генитальной мастурбации предпочтение оказывается клитору или половым губам;

2. Спонтанные вагинальные ощущения, по большей части сопровождающиеся заметной секрецией, возникают в ситуации неосознаваемого стимулирования, например, при слушании музыки, езде в автомобиле, качании, расчесывании волос и в определенных ситуациях переноса; никакой мануальной вагинальной мастурбации; фригидность при коитусе.

3. Спонтанные вагинальные ощущения при экстрагениталь-ной мастурбации, то есть при определенных движениях тела, при тесной шнуровке или при особых садомазохистских фантазиях; отсутствие половых сношений из-за стабильно доминирующего страха, возникающего при любом прикосновении ко влагалищу — будь то мужчина при совершении полового акта, гинеколог при осмотре или сама женщина при мастурбации или медицинской гигиенической процедуре. На данный момент мои впечатления можно суммировать следующим образом: при мануальной генитальной мастурбации клитор избирается чаще, чем влагалище, но спонтанные генитальные ощущения, являющиеся результатом общего полового возбуждения, более часто локализуются во влагалище. Я думаю, что с теоретической точки зрения следует придавать большую важность этому относительно часто встречающемуся спонтанному вагинальному возбуждению, возникающему даже у пациенток, совершенно неосведомленных относительно существования влагалища или имеющих слабое представление о нем, так как последующий психоанализ не выявляет у них воспоминаний или свидетельств о каких-либо попытках вагина-льного совращения или мастурбации. Подобный феномен, естественно, наводит на вопрос: не выражается ли с самого начала половое возбуждение в заметных вагинальных ощущениях? Для ответа на этот вопрос мы должны были бы располагать куда более обширным материалом, чем может добыть из своих наблюдений отдельный психоаналитик. Тем не менее, в пользу моей точки зрения говорят определенные факты. В первую очередь — это фантазии об изнасиловании, предшествующие не только началу половой жизни, но начинающиеся задолго до пубертата, и достаточно распространенные, чтобы не заслуживать пристального интереса. Я не вижу возможности объяснить их происхождение и содержание чем бы то ни было Другим, если мы не признаем существование вагинальной сексу-121

альности. Ибо эти фантазии фактически никогда не останавливаются на какой-то неопределенной идее акта насилия, от которого потом бывают дети. Напротив, фантазии, сновидения и тревога этого типа обычно выдают достаточно безошибочное инстинктивное знание о реалиях полового акта. Маски, под которыми скрывается коитус, так многочисленны, что я укажу только некоторые: преступники, врывающиеся в окно или в дверь, мужчины с пистолетами, угрожающие застрелить; животные и насекомые, проползающие, влетающие или вбегающие внутрь чего-либо (то есть змеи, мыши, моль), животные или женщины, в которых вонзают нож; поезда, въезжающие в станционное здание или туннель. Я говорю об „инстинктивном" знании о половом процессе, потому что мы встречаемся с типичными идеями такого сорта в страхах и сновидениях даже раннего детства, в период, когда еще не может быть рассудочных знаний, почерпнутых из наблюдений или объяснений других людей. Возникает вопрос — не предполагает ли с

необходимостью такое инстинктивное знание о процессе проникновения чего-то в женское тело наличия другого инстинктивного знания — о существовании влагалища как рецептивного органа? Я думаю, что ответ должен быть утвердительным, особенно, если мы разделяем взгляды Фрейда, что „сексуальные теории ребенка основываются на его собственном половом устройстве". Ибо такое утверждение может значить только одно, что путь, ведущий ребенка к построению сексуальных теорий, обозначен и определен спонтанно переживаемыми импульсами и ощущениями, возникающими в половых органах. Приняв такое происхождение сексуальных теорий, уже включающее попытку рациональной переработки, мы должны тем более принять его в тех случаях, когда инстинктивное знание находит символическое выражение в играх, сновидениях, различных формах тревоги, то есть, когда это знание в очевидной форме не достигает сферы рассуждений и доводов, которые имеют место в первом случае. Другими словами, мы должны принять, что характерный для пубертата страх изнасилования и инфантильные страхи маленьких девочек базируются на вагинальных ощущениях (или инстинктивных имульсах, идущих от них), подразумевающих проникновение в эту часть тела. Я думаю, что теперь мы должны остановиться на возможном возражении, а именно, что многие сновидения указывают на идею, что отверстие создается, когда пенис впервые жестоко вторгается в тело. Такие фантазии не возникли бы, если бы не существовал инстинкт, их порождающий, и не были реальными ощущения от органов, стоящие за этим инстинктом пассивного 122

восприятия. Сами образы, встречающиеся в сновидениях такого типа, четко указывают на источник этой идеи. Обычно, когда у субъекта проявляется общая тревога о травматических последствиях мастурбации, то она нередко сопровождается сновидениями следующего типичного содержания: сновидица штопает что-то и тут же появляются новые дыры, за которые ей стыдно; она переходит реку или ущелье по мосту, мост разламывается посередине; она идет по скользкому склону, поскальзывается, и ей грозит опасность упасть в пропасть. По таким сновидениям мы можем предположить, что когда эти женщины были детьми и баловались онанизмом, вагинальные ощущения привели их к обнаружению влагалища, и их тревога приняла именно эту форму: страх, что они сделали дырку там, где ее быть не должно. Я хотела бы подчеркнуть здесь, что никогда не была полностью удовлетворена объяснением Фрейда, почему девочки подавляют непосредственно генитальную мастурбацию легче и чаще, чем мальчики. Как нам известно, Фрейд полагает7, что (клитораль-ная) мастурбация вызывает отвращение у маленьких девочек потому, что сравнение клитора с пенисом наносит удар их нарциссизму. Если мы согласимся, что в онанистических импульсах проявляется сила влечения, то нарциссизм не кажется достаточно адекватным по весу, чтобы осуществить их подавление. А вот страх девочки, что она причиняет себе непоправимый вред в области влагалища, может быть достаточно сильным, чтобы она прекратила вагинальную мастурбацию и ограничилась клитором, или даже навсегда отказалась от всякой мануальной мастурбации в области гениталий. Я думаю, что еще одно свидетельство существования этого раннего страха перед вагиналь-ной травмой содержится и в некоторых последующих завистливых сравнениях женщин. Мы часто слышим от пациенток высказывания типа, что „мужчины так славно закрыты" между ног. Таким образом, другая глубочайшая тревога женщины, связанная со страхом, что мастурбация сделала ее неспособной иметь детей, тоже явно относится к чему-то, что находится внутри тела, а не клитору. Есть еще одно свидетельство в пользу существования и большого значения раннего вагинального возбуждения. Мы знаем, что зрелище полового акта производит страшно возбуждающее действие на ребенка. Если мы разделяем взгляды Фрейда, то мы должны принять, что подобное возбуждение продуцирует у девочки в целом те же самые фаллические импульсы проникновения, какие возникают у мальчиков.

Но тогда мы должны спросить, откуда идет тревога, с которой мы сталкиваемся при анализе почти каждой пациентки — страх гигантского пениса, ко-123

торый может ее проткнуть? Эта идея о ненормально огромном пенисе, конечно же не может возникнуть ни в каком другом возрасте, кроме как в раннем детстве, когда пенис отца должен казаться ужасно большим и пугающим. И, далее, откуда идет понимание женской сексуальной роли, проявляющееся в уже упомянутом символе сексуальной тревоги, в которой снова звучит это ранее испытанное возбуждение? И чему можем мы приписать безграничную ревнивую ярость по отношению к матери, проявляющуюся при анализе женщин, когда у них аффективно оживает „первичная сцена"? Каким образом у девочки могла бы сформироваться ревность к матери, если бы она разделяла возбуждение отца? Позвольте мне суммировать вышеприведенные данные. Что мы чаще всего имеем: сообщение о мощном вагинальном оргазме, соседствующим со фригидностью в следующим за ним коитусе; спонтанное вагинальное возбуждение без локальных стимулов, но фригидность при половых сношениях; размышления и вопросы, возникающие из необходимости понять полное содержание ранних сексуальных игр, сновидений и тревог и более поздних фантазий об изнасиловании (впрочем, как и реакций на ранние сексуальные наблюдения); и, наконец, определенное психическое содержание и последствия в виде тревоги, обусловленные у женщин мастурбацией. Собрав все эти данные вместе, я могу выдвинуть только одну гипотезу, дающую удовлетворительный ответ на все эти вопросы, а именно гипотезу о том, что с самого начала влагалище имеет и играет свою собственную сексуальную роль. С таким ходом рассуждений тесно связана проблема фригидности. По-моему, эта проблема состоит не в том, каким образом либидонюзная чувствительность переносится на влагалище 8, а, скорее, в том: почему, несмотря на то, что влагалище уже обладает чувствительностью, оно или отказывается реагировать, или реагирует в непропорционально малой степени на очень сильное либидонозное возбуждение, создаваемое всевозможными эмоциональными и локальными стимулами при коитусе? Несомненно, существует только один фактор, пересиливающий желание наслаждения, и этот фактор — тревога. Здесь мы сталкиваемся с вопросом, что именно означает ва-гинальная тревога, или, скорее, обусловливающие ее инфантильные факторы. Анализ раскрывает прежде всего кастрацион-ные импульсы, направленные против мужчин и ассоциирующуюся с ними тревогу, имеющую двоякий источник: с одной стороны, женщина страшится своих собственных враждебных импульсов, и с другой стороны — возмездия, которое ждет ее по 124

закону талиона, а именно, что органы ее тела будут разрушены, похищены или высосаны. Сами по себе эти импульсы, как мы знаем, по большей части не недавнего происхождения, а могу быть прослежены до инфантильной ярости и мстительных побуждений по отношению к отцу, вызванных разочарованиями и фрустрациями, через которые прошла маленькая девочка. Весьма похожие по содержанию формы тревоги, описанные Мелани Клейн, могут быть прослежены вплоть до самых ранних деструктивных импульсов, направленных против тела матери. И снова возникает тот же вопрос страха возмездия, который может принимать многообразные формы, но суть его остается, в общем, одной и той же: все, что проникает в тело или уже находится там (еда, испражнения, ребенок) несет в себе опасность. Хотя эти формы тревоги пока что во многом аналогичны генитальной тревоге мальчиков, они принимают особый характер под влиянием общей склонности к тревоге, которая является частью биологической природы девочек. В этой и предыдущих статьях я уже указывала на эти источники тревоги и здесь я хочу только завершить и подвести итог сказанному ранее:

1. Тревога исходит прежде всего от пугающей разницы между размерами родителя и ребенка, между гениталиями отца и маленькой девочки. Нам не обязательно знать,

решается ли вопрос о диспропорции размеров пениса и вагины из непосредственных наблюдений, или эта диспропорция оценивается инстинктивно. Совершенно понятный и реально неизбежный результат — то, что фантазия об удовлетворении напряжения, обусловленная вагинальными ощущениями (то есть страстным желанием принять внутрь себя, получить), дает почву тревоге со стороны Эго. Как я показала в статье „Страх перед женщиной", я уверена, что в этой биологически детерминированной форме женской тревоги мы имеем нечто специфически отличное от первоначальной генитальной тревоги мальчиков по отношению к матери. Когда мальчик фантазирует об удовлетворении генитальных импульсов, он сталкивается с фактом, очень болезненным, но только для его самооценки („мой пенис слишком мал для моей матери"), девочка же стоит перед разрушением части ее тела. Следовательно, в соответствии с их биологическими основами, страх мужчины перед женщиной — генитально-нар-циссический, в то время, как женский страх перед мужчиной — физический.
2. Второй специфический источник тревоги, универсаль-125

ность и значение которого подчеркивается Дали 9,— это наблюдения девочкой менструаций у взрослых женщин. Помимо того, что у девочки могут возникнуть побочные интерпретации о кастрации, она наглядно в первый раз получает подтверждение уязвимости женского тела. Подобным образом, ее тревогу заметно усиливает наблюдение выкидышей или родов матери. Так как в сознании детей и (позднее — когда включается в работу вытеснение) в подсознании взрослых существует тесная связь между половым актом и родами, тревога может принимать форму страха не только перед родами, но и перед коитусом.
3. Наконец, третий специфический источник тревоги — это страх девочки (и снова вследствие анатомической структуры ее тела) перед последствиями своих ранних попыток вагинальной мастурбации. Я думаю, что последствия этого страха могут быть более длительными у девочек, чем у мальчиков, и вот почему: девочка не может реально проверить, какое влияние оказала мастурбация. Мальчик, чувствуя тревогу в отношении своих гениталий, всегда может убедиться, что они на месте и в порядке 10. Девочка не имеет возможности доказать себе, что ее тревога на самом деле безосновательна, напротив, ее ранние попытки вагинальной мастурбации убеждают ее еще раз в факте собственной огромной физической уязвимости 11.Я обнаруживала при анализе, что для маленьких девочек, пытающихся мастурбировать или участвующих в сексуальных играх с другими детьми, причинение себе боли или нанесение небольших ранений, обуславливаемых микроскопическими надрывами гимена 12, отнюдь не является чем-то необычным. Когда общее развитие протекает благоприятно — то есть, когда объектные отношения детства не стали благодатной почвой для конфликтов — с этой тревогой удается успешно справиться, и тогда для женщины открыт путь для принятия своей женской роли. В других случаях неблагоприятное влияние тревоги у девочек оказывается более стойким, чем у мальчиков. Я думаю, на это указывает тот факт, что девочки гораздо чаще, чем мальчики, прекращают прямую генитальную мастурбацию полностью или, по крайней мере, ограничивают ее клитором, более доступным и менее канализирующим тревогу. Нередко все, что связано с влагалищем — знание о его существовании, вагинальные ощущения, инстинктивные побуждения — побеждается неослабевающим вытеснением; иными словами, в сознании девочки утверждается и долго держится иллюзия, что влагалище не существует. И эта иллюзия в ряде случаев определяет предпочтение мужской сексуальной роли. 126

Все эти рассуждения, как мне кажется, говорят в пользу гипотезы, что за „провалом попытки обнаружить" существование влагалища стоит отрицание его существования. Остается решить вопрос о том, какую важность имеет существование ранних вагинальных

ощущений или „обнаружение" влагалища для общей концепции ранней женской сексуальности. Хотя Фрейд и не утверждает этого определенно, тем не менее, исходя из его построений, достаточно ясно, что если влагалище первоначально остается „неоткрытым", это один из сильнейших аргументов в пользу предположения о биологической детерминированности первичности зависти к пенису у маленьких девочек или их первоначальной фаллической организации. Ибо, если не существует ни вагинальных ощущений, ни желаний, а все либидо сосредоточено на клиторе, принимаемом за фаллос, тогда и только тогда мы можем безоговорочно согласи-тя, что маленькие девочки, за недостатком собственного источника специфического удовольствия или удовлетворения любого специфически женского желания, должны обратиться к концентрации всего своего внимания на клиторе, затем к сравнению клитора с пенисом у мальчиков, и затем, так как они фактически проигрывают при этом сравнении, почувствовать себя определенно достойными сожаления 13. Если, с другой стороны, как я предполагаю, маленькая девочка имеет опыт вагинальных ощущений и переживает соответствующие импульсы, она должна с самого начала иметь живое понимание специфического характера собственной сексуальной роли и, таким образом, первичная зависть к пенису с силой, постулированной Фрейдом, вряд ли может полностью объяснить это понимание. В этой статье я показала, как из гипотезы о первичной фаллической сексуальности вытекают следствия, важные для теории женской сексуальности в целом. Если мы принимаем, что существует специфически феминная первичная вагинальная сексуальность, то тем самым предыдущая гипотеза, если не полностью исключается, то по крайней мере так резко ограничивается, что вышеупомянутые следствия становятся весьма проблематичными. 1 Х. Дейч. „Психоанализ женских половых функций". 2 В следующей работе я надеюсь обсудить вопрос ранних объектных отношений, рассматриваемых на основе фаллической установки маленькой девочки. 3 К. Хорни. „О происхождении комплекса кастрации у женщин". 127

4 Джозин Мюллер. „Проблема развития либидо в генитальной фазе у девочек" Int. J. Psycho-Anal., Vol. XIII (1932). 5 В частной беседе. 6 Во время дискуссии, последовавшей за моим докладом о фаллической фазе, прочитанным в 1931 году перед Германским Психоаналитическим Обществом, Бем сообщил о некоторых случаях, когда пациентки вспоминали только вагиналь-ные ощущения и вагинальную мастурбацию, а существование клитора было им неизвестно. 7 3. Фрейд. „Некоторые психологические последствия анатомической разницы полов" (1927). 8 В ответ на предположение Фрейда, что либидо может „прилипнуть" так крепко к клиторальной зоне, что становится трудно или невозможно переместить чувствительность во влагалище, я рискну противопоставить Фрейду самого Фрейда, потому что именно сам Фрейд убедительно показал, с какой готовностью мы переключаемся на любую новую возможность извлечь удовольствие, и как могут быть эротизированы процессы, далекие от сексуального содержания — движения тела, речь или мысль, и что то же самое верно даже для мучительных переживаний, таких как боль или тревога. Имеем ли мы право предполагать в таком случае, что при половом акте, предоставляющем самые широкие возможности для получения удовольствия, женщина откажется от их достижения! Так как я думаю, что эта проблема реально не возникает, я не могу последовать за предположениями Х. Дейч и М. Клейн о переносе либидо с оральной в генитальную зону. Не может быть сомнения, что во многих случаях существует тесная связь между этими зонами. Единственный вопрос — должны ли мы считать, что либидо „переносится", или попросту в случаях, когда оральная установка возникла рано и продолжает существовать, она неизбежно должна проявляться также и в генитальной сфере. 9 К.Д.Дали. „Комплекс менструации" (1928). 10 Это реальное обстоятельство должно более всего приниматься в расчет, так же как и сила бессознательных источников тревоги. Например, мужская тревога о кастрации может усилиться в результате фимоза. 11 Небезынтересно вспомнить, что гинеколог Вильгельм

Липман (не разделяющий взглядов психоаналитиков) в своей книге „Психология женщины" говорит, что „уязвимость" женщины — одна из специфических черт ее пола. 12 Подобные переживания часто выплывают на свет при анализе, во-первых, в форме воспоминаний о травмах в районе гениталий, испытанных в более позднем периоде жизни, возможно при падении. На эти воспоминания пациентки реагируют с ужасом и стыдом, несоразмерным с причиной. Во-вторых, это может быть переполняющий пациентку страх перед подобным ранением. 13 Хелен Дейч пришла к выводу о таком базисе зависти к пенису в процессе логических рассуждений. См. Х. Дейч „Значение мазохизма в сознании женщины" Int. J. Psycho-Anal., Vol. XI (1930).

ПСИХОГЕННЫЕ ФАКТОРЫ ФУНКЦИОНАЛЬНЫХ ЖЕНСКИХ РАССТРОЙСТВ

Прочитано на заседании Чикагского общества гинекологов 18 ноября 1932 года В последние 30—40 лет в гинекологической литературе ведутся споры о влиянии психических факторов на специфически женские заболевания. Спектр мнений самый широкий. С одной стороны, существует тенденция отводить этим факторам второстепенное значение — чтобы подчеркнуть, например, что, конечно, существуют, мол, эмоциональные факторы, но рассматривать их следует в зависимости от конституции, эндокринных желез и прочей физиологии. С другой стороны, мы видим тенденцию приписывать психогенным факторам огромное значение. Сторонники этой точки зрения склонны видеть в них главные причины не только более или менее очевидных функциональных расстройств, таких как ложная беременность, вагинизм, фригидность, нарушения менструального цикла и т. д., но также заявляют о возможном психогенном влиянии при таких формах патологии, как преждевременные роды и перенашивание, при эндометриозе, бесплодии и некоторых других заболеваниях. Сомнений в том, что физические изменения могут быть вызваны психическими стимулами, нет с тех пор, как это было обосновано в экспериментах Павлова. Мы знаем, что психогенная стимуляция аппетита вызывает секрецию в желудке, что сердечный ритм и перистальтика кишечника могут быть ускорены под влиянием страха, что определенные вазомоторные изменения, например покраснение, могут быть выражением стыда. Мы располагаем также довольно точной картиной того, по каким путям эти стимулы следуют из центральной нервной системы на периферию, к органам. И все же мне кажется, что мы делаем слишком резкий скачок, когда от такой довольно простой схемы связи психического стимула с физическим изменением, переходим к вопросу, не воз-
никает ли дисменорея вследствие психических конфликтов. Я думаю, что фундаментальное отличие одной схемы или связи фактов от другой лежит не столько в самом процессе возникновения дисменореи, сколько в методологическом подходе к изучению этого процесса. Можно создать экспериментальную ситуацию, в которой мы будем стимулировать аппетит у человека, имея возможность измерить секрецию желез его желудка. При этом можно точно замерить изменение секреции, происходящее при реакции испуга, но нельзя создать экспериментальную ситуацию, вызывающую дисменорею. Эмоциональные процессы, отвечающие за дисменорею, слишком сложны, чтобы их можно было однозначно воспроизвести в экспериментальной ситуации; и даже если мы сможем в ходе эксперимента поставить испытуемую в некие очень сложные эмоциональные условия, нельзя ожидать никаких конкретных результатов, потому что дисменорея никогда не является результатом только одного эмоционального конфликта, а всегда предполагает ряд эмоциональных предпосылок, заложенных в основу заболевания в различное время. По этой причине экспериментальное изучение подобных проблем оказывается невозможным. Метод, который может раскрыть для нас связь между определенными эмоциональными воздействиями и симптомом, например, дисменореей,

должен быть, и это очевидно, основан на работе с предысторией случая. Такой метод поможет нам понять особую эмоциональную структуру личности пациентки и корреляцию ее эмоций и симптомов через индивидуальную специфику истории ее жизни. Я знаю только одну психологическую школу, которая предлагает такое глубинное проникновение в личность пациента с достаточно высокой степенью научной точности — это психоанализ. В процессе анализа мы получаем такую картину происхождения, содержания и динамической напряженности воздействия психических факторов, которая на самом деле существует в реальной жизни. И это знание необходимо, если мы действительно хотим с научной точки зрения подойти к вопросу о том, вызываются ли функциональные расстройства эмоциональными факторами или нет? Я не буду здесь входить в детали метода, а только в очень сжатой форме представлю некоторые эмоциональные факторы, которые исходя из своего опыта психоаналитика, я считаю существенными для понимания функциональных женских расстройств. Я начну с факта, привлекшего мое внимание своим настойчивым повторением. Мои пациентки обращались к анализу по самым разным психологическим причинам: тревога по всевоз-130

можным поводам, невроз навязчивости, депрессия, затруднения в работе и при контактах с людьми, трудный характер и т. д. Во всех случаях невроза психосексуальная жизнь пациенток была нарушена. Отношения с мужчинами, детьми или с теми, и с другими были тем или иным образом серьезно затруднены. Что меня поразило: при всем разнообразии картины неврозов не было ни одного, протекавшего без функциональных расстройств в половой сфере, будь то фригидность различной степени, вагинизм, всевозможные нарушения менструального цикла, нимфомания, боли, выделения из влагалища, которые не имели никаких органических предпосылок и исчезали после раскрытия определенных бессознательных конфликтов; различные ипохондрические страхи, такие, как канцерофобия или страх собственной ненормальности; нарушения при беременности и родах, которые явным образом указывали на их психогенное происхождение. Вот три возникающих вопроса:

1. Закономерно ли это удивительное совпадение расстройств психосексуальной жизни и функциональных женских расстройств? Аналитик имеет одно существенное преимущество — он знает ряд случаев досконально, но, в конце концов, даже много практикующий аналитик знает относительно немного случаев. Таким образом, даже если наши результаты будут подтверждены другими наблюдениями, а также этнологическими факторами, на вопрос о распространенности и валидности полученных нами данных должны в будущем дать ответ именно гинекологи 1. Конечно, проведение исследований потребует у них времени и специальной психологической подготовки; но если даже только часть усилий, расходуемых на лабораторную работу, потратить на психологическую подготовку, это несомненно поможет решению проблемы.

2. В предположении, что такое совпадение существует как правило, заложено и другое: не могут ли как психосексуальные, так и функциональные расстройства иметь общую основу и быть конституционально или эндокринно обусловлены? Я не хочу сейчас входить в детали этих очень сложных проблем, я хочу только указать, что, согласно моим наблюдениям, не существует закономерного совпадения функциональных факторов и эмоциональных нарушений. Возьмем, например, фригидных женщин с четкой маскулинной установкой и сильным отвращением к женской роли. Вторичные половые признаки — голос, оволосение, строение скелета у некоторых из таких женщин тяготеют к мужским, но большинство из них безусловно принадлежат к женскому типу. У обеих групп — и маскулинно, и фе-131

минно сложенных женщин — можно обнаружить при анализе конфликты, вызвавшие эмоциональные изменения, но только в первой группе конфликты могут иметь под собой

органическую основу. У меня создалось впечатление, что, пока мы не узнаем больше об органических факторах и их особом влиянии на дальнейшую психологическую установку женщины, было бы некорректно предполагать более жесткую зависимость. С другой стороны, если врачи начнут пренебрегать психическими факторами, это может привести к очень опасным выводам. Например, в самом современном немецком учебнике по гинекологии Голь-бана и Зейтца один из соавторов, Маттес, описывает случай девушки, обратившейся к нему по поводу дисменореи, которой она страдала в течении полутора лет. Сначала она сказала, что простудилась на танцах. Впоследствии врач узнал, что тогда же она начала вести половую жизнь. Пациентка рассказала Маттесу, что тот мужчина сильно возбуждал ее сексуально, но в то же время, как человек, вызывал раздражение. Поскольку эта девушка была, по мнению Маттеса, представительницей типа, названного им „межсексуальным", он посоветовал ей бросить этого мужчину и развил перед ней теорию, что она принадлежит к категории людей, которые никогда не найдут счастья в сексуальных отношениях. Девушка попыталась последовать его совету и у нее было две безболезненных менструации. Тогда она возобновила свою связь, и боли возобновились. Такое врачебное заключение кажется мне несколько радикальным при довольно слабых познаниях и напоминает библейское: „Если око твое соблазняет тебя, вырви его вон". С лечебной точки зрения лучше было бы рассматривать такие конфликты на уровне психики, а не считать, что они возникают как следствие некоего органического фактора, в особенности потому, что мы часто наблюдаем эти конфликты и при отсутствии каких-либо органических изменений.

3. Теперь третий вопрос. Его точная формулировка могла бы быть такой: „Имеется ли специфическая корреляция между определенной ментальной установкой на психосексуальную жизнь и определенными функциональными нарушениями в половой сфере?" Человеческая природа не так проста, а наши знания, к несчастью, не столь глубоки, чтобы мы могли здесь делать ясные и четкие утверждения. Фактически у всех пациенток, с функциональными нарушениями в половой сфере можно найти фундаментальные психосексуальные конфликты. Наличие этих конфликтов подтверждается тем фактом, что фригидностью в той или иной степени страдают все пациентки — по крайней мере в промежуточной стадии; но главную роль в кор-132

реляции с определенными симптомами играют некоторые особые эмоции и факторы. Вместе с фригидностью, как основным расстройством, мы неизбежно обнаруживаем следующую характерную ментальную установку. В первую очередь, фригидная женщина очень амбивалентно относится к мужчинам, неизменно с элементами подозрения, враждебности и страха, хотя эти чувства редко выражаются открыто. Одна пациентка, например, была вообще убеждена, что все мужчины — преступники, подлежащие казни. Это убеждение было естественным следствием ее концепции полового акта, как чего-то кровавого и болезненного. Она считала каждую замужнюю женщину героиней. Обычно этот антагонизм мы находим в замаскированной форме; реальное представление об отношении пациентки к мужчинам можно составить только на основе ее поведения, а не ее слов. Девушка будет искренне говорить вам о своем интересе к мужчинам, о том, как она склонна идеализировать их, и в то же время она будет грубо отшивать всех своих мальчиков, и без всяких видимых причин. Типичный пример: у меня была пациентка X, чьи сексуальные отношения с мужчинами были весьма дружелюбными. Но длились они всегда не больше года. Каждый раз после короткого интервала она чувствовала нарастающее раздражение, пока наконец просто не могла больше выносить очередного мужчину. Тогда она искала и находила предлог, чтобы выгнать его. Фактически же, как показал анализ, ее враждебные импульсы по отношению к мужчинам становились так сильны, что она боялась причинить им вред и стремилась избежать этого. Иногда встречаются пациентки, расписывающие, как они преданы своим мужьям, но более

глубокое исследование обнаруживает все те же мелкие, но очень тревожные знаки враждебности, рассыпанные в повседневной жизни: пренебрежение к мужу, умаление его достоинств, отвращение к его интересам или друзьям, чрезмерные финансовые требования или ведение тихой, но постоянной борьбы за власть. В таких случаях можно не только получить более-менее четкое впечатление, что фригидность — прямое выражение скрытой враждебности, но и очень точно проследить, как фригидность началась (когда на глубокой стадии анализа вскрывается источник внутреннего отвращения к мужчинам), и увидеть, как она прекращается, когда эти конфликты преодолены. В этом лежит одно из выраженных отличий психологии муж-133

чин от психологии женщин. В среднем сексуальность женщины теснее связана с нежностью и чувством привязанности, чем сексуальность мужчины. Средний мужчина не будет импотентен, даже если не чувствует никакой особой нежности к женщине. Напротив, у мужчин очень часто существует специфический разрыв между сексуальностью и любовью, когда (в особо патологических случаях) мужчина может вступить в половой контакт только с женщиной, совершенно ему безразличной, а по отношению к той, которой он действительно увлечен, может не только не испытывать никаких сексуальных желаний, а даже быть с ней полностью импотентным. У большинства женщин мы, наоборот, обнаружим тесную связь между сексуальностью и эмоциональной жизнью в целом, имеющую, повидимому, биологические причины. Таким образом, тайная враждебность женщин будет легче всего выражаться в невозможности отдавать и принимать в сексуальном плане. В некоторых случаях эта оборонительная установка по отношению к мужчине не слишком глубоко укоренена. Мужчина, способный пробудить в женщине нежность, прекрасно может преодолеть ее фригидность. Но в других случаях корни этой установки на враждебную замкнутость очень глубоки и должны быть вначале обнаружены, если мы хотим избавить женщину от нее. В последнем случае мы чаще всего обнаружим, что антагонизм по отношению к мужчине был усвоен в раннем детстве. Чтобы понять далеко идущие последствия раннего жизненного опыта, не нужно углубляться в психоанализ, нужно только уяснить себе два пункта: что дети рождаются сексуальными и что их сексуальные чувства могут быть самыми страстными, возможно — даже более страстными, чем чувства взрослых, стесненных запретами. Мы, возможно, обнаружим в истории болезни этих женщин глубокое разочарование в их ранней любовной жизни: чаще всего в образе отца или брата, к которому они чувствовали нежную привязанность и который их разочаровал; или — в другом случае — брата, в результате появления которого ими пренебрегли; или совершенно иную ситуацию, как, например, в следующем случае. Пациентка соблазнила младшего брата, когда ей было одиннадцать лет. Несколько лет спустя брат умер от гриппа. Эта смерть вызвала у нее сильнейшее чувство вины. Спустя тридцать лет, придя на прием к аналитику, она все еще была уверена, что послужила причиной смерти брата. Она была убеждена, что следствием соблазна стало то, что брат начал мастур-134

бировать и от этого умер. Эта вина заставляла ее ненавидеть свою роль женщины. Она хотела быть мужчиной, довольно демонстративно завидовала мужчинам и одновременно унижала их, когда только могла; ее полные злобы сновидения и фантазии были преимущественно о кастрации; она была абсолютно фригидна. Этот случай отчасти проливает свет и на психогенезис вагинизма. Например, пациентка в связи с вагинизмом не могла быть дефлорирована в течении четырех недель после свадьбы, и дефлорация в конце концов была осуществлена хирургически, несмотря на то, что гимен был обыкновенный, а муж — с нормальной потенцией. Спазм был частично выражением ее сильнейшего отвращения к роли женщины, а частично — защитным механизмом против собственных кастрационных импульсов, направленных на предмет ее зависти, мужчину.

Это отвращение к роли женщины часто оказывает огромное влияние, независимо от того, каким образом оно началось. В одном случае у пациентки был младший брат, которому оказывали предпочтение оба родителя. Зависть к нему отравила пациентке всю жизнь и в особенности ее отношения с мужчинами. Она хотела быть мужчиной и многократно играла эту роль в своих сновидениях и фантазиях. И даже непосредственно во время сношения она иногда совершенно сознательно желала изменения половых ролей. В индивидуальной истории фригидных женщин мы нередко находим и другую конфликтную ситуацию, которая с психодинамической точки зрения еще более важна — конфликт с матерью или старшей сестрой. На сознательном уровне чувства к матери могут быть самыми различными. Иногда в начале лечения такие пациентки признают, в том числе — ив отношении самих себя, только позитивную сторону отношений с матерью. Бывает, что к этому времени они уже пережили открытие, что, несмотря на страстное желание материнской любви, фактически они всегда делали противоположное тому, чего хотела от них мать. В других случаях — налицо явная ненависть. Но даже если они сознают присутствие конфликта, они чаще всего ничего не знают о его сути и влиянии на их психосексуальную жизнь. Характерной чертой может быть, например, то, что мать продолжает представлять для таких женщин именно ту силу, которая налагает запрет на половую жизнь и удовольствие от секса. Этнологи недавно сообщили о некоторых обычаях первобытных народов, свидетельствующих о всеобщем характере этого конфликта: когда умирает отец, дочери остаются в доме покойного, но сыновья покидают дом, потому что боятся, что дух мертвого 135

отца может быть враждебен им и причинить им вред. Когда умирает мать, в доме остаются сыновья, а дом покидают дочери, так как дух матери может их убить. Этот обычай отражает все тот же антагонизм и страх перед возмездием, который обнаруживается нами при анализе фригидных женщин. Человек, незнакомый с процессом психоанализа, может спросить: „Если эти конфликты не осознаются пациентками, как можно утверждать определенно, что они существуют и играют именно эту роль?" Ответ существует, но его достаточно трудно понять человеку, не имеющему опыта психоанализа. В процессе анализа старое раздражение пациентки оживает и направляется на аналитика. Например, пациентка X. на сознательном уровне относилась ко мне любовно, хотя к ее чувству всегда примешивался страх. Но в тот период анализа, когда ее старая инфантильная ненависть к матери стала выходить на поверхность, она дрожала от страха в приемной и эмоционально предчувствовала во мне нечто вроде безжалостного злого духа. Совершенно очевидно, что в этой ситуации она переносила свой старый страх перед матерью на меня. Один особый инцидент позволил нам глубже понять, какую важную роль этот страх перед налагающей запреты матерью играл в развитии фригидности пациентки. В тот период анализа, когда ее установки на сексуальные запреты уже немного ослабли, мне пришлось уехать на две недели. После моего возвращения пациентка рассказала мне, что как-то вечером она была с друзьями и немного выпила, не больше чем обычно, но вот не помнит, что было потом. По словам же ее друга, она была очень возбуждена, попросила его о близости, при этом испытала полноценный оргазм (до того она была полностью фригидна) и кричала торжествующим голосом: „У меня каникулы от Хорни!" Меня — запрещающей матери из фантазии, не было, и она смогла без страха чувствовать себя полноценной женщиной. Другая пациентка, страдавшая вначале вагинизмом и затем фригидностью, также перенесла на меня старый страх, который она испытывала перед матерью и в особенности перед сестрой, которая была на 8 лет старше. Пациентка несколько раз пыталась установить отношения с мужчинами, но из-за ее комплексов ничего не получалось. В этой ситуации она испытывала по отношению ко мне ярость и даже выражала достаточно паранойяльную идею, что это я не подпускаю к ней мужчин. И хотя интеллектуально она понимала, что как раз я и хочу помочь ей найти удовлетворение, старый страх перед

сестрой брал верх. И, пережив свой первый сексуальный опыт с мужчиной, она сразу увидела тревожный сон, в котором ее сестра гналась за нею. 136

В случаях фригидности встречаются и другие психические факторы, о которых я хочу лишь упомянуть. Я не буду останавливаться на том, какую связь они имеют с фригидностью, и только укажу на важность, которую они могут иметь при некоторых функциональных расстройствах. Прежде всего, страх, связанный с мастурбацией, может оказывать влияние на ментальную установку так же, как и на физиологические процессы. Хорошо известно, что при наличии подобного страха, почти каждое заболевание может рассматриваться как его результат. Особая форма, которую он часто принимает у женщин — это страх, что их половые органы были физически повреждены мастурбацией. Этот страх нередко доходит у женщины до фантастической идеи будто бы раньше она была „как мальчик", а затем подверглась кастрации, и может выражаться в различных формах:
1. Смутный, но глубокий страх за свою „нормальность".
2. Ипохондрические страхи и симптомы, такие, как боли и выделения из влагалища, не имеющие органической основы, которые приводят их за советом к гинекологу. Они получают то лечение, которого хотят от врача, или врач их успокаивает и им становится лучше — но страх, естественно, возвращается, и они вновь обращаются к врачу все с теми же жалобами. Иногда страх заставляет их добиваться операции. Они испытывают чувство, что у них что-то не в порядке физически, и это „что-то" может быть исправлено только такими радикальными средствами, как операция.
3. Страх может принимать и такую форму: „Я нанесла себе какое-то повреждение и теперь никогда не смогу иметь ребенка". У совсем юных девушек страх в этой связи может иногда быть совершенно сознательным. Но даже эти юные пациентки скажут вам, как правило, нечто совершенно иное, например, что иметь детей отвратительно и они лично этого никогда не захотят. Только гораздо позднее вы поймете, что это чувство отвращения является для них реакцией типа „зелен виноград" на очень сильное ранее желание иметь много детей и что именно вышеупомянутый страх привел их к отрицанию этого желания.
В связи с желанием иметь ребенка может возникать множество конфликтующих подсознательных тенденций. Естественный материнский инстинкт может быть нейтрализован некоторыми бессознательными мотивами. Я не могу сейчас входить во все детали и упомяну только одну возможность. Для женщины, которая, не всегда полностью это осознавая, очень хочет быть мужчиной, беременность и материнство, как женский эквива-137

лент мужской карьеры, нередко приобретают преувеличенное значение. Мне, к сожалению, не довелось наблюдать случаев ложной беременности, но, вероятно, она тоже является результатом бессознательного выражения желания иметь ребенка любой ценой. Каждому гинекологу знакомы женщины обычно нервные и подавленные, но совершенно преображающиеся — счастливые и уравновешенные — во время беременности, потому что беременность представляет для них особую форму удовлетворения. В тех случаях, о которых я говорю, подкрепление получает не столько идея иметь ребенка, нянчить и ласкать его, сколько идея самой беременности, вынашивания в своем теле новой жизни. Состояние беременности имеет для таких женщин исключительно нарциссическую значимость. В двух таких случаях имело место перенашивание. Из этого еще рано делать какие-либо выводы, но можно, при всей критической осторожности, подумать о возможности, что подсознательное желание удерживать ребенка внутри может позволить нам понять некоторые необъяснимые иначе случаи перенашивания. Другой фактор, иногда играющий особую роль — сильный страх умереть от родов. Сам по себе этот страх может быть, а может и не быть сознательным. Источник же этого страха практически никогда не является сознательным. Существенным элементом его, по моему опыту, может

быть, например, старая враждебность к беременной матери. Я вспоминаю пациентку, которая ужасно боялась умереть от родов, вспоминая, как ребенком она постоянно с тревогой следила, не беременна ли опять ее мать. Она не могла спокойно видеть на улице беременную женщину без того, чтобы не возникло желание ударить ее в живот, и, естественно, теперь она боялась, что нечто столь же ужасное может случится с ней. С другой стороны, материнскому инстинкту могут противодействовать бессознательные враждебные импульсы, направленные непосредственно против ребенка. Такие проблемы и влияние таких импульсов может проявляться в преждевременных родах и послеродовой депрессии. Возвратимся еще раз к страхам, связанным с мастурбацией. Я уже упоминала, что они могут быть результатом идеи о физическом ущербе, причиненном себе, и таким образом — вести к ипохондрическим симптомам. Эти страхи могут проявляться и еще в одной форме — через отвращение к менструации: уже многократно упоминаемая идея ущербности заставляет женщину ненавидеть свои гениталии как рану, а менструации, таким образом, эмоционально воспринимаются как еще одно подтвер-138

ждение этому. У таких женщин, как правило, существует слишком тесная связь между представлениями о кровотечении и ране, и поэтому для них менструация никогда не становится естественным процессом и всегда вызывает глубокое чувство отвращения. Это приводит нас к возможному объяснению еще одного вопроса — о меноррагии и дисменорее 2. Естественно, что в данном случае я имею в виду только те случаи, когда нет никаких местных или других органических причин заболевания. Основа аналитического подхода к пониманию любого функционального расстройства менструального цикла состоит в том, что психическим эквивалентом физиологических процессов, протекающих во время менструального цикла, является нарастание либидонозного напряжения. Женщина со сбалансированным психосексуальным развитием переносит это нарастание без особых затруднений. Но существует множество женщин, имеющих настолько хрупкую психическую организацию, что возрастание либидонозного напряжения становится последней соломинкой, ломающей спину верблюда. Под прессом этого напряжения оживают все инфантильные фантазии, в особенности связанные с кровотечением. Во всех этих фантазиях, вообще говоря, половой акт предстает как нечто жестокое, кровавое и болезненное. В своей клинической практике я обнаруживала почти без исключений, что фантазии этого типа играли значительную роль у пациенток, страдающих меноррагией и дисменореей, при этом дисменорея обычно начиналась у них достаточно рано, если не в пубертате, то в то время, когда женщина впервые сталкивалась со взрослыми сексуальными проблемами. Я попытаюсь привести примеры: одна моя пациентка, всегда страдавшая от профузной меноррагии, при мысли о сношении всегда представляла себе кровь. В процессе психоанализа было установлено, что определенные воспоминания ее детства дают основания именно для таких, сложившихся при определенных обстоятельствах, представлений. Она была старшей из восьми детей и ее самые страшные воспоминания относятся к периодам, когда рождался новый ребенок. Она слышала, как кричит мать, видела тазы с кровью, которые выносили из ее комнаты. Ранняя ассоциация деторождения, секса и крови была так близка ей, что когда однажды ночью у ее матери случилось легочное кровотечение, оно немедленно связалось у девочки с половыми отношениями между родителями. Таким образом, начало менструаций лишь оживило детские впечатления и фантазии о кровавой половой жизни. 139

У другой моей пациентки была жестокая дисменорея. Примечательно, что она сама прекрасно сознавала, что ее сексуальная жизнь связана со всевозможными садистскими фантазиями. Всякий раз, когда она слышала или читала о жестокостях, она испытывала половое возбуждение. Она описывала менструальные боли как ощущение, что ее внутренности вырывают из нее. Эта специфическая форма была детерминирована

инфантильными фантазиями. В процессе анализа она вспомнила, что в детстве была убеждена, что во время полового акта мужчина вырывает что-то из тела женщины. Дисменорея в данном случае была своеобразным эмоциональным выходом или специфическим способом отреагирования этих старых фантазий. Я допускаю, что большинство моих утверждений, касающихся психогенных факторов, для кого-то звучит фантастически, хотя на самом деле это все не так уж фантастично, а, наверное, просто чуждо обычному ходу рассуждений медиков. Если мы хотим иметь нечто большее, чем чисто эмоциональное суждение, существует только один испытанный путь — научная проверка фактов. Идея Фрейда о том, что обращение к бессознательному позволяет выявить особые психические корни болезни, и что симптомы исчезают в течении или в результате этого [психоаналитического — М. Р.] процесса — конечно, не может быть доказательством того, что именно этот процесс вызывает исцеление. Любое искусное внушение может иметь тот же самый результат. Научная проверка 3 должна быть такой же, как и в других областях науки: расширение применения психоаналитической техники и сопоставление подобия полученных данных. Любое суждение, не отвечающее этому требованию, не имеет научной ценности. Мне кажется, что у гинекологов есть достаточно возможностей, чтобы получить по крайней мере некоторые доказательства специфической связи определенных эмоциональных факторов и функциональных расстройств. Для этого нужно было бы только уделять должное время и внимание пациенткам, и тогда старые конфликты, лежащие в основе заболеваний, легко обнаруживались бы, хотя бы у некоторых из них. Я думаю, что это могло бы иметь непосредственную терапевтическую ценность. Правильно провести психоанализ может только врач, получивший адекватную специальную подготовку. Эту процедуру можно сравнить с хирургической операцией, но ведь бывает не только госпитальная, но и вспомогательная хирургия, методами которой должен владеть каждый. Вспомогательная психотерапия могла бы быть особенно успешной в случаях недавних конфлик-140

тов, когда их связь с симптомами заболевания достаточно очевидна. Таким образом, работа, уже проделанная в этой области, могла бы быть значительно расширена. Существует только одно ограничение для реализации этой возможности, но оно очень существенно: нужно обладать глубоким знанием психологии, если хочешь избежать ошибок, и в особенности тех, что могут оживить глубоко скрытые эмоции, с которыми без соответствующей квалификации справиться будет уже невозможно. 1 Др. Хорни предполагает, что гинекологи смогут оценить данные аналитиков более точно и провести статистические исследования, так как они наблюдают значительно большее число пациентов, чем психоаналитики. [Прим. Херольда Кельмана}. 2 Меноррагия и дисменорея — длительные обильные менструальные кровотечения и нарушения менструального цикла, связанные с болевым синдромом [М.Р.]. 3 Иная формулировка утверждений Хорни может лучше прояснить, что она имеет в виду. Требования научной валидности таковы: значительное число подготовленных психоаналитиков, используя технику свободных ассоциаций при лечении пациенток с функциональными женскими расстройствами и психосексуальными нарушениями, должны обнаружить сходные психодинамические конфигурации; пациентки должны ответить на психоаналитическую терапию облегчением их симптомов, разрешением специфических психических конфликтов и раскрытием защит. Кроме того, другие аналитики должны подтвердить эти полученные данные на большом числе пациенток такого рода. [Прим. Херольда Кельмана]. 141

КОНФЛИКТЫ МАТЕРИНСТВА (Доклад, представленный на заседании Африканской Ортопсихиатрической Ассоциации в 1933 году) В течении последних 30—40 лет делались самые контрастные оценки педагогических способностей, присущих матерям. Около тридцати лет назад материнский инстинкт считался безошибочным наставником при

воспитании ребенка. Когда нам доказали, что это не соответствует действительности, то мы столь же страстно уцепились за идею специальной теоретической подготовки. К несчастью, вооруженность научными знаниями о том, как воспитывать, оказалась столь же надежной гарантией против неудач, как и ранее материнский инстинкт. И теперь мы наполовину готовы вернуться к прежним надеждам на эмоциональную составляющую отношений мать — ребенок. Однако, на этот раз, уже не с точки зрения достаточно туманных представлений, что во всем надо полагаться на инстинкт, а с вполне определенным вопросом: какие именно факторы могут повредить желательной материнской позиции, и из каких источников они берут свое начало? Не пытаясь обсуждать все многообразие конфликтов, с которыми мы встречаемся при анализе матерей, я постараюсь представить здесь только один особый тип конфликтов, в котором отношения матери с родителями находят отражение в ее установке по отношению к детям. Я вспоминаю одну женщину, которая обратилась ко мне в 35 лет. Она была учительницей, не обиженной интеллектом и способностями, с яркими проявлениями индивидуальности, и в целом производила впечатление уравновешенного человека. Одна из двух ее проблем касалась умеренной депрессии, которой она страдала с тех пор, как узнала, что у мужа есть и другая женщина. Сама она была женщиной строгих правил, нашедших свое подкрепление в выборе образования и профессии, но она исповедовала и старалась развивать у себя терпимость к другим, и поэтому ее естественная враждебная реакция на сознательном уровне была для нее неприемлема. Однако, утрата доверия к мужу сказалась на ее отношении к жизни 142

вообще и держала ее в своих сетях. Другая проблема касалась ее тринадцатилетнего сына, страдавшего от жестокого невроза навязчивости и от приступов тревоги, которые, как показал анализ ребенка, имели отношение к его необыкновенной привязанности к матери. В процессе терапии обе эти проблемы были удовлетворительно разрешены. Через пять лет пациентка вновь обратилась ко мне, но на этот раз с трудностями, которые остались невскрытыми в первый период лечения. Она заметила, что некоторые из ее учеников выказывали более чем нежные чувства к ней: фактически, для нее было очевидно, что определенные мальчики страстно влюбились в нее, и она спрашивала себя, есть ли в ней что-то такое, что вызвало такую любовь и страсть. Одновременно она чувствовала себя виноватой перед этими учениками. Она упрекала себя в том, что невольно проявляла какие-то ответные чувства, и предавалась жестоким самообвинениям. Она была абсолютно убеждена, что я буду осуждать ее и отнеслась к отсутствию осуждения недоверчиво. Я старалась разуверить ее, говоря, что в ее ситуации нет ничего необычного: для того, чтобы так интенсивно работать и делать преподавание действительно прекрасным и творческим, надо, естественно, вкладывать в это всю свою душу. Это объяснение не разубедило ее, и нам пришлось искать более глубокие источники ее отношений с учениками. В конце концов вот что было выявлено при анализе. Во-первых, стала яснее сексуальная основа ее собственных чувств. Один из мальчиков последовал за ней в город, где она проходила психоанализ, и она действительно влюбилась в этого двадцатилетнего юношу. Было довольно странно видеть эту уравновешенную и сдержанную женщину, сражающуюся с собой и со мной, борющуюся против желания иметь любовные отношения с относительно незрелым юношей и разрушающей все условные границы, которые, как она думала, были единственной помехой любви. А затем оказалось, что ее любовь на самом деле не относится непосредственно к этому юноше. Этот мальчик, как и другие до него, явно воспроизводил для нее более ранний образ ее отца. Все эти мальчики обладали вполне определенными физическими чертами и ментальностью, напоминавшей ей отца, и в ее сновидениях они и отец часто оказывались как бы одним и тем же человеком. В результате анализа пациентка впервые стала осознавать, что за довольно горьким противостоянием отцу в подростковом возрасте

скрывалась глубокая и страстная любовь к нему. В случае фиксации на отце субъект обычно выказывает 143

явное предпочтение мужчинам постарше, потому что они сильнее и легче наводят на мысль об отце. В этом случае отношения детских лет были инвертированы. Ее подсознательные попытки разрешить проблему фактически приняли такую фантастическую форму: „Я уже не маленький ребенок, который не может добиться любви своего недостижимого отца. Но если я большая, пусть он будет маленьким, тогда я смогу быть матерью, а мой отец будет моим сыном". Она вспомнила, что когда отец умирал, ей хотелось лечь рядом с ним и прижать его к груди, как сделала бы мать со своим ребенком. Дальнейший анализ выявил, что чувство к этим юношам представляло собой только вторую фазу перенесения на них ее любви к отцу. Ее сын был первым реципиентом этой трансфер-ной любви, которая затем была обращена на учеников, ровесников ее сына, чтобы отвлечь ее сознание от концентрации на инцестуозном объекте. Ее любовь к ученику была бегством или вторичной формой любви к сыну, который первоначально представлял для нее реальное воплощение ее отца. И как только она осознала страсть к этому другому мальчику, огромное напряжение, которое она чувствовала по отношению к сыну, ослабело. До этого времени, находясь в разлуке с сыном, она настаивала, чтобы он писал ей каждый день, иначе она будет ужасно тосковать. Когда ее охватила страсть к другому мальчику, эмоциональная напряженность отношений с сыном немедленно ослабела, что доказывает, насколько этот мальчик и другие до него были для нее на самом деле лишь заменой сына. Ее муж — тоже моложе ее, был, как личность, гораздо слабее, и ее отношение к нему также имело отчетливый характер диады „мать — сын". Эмоциональная привязанность к мужу исчезла у нее, как только родился сын. Фактически, именно эмоциональная перегруженность ее отношения к сыну и создала у последнего жестокий невроз навязчивости в начале пубертата. Одна из основных психоаналитических концепций состоит в том, что сексуальность возникает не в пубертате, а человек обладает этим качеством изначально, с рождения, и, следовательно, даже самая ранняя любовь всегда сексуально окрашена. Как мы знаем из многочисленных наблюдений, в том числе — из мира животных, сексуальность означает взаимную привлекательность полов. У человека в детстве она выражается в том, что дочь инстинктивно чувствует большее влечение к отцу, а сын — к матери. Одновременно с этим психоанализ показывает, что детское соперничество и ревность по отношению к родителю того же пола во многом ответственны за конфликты взрослого человека. В описанном выше случае мы видели, как траги-144

чески, пройдя через три поколения, может развиваться такой конфликт. В моей практике было пять случаев такого переноса любви с отца на сына. Этот клинический опыт показывает, что воскрешение чувств к отцу обычно остается бессознательным. Сексуальная природа чувства к сыну сознавалась пациентками только в двух случаях (обычно осознается только высокий эмоциональный накал отношений мать — сын). Чтобы понять специфику таких отношений, нужно признать, что по самой своей природе они вообще не могут быть гладкими. На них переносятся не только инцестуозные элементы инфантильных сексуально окрашенных отношений к отцу, но и элементы враждебности, неизбежно связанные с этими отношениями. Определенный остаток детских враждебных чувств неизбежен, как результат в равной степени неизбежных аффектов, вызванных в свое время ревностью, фрустрацией и чувством вины. Если чувства к отцу переносятся на сына во всей своей полноте, то сын воспринимает не только любовь, но и застарелую враждебность. Как правило, оба чувства вытесняются. Одна из форм проявления конфликта любви и ненависти — это сверхзаботливое отношение к ребенку. Таким матерям постоянно кажется, что их чаду угрожает напасть. Малыш может

заболеть, подцепить заразу, стать жертвой несчастного случая. Они буквально фанатичны в своей заботе. Женщина, которую мы обсуждали (защищая себя от осознания конфликта), просто захлебывалась хлопотами о сыне, которому ужасы, конечно же, грозили со всех сторон. Когда он был маленьким, все вокруг него должно было быть стерильным. Позже, при малейшей незадаче с ним она не выходила на работу и бросалась его опекать. В других подобных случаях матери не осмеливались даже дотрагиваться до сыночка, боясь ему чем-либо навредить. Две мамы, о которых уместно здесь вспомнить, нанимали няню для сыновей, хотя это было им и не по карману, и некстати — присутствие чужого человека в доме с эмоциональной стороны ужасно стесняло. Однако они предпочитали страдать — так важно было для них присутствие защитницы от неведомых опасностей. Есть еще одна причина, по которой такие матери, как правило, занимают позицию гиперопеки. Их любовь носит характер запретной кровосмесительной страсти и поэтому они постоянно испытывают чувство угрозы, что сына у них отберут. Эти чувства нередко проявляются в достаточно специфических сновидениях. Одной женщине, например, снилось, что она стоит в храме с сыном на руках и должна принести его в жертву ужасной богине-матери. 145

Другое осложнение в случае фиксации на отце часто обязано своим возникновением ревности, существовавшей между матерью и дочерью. Некоторая соревновательность между матерью и взрослой дочерью — вполне естественная вещь. Но если особенности Эдиповой ситуации в детстве самой матери породили у нее чрезмерное чувство соперничества, то в отношениях с дочерью это чувство может принять гротескные формы и возникнуть уже в самом раннем детстве девочки. Такое соперничество нередко выдает себя в запугивании ребенка, в неосознаваемых тенденциях высмеивать или даже унижать девочку, не позволять ей выглядеть привлекательно, запрещать встречаться с мальчиками и т. д., в основе чего всегда присутствует тайная [скрываемая даже от самой себя — М. Р.] цель помешать дочери развиться в женщину. Хотя нередко бывает трудно обнаружить ревность во всем многообразии маскирующих ее форм выражения, общий психологический механизм достаточно прост в своей основе и поэтому не нуждается в детальном описании. Давайте теперь рассмотрим более сложный случай, возникающий, когда женщина в детстве особенно сильно была привязана не к отцу, а к матери. В случаях такого типа, которые мне довелось анализировать, постоянно обнаруживались определенные черты. Вот что типично: у девочек, как правило, очень рано возникали причины не любить свой собственный женский мир. Причинами этого могли быть уже упомянутое материнское запугивание, глубокое разочарование в отношениях, связанных с отцом или братом, ранний сексуальный опыт, ужаснувший девочку, фаворитизм родителей по отношению к брату. В результате такая девочка эмоционально отворачивается от присущей ей сексуальной роли, и у нее начинают развиваться маскулинные тенденции и фантазии. Однажды проявившись, эти фантазии затем приводят к формированию соревновательных тенденций в отношениях к мужчинам, которые присоединяются к исходной обиде на них. Естественно, что женщины с такой установкой не очень приспособлены для замужества. Они фригидны, неудовлетворены и их маскулинные тенденции сказываются, например, в желании главенствовать. Когда такие женщины выходят замуж и заводят детей, они склонны демонстрировать чрезмерно преувеличенную привязанность к своему чаду, которую обычно интерпретируют как запертое либидо, закрепленное на ребенке. Такое описание хотя и корректно, но не дает нам глубокого понимания особенностей протекающих процессов. Осознав происхождение такого развития, мы можем понять конкретные его особенности как результат попыток разрешения определенных ранних конфликтов. 146

Маскулинные тенденции матери выражаются в установке на доминирование, в стремлении к абсолютному контролю над детьми. Если мать боится этих своих склонностей, она бросается в другую крайность и распускает детей донельзя. В первом случае мать безжалостно сует нос во все дела детей: а убоявшись своего садизма — остается вечно пассивной, не осмеливаясь ни во что вмешиваться. Возмущение против женской роли находит выход в том, чтобы вдалбливать детям, что мужчины — скоты, а женщины — несчастные страдалицы, что женская доля убогая и жалкая; менструация — болезнь („проклятие"), а половой акт — принесение себя в жертву похоти мужа. Такие матери нетерпимы к любому проявлению сексуальности, особенно у дочерей, но нередко и у сыновей тоже. Очень часто у таких маскулинных матерен развивается сверхпривязанность к дочери, подобная той, которую другие матери чувствуют к сыну. Как правило, дочь отвечает тоже повышенной привязанностью к матери. При этом она отчуждается от своей женской роли и в дальнейшем ей, как правило, трудно достичь нормальных отношений с мужчинами. Рождение детей непосредственно оживляет в нашем сознании образы и функции наших родителей. Родители не только объекты любви и ненависти в детстве и отрочестве, но также объекты детских страхов. Большая часть того, что составляет нашу совесть, в особенности ее бессознательная часть, называемая нами Супер-Эго, обязана своим существованием внедрению в нашу личность угрожающих образов родителей. Этот старый инфантильный страх, когда-то относившийся к отцу или матери, может также быть перенесен на детей и привести к сильному, но неясному ощущению небезопасности, связанному с ними. Это кажется особенно верным здесь, в Соединенных Штатах, по ряду причин. Родители выказывают страх перед детьми в двух основных формах. Они в ужасе перед неодобрением детей, боятся, что их поведение, выпивки, курение и сексуальные отношения будут раскритикованы детьми. Они непрерывно беспокоятся, обеспечили ли они детям должное воспитание и образование. Причина этого — тайное чувство вины перед детьми, и ведет оно либо к попустительству, чтобы избежать неодобрения ребенка, либо к открытой враждебности, так как инстинкт подсказывает, что атака — лучшее средство обороны. Я далеко не исчерпала тему. Конфликты матери с ее собственными родителями могут иметь самые разнообразные последствия. Моей же целью было только объяснить, каким образом Дети могут представлять для своих родителей образы их родите-147

лей, и тем самым стимулировать ту же реакцию, которую когда-то вызывали у их мамы бабушка и дедушка. Возникает вопрос: „Какую практическую пользу представляют эти глубинные исследования души для наших усилий руководить детьми или улучшения условий, в которых они растут?" В индивидуальном случае психоанализ конфликтов матери, конечно — один из лучших способов помочь ее ребенку, но в широких масштабах этого не сделать. Я думаю, однако, что детальный разбор, этих относительно немногих случаев, может указать направление, которым можно руководствоваться в дальнейшей работе при исследовании конфликтогенных факторов. Я также думаю, что знание о замаскированных формах проявления патогенных факторов может быть полезным для более легкого обнаружения их в практической работе уже сейчас.

ПЕРЕОЦЕНКА ЛЮБВИ (О распространенном в наше время феминном типе) The Psychoanalytic Quarterely, Vol III (1934) Усилия женщины достигнуть независимости, расширить круг своих интересов и поле деятельности постоянно наталкиваются на традиционный скептицизм. Большинство считает, что такие усилия должны предприниматься только перед лицом экономической необходимости, и что они извращают внутреннюю сущность и естественные склонности женщины. Таким образом, все эти усилия объявляются не имеющими жизненно важного значения для женщины, чьи помыслы должны, по сути дела, крутиться исключительно вокруг мужчин и материнства,

как поется в знаменитой песне Марлен Дитрих „Я знаю только любовь и ничего больше". В этой связи выдвигаются самые различные социологически обоснованные соображения; они хорошо всем знакомы и чересчур очевидны, чтобы требовать обсуждения. Такое отношение к женщине, каковы бы ни были его основания и как бы мы его не оценивали, отражает патриархальный идеал женственности, а именно — женщину, чье единственное страстное желание — любить мужчину и быть им любимой, восхищаться им и прислуживать ему, и даже творить себя по его образу и подобию. Те, кто отстаивают эту точку зрения, как правило, ошибочно выводят из внешнего поведения существование внутренней инстинктивной предрасположенности к нему; в то время, как в реальности инстинктивная внутренняя предрасположенность не может быть распознана как таковая, по той причине, что биологические факторы никогда не заявляют о себе в чистом незамаскированном виде, а всегда модифицируются традицией и средой. Как недавно указал Бриффо в работе „Матери", модифицирующее влияние „унаследованной традиции" не только на идеалы и верования, но и на эмоциональное отношение и так называемые инстинкты нельзя переоценить 1. Для женщины эта унаследованная традиция означает, как представляется, последователь-149

ное вытеснение из главных сфер деятельности (ее участие в них первоначально было, по-видимому, более значительным) и изгнание ее в узкую область эротизма и материнства. Приверженность данной унаследованной традиции выполняет сейчас определенные регуляторные функции, в которых заинтересовано как общество в целом, так и каждый конкретный человек; но о социальных аспектах этой традиции мы не будем здесь много говорить. Рассматривая ее с точки зрения индивидуальной психологии, нужно было бы только упомянуть, что эта ментальная конструкция во все времена причиняла мужскому роду великое беспокойство, и одновременно, с другой стороны, служила источником формирования и поддержки его специфической самооценки. Для женщины с ее традиционно заниженной самооценкой, напротив, на протяжении столетий она была мирным раем, в котором она освобождалась от напряжения и тревог, связанных у любого человека с развитием его способностей, и от необходимости борьбы за самоутверждение в условиях критицизма и соперничества. Поэтому, с социологической точки зрения, становится понятным, почему женщина, которая подчиняется побуждению к независимому развитию своих способностей, может это сделать только ценой тяжелой борьбы как против внешней оппозиции, так и против внутреннего сопротивления традиционному идеалу чисто сексуальной функции женщины. Мы не зайдем слишком далеко, если позволим себе утверждать, что в настоящее время это — конфликт любой женщины, отважившейся делать собственную карьеру, и в то же время не желающей платить за свою смелость отказом от женственности. Этот конфликт, таким образом,— один из тех конфликтов, которые обусловлены изменившимся положением женщины, и присущ только тем женщинам, которые чувствуют в себе призвание, следуют ему, имеют какие-то особые интересы или стремятся к независимому развитию своей личности, Социологический подход дает полное представление о существовании конфликтов такого рода, об их неизбежности, отдаленных последствиях и, в общих чертах, о многочисленных формах, в которых они проявляются. Он позволяет, к примеру, понять, как эти конфликты порождают жизненные установки, спектр которых простирается от полного отказа от женственности до противоположной крайности — тотального отвержения интеллектуальной деятельности или призвания. Границы области нашего исследования обозначены следующими вопросами: почему в каждом конкретном случае конфликт принимает именно такую, а не иную, форму; или — почему его разрешение достигается именно таким образом? Почему вслед-150

ствие такого конфликта некоторые женщины заболевают или не могут раскрыть заложенные в них потенциальные способности? Какие факторы предрасполагают к такому результату? Каков возможный выход? И там, где встает проблема человеческой судьбы, мы, фактически всегда, входим в область индивидуальной психологии, психоанализа. Мои размышления порождены не интересом социаолога, а определенными проблемами, с которыми мы сталкиваемся при анализе большого числа женщин. Распространенность их наводит на мысль о наличии каких-то специфических факторов, их порождающих. Настоящий доклад базируется на семи собственных наблюдениях, полученных мной в процессе анализа, и на ряде других случаев, знакомых мне по психоаналитическим конференциям. Большинство этих пациенток не имеет выраженных симптомов. У двоих была тенденция к нетипичной депрессии и время от времени ипохондрическая тревога; у еще двоих изредка случались припадки, диагностированные как эпилептические. Но в каждом случае эти симптомы, в той степени, в какой они вообще присутствовали, терялись за осложнениями, связанными у каждой пациентки с отношением к мужчинам и к работе. Как это часто бывает, свои трудности пациентки более или менее отчетливо ощущали как обусловленные их личностью. Во всех случаях очень непросто было отыскать реальный конфликт, стоящий за этими трудностями. Первое впечатление не говорило ничего более того, что для этих женщин их отношения с мужчинами были очень важны. Однако, установить хоть сколько-нибудь удовлетворительные продолжительные отношения им никогда не удавалось: либо попытка создать прочные отношения проваливалась раз и навсегда, либо мы сталкивались с серией мимолетных связей, разрываемых или по инициативе самой пациентки, или ее мужчинами. В связях пациенток, сверх того, часто была некоторая неразборчивость. В других случаях, если устанавливались относительно продолжительные значимые отношения, они в конце концов также разбивались или об установку женщины, или о ее поведение. У всех этих женщин в то же самое время были затруднения в работе и более-менее выраженное оскудение интересов. До некоторой степени эти трудности были очевидны и находились в сфере сознания, но полностью пациентки их все же не осознавали, пока не прибегали к психоанализу. Только после достаточно продолжительной аналитической работы я сама, исходя из особенно ярких примеров, стала понимать, что центральная проблема была не в запрете на любовь, 151

а в полной и исключительной сосредоточенности на мужчинах. Эти женщины как бы были охвачены единственной мыслью: „Я должна иметь мужчину". Эта одержимость сверхценной идеей, поглощала любую другую мысль настолько, что в сравнении с „главным" вся остальная жизнь казалась им тоскливой, бесцветной и никчемной. Их способности и интересы не значили для них ничего или утратили свою цену. Другими словами, конфликт в их отношении к мужчинам присутствовал и мог быть в значительной степени облегчен, но суть конфликта, в отличие от многих других случаев, была не в недооценке, а в невротической переоценке любовной жизни. В некоторых случаях у этих пациенток в процессе психоанализа появлялись и нарастали запреты, связанные с вовлеченностью в работу, и одновременно, вследствие анализа тревоги, связанной с сексуальностью, улучшались отношения с мужчинами. Эта перемена по-разному оценивалась пациентками и их близкими. Например, с точки зрения одного отца, который выражал удовольствие тем, что его дочь стала так женственна, пройдя курс анализа, что потеряла интерес к учебе и хочет только замуж — это был прогресс. Но с другой стороны, я многократно сталкивалась с жалобами пациенток, что установив в результате анализа лучшие отношения с мужчинами, они потеряли в продуктивности и способностях, утратили интерес к работе и теперь хотят только одного — находиться в мужском обществе. Над этим стоило задуматься. Очевидно, что такая картина действительно могла явиться результатом вмешательства анализа и быть интерпретирована как неудача лечения. Однако, лишь для некоторых женщин, а не для всех, исход был именно таким.

Естественно, возникали вопросы. Какие же факторы предопределяли тот или другой исход? Было ли что-либо общим в конфликтах женщин, которых мы наблюдали? Я хотела бы упомянуть еще одну характерную черту всех этих пациенток, выраженную в той или иной степени — это страх не быть нормальной. Эта тревога проявлялась как в сфере эротизма, так и по отношению к работе или в более абстрактной и диффузной форме общего ощущения типа „я другая", „я хуже", которое пациентки сами чаще относили к наследственной и, следовательно, устойчивой предрасположенности. Есть две причины, по которым то, что у таких пациенток существует проблема переоценки любовной жизни, проясняется в процессе анализа только постепенно. С одной стороны, они обычно всем своим видом соответствуют традиционному представлению об „истинно женственной" особе, у которой нет иной цели в жизни, чем расточительное посвящение себя мужчинам.
152

Вторая трудность связана с самим психоаналитиком, нередко склонным преувеличивать важность любовной жизни, и поэтому расположенном относиться к малейшим неполадкам в этой области, как к своей главной задаче. Такой аналитик будет рад следовать за пациенткой, которая в соответствии со своими побуждениями, как правило, подчеркивает важность этого фактора в своих проблемах. Если бы пациентка сказала психоаналитику, что величайшая цель ее жизни — совершить путешествие к островам Южного моря, и она надеется, что анализ разрешит внутренние конфликты, стоящие на пути исполнения этого желания, аналитик, естественно, спросил бы ее: „Скажите, почему это путешествие так важно для вас?" Сравнение, конечно, несколько натянуто, потому что сексуальность безусловно важнее поездки к Южным морям, но оно позволяет показать, что наша уверенность в важности гетеросексуальных отношений, совершенно справедливая и уместная сама по себе, может иногда ослеплять нас, вплоть до невротической переоценки и бессознательного выпячивания этой сферы. Рассматривая проблему с этой точки зрения, мы обнаружим у обсуждаемой группы женщин наличие двух противоречивых тенденций. Их чувство к мужчине в действительности так сложно, я бы сказала, так амбивалентно, что их оценка гетеросексуальных отношений, почти как главной ценности в жизни — несомненно компульсивная переоценка. С другой стороны, их талант, способности, интересы, притязания и соответствующие возможности достичь успеха — гораздо выше, чем обычно считают они сами. Таким образом, мы имеем дело со смещением акцента со стремления к достижению или борьбы за достижение на сексуальную сферу, то есть мы, фактически, сталкиваемся с объективным (в той степени, в какой можно быть объективным в том, что касается системы ценностей) смещением системы ценностей. Потому что, хотя секс — очень важный, может быть даже самый мощный источник удовлетворения, но все же не единственный и не самый надежный. В ситуации переноса, по отношению к женщине-аналитику у этих пациенток доминируют две установки: на соперничество и взлет активности в отношениях с мужчинами 2. Из-за соперничества каждое улучшение, каждое продвижение кажется им не их собственным прогрессом, а успехом врача. Субъект дидактического анализа проецировала на меня свои желания таким образом: я не хочу на самом деле вылечить ее и советую ей обосноваться в другом городе, потому что боюсь ее соперничества. Другая пациентка реагировала на каждую мою (весьма корректную) интерпретацию сообщением, что ее работоспособность по-153

ка не улучшилась. Еще одна имела привычку (как только я начинала говорить о признаках прогресса) замечать, что она очень сожалеет об отнятом у меня времени. Демонстрация безнадежности, разочарования и жалобы в этих случаях явно скрывали упрямое желание обескуражить аналитика. Такие пациентки склонны особенно подчеркивать, что несомненное улучшение относится в действительности к факторам, внешним по

отношению к анализу, в то время как перемены к худшему ими всегда оставляются на совести аналитика. Они часто испытывают трудности в вербализации свободных ассоциаций, и именно потому, что иное поведение помогло бы аналитику достичь успеха, а это значит, что надо было бы отказаться от торжества над ней. Одним словом, они хотят доказать, что аналитик ничего не может. Одна пациентка выразила это в шутку в такой фантазии: она поселится в доме напротив моего и повесит на мой дом броскую вывеску „Вон там живет единственная хорошая психоана-литичка", указывающую на ее дом.
Другая трансферная установка, собственно, входит в установку на соперничество. В жизни пациентки, как и в том материале, который она выносит на анализ, на передний план, и притом часто в демонстративной форме, выдвигаются отношения с мужчинами, начиная от кокетства и кончая постелью. Один мужчина сменяется другим, и рассказ о том, что он сделал и чего не сделал, любит он или не любит, и что ему было сказано и сделано в ответ, занимают иногда почти весь часовой сеанс, упрямо вращаясь вокруг мельчайших подробностей. То, что эти рассказы и поведение представляют собой „игру на публику" (acting out) и являются проявлением сопротивления, вовсе не всегда становится очевидно сразу. Это происходит потому, что аналитик, желая, чтобы у пациентки сложились, наконец, отношения с мужчиной, принимает ее игру за попытку продемонстрировать, что у нее на самом деле складываются какие-то настоящие, возможно, жизненно важные отношения. Оглядываясь назад, я могу сказать, что более точное знание специфических проблем таких пациенток и особенности их трансферных реакций позволяет, как правило, уловить их игру и значительно ограничить ее. На передний план обычно выступают три трансферных тенденции. Они могут быть описаны следующим образом:
1. „Я боюсь зависеть от тебя как от женщины, от образа матери. Поэтому я должна стараться избегать привязываться к тебе какой бы то ни было любовью. Потому что любовь — это зависимость. Поэтому, спасаясь от любви к тебе, я должна стараться привязать свои чувства к кому-нибудь другому, к мужчи-154

не". Отсюда, например, сновидение пациентки, совершенно определенно принадлежавшей к рассматриваемому типу: она хочет прийти на сеанс, но сбегает с мужчиной, которого видит в приемной. Этот страх перед любовью к аналитику часто рационализируется примитивной неосознаваемой идеей, что поскольку аналитик все равно не оценит ее любви, нечего ее чувствам пропадать даром.
2. „Я лучше сделаю тебя зависимой от меня (через любовь ко мне). Поэтому я буду ухаживать за тобой и пытаться возбудить твою ревность тем вниманием, которое уделяю мужчинам". Здесь перед нами глубоко укорененное, во многом подсознательное убеждение в том, что ревность — высшая форма выражения любви.
3. „Ты завидуешь моим отношениям с мужчинами; ты на самом деле стараешься любым путем сделать так, чтобы у меня их не было, и даже не хочешь, чтобы я была привлекательной. А я все равно, назло тебе, буду". Желание аналитика помочь в лучшем случае воспринимается только интеллектуально, а иногда и этого нет, и когда через долгое время лед наконец ломается, то аналитика порой просто потрясает выражение искреннего изумления пациентки тем, что кто-то действительно хочет помочь другому найти счастье в этой сфере. С другой стороны, даже когда существует интеллектуально сконструированное доверие, реальная тревога и недоверие пациентки, а также гнев на аналитика выходят на свет всякий раз, когда попытка привязать к себе аналитика кончается неудачей. Этот гнев носит иногда паранойяльный характер, а его основное содержание — что именно аналитик отвечает за то или иное негативное событие в жизни пациентки и что она даже активно стремилась к тому, чтобы именно так и получилось. Серьезный взгляд на подобные тенденции пациенток приводит к искушению предположить, что ключ к их демонстративному поведению с мужчинами лежит в

сильной, и в то же время ужасающей женщину гомосексуальности, что в свою очередь порождает патологическое цепляние за мужчину [как за последнюю спасительную соломинку — М. Р.] и одновременно стремление к „истинно мужскому поведению", причем усилия сделать зависимыми от себя и мужчин, и женщин являются только сознательным его выражением. Это предположение могло бы объяснить характерную неопределенность и определенную неразборчивость таких женщин в отношениях с мужчинами. Амбивалентность по отношению к женщинам, которая всегда характеризует гомосексуальность, объяснялась бы тогда подсознательной необходимостью бежать от гомосексуальности, бежать 155

именно к мужчине, а также объясняла бы недоверие, тревогу и ярость, проявляемые по отношению к аналитику-женщине, пропорционально той степени, в какой она играет роль матери. Клинические наблюдения, на первый взгляд, не противоречат такой интерпретации. В сновидениях пациенток мы встречаемся с достаточно определенным выражением желания быть мужчиной, и в их реальной жизни под различными масками также часто проявляются образцы маскулинного поведения. Очень характерен тот факт, что в ярко выраженных случаях эти желания яростно отрицаются, потому что у таких женщин возникает парадоксальное отождествление: „быть мужчиной" значит „быть гомосексуальной". Тем не менее, элементы гомосексуальности, окрашивающие их отношения с женщинами, почти всегда присутствуют в те или иные периоды их жизни. То, что такие отношения не развиваются дальше зачаточной стадии, также согласуется с вышеизложенной интерпретацией, впрочем, также как и то, что в большинстве случаев дружба с другими женщинами играет потрясающе малую роль в жизни этих женщин. Все эти явления могут объясняться в свете механизмов защиты, предпринимаемой против проявлений явной гомосексуальности. Все это действительно похоже на истину. Однако, обескура-живет то, что во всех случаях такие интерпретации, базирующиеся на бессознательных гомосексуальных тенденциях пациенток и бегстве от этих тенденций, оказываются абсолютно неэффективны терапевтически. Таким образом, должны существовать другие, более корректные интерпретации. Я продемонстрирую это примером одной из ситуаций переноса 3. Одна моя пациентка в начале лечения все время посылала мне цветы, сперва анонимно, а затем открыто. Моя первая, предложенная ей интерпретация, что она ведет себя как мужчина, ухаживающий за женщиной, не изменила ее поведения, хотя она и приняла ее, рассмеявшись. Моя вторая интерпретация, что подарки предназначены компенсировать агрессию, которую она обильно проявляла на сеансах, тоже не имела эффекта. Но картина переменилась как по волшебству, когда изучение ассоциаций пациентки недвусмысленно показало, что она уверена — с помощью подарков можно сделать человека зависимым. Последовавшая за этой интерпретацией фантазия выявила глубоко скрытое деструктивное содержание, стоящее за желанием моей зависимости. Она бы хотела, говорила пациентка, стать моей служанкой и во всем мне угождать. Я бы стала зависеть от нее, доверилась бы ей полностью, и тогда в один прекрасный день она подсыпала бы мне яду в кофе. Она заключила свою фантазию фразой, абсолютно типичной для этой группы личностей: 156

„Любовь — это средство убийства". Этот пример особенно ясно обнажает позицию, характерную для всей группы пациенток. В той степени, в какой сексуальные импульсы, направленные на женщин, воспринимаются сознательно, они, фактически, часто переживаются ими как sub specie (разменная монета) преступления. Инстинктивная установка при переносе, в той степени, в какой аналитик представляет образ матери или сестры, недвусмысленно разрушительная: цель состоит в том, чтобы взять верх и погубить, другими словами, она деструктивна и несексуальна. Более легкий штамп „гомосексуальности", таким образом, ведет нас ложным путем, потому что

гомосексуальность обычно означает позицию с сексуальными целями, пусть к ней даже примешиваются деструктивные элементы, направленные на партнера того же пола. В данном случае деструктивные импульсы только отдаленно сочетаются с либидонозными. Немногие присутствовавшие здесь сексуальные элементы имели ту же историю, что и в пубертате: удовлетворительные отношения с мужчиной по внутренним причинам невозможны, и поэтому имеется большое количество свободного, „плавающего" либидо, которое может быть направлено на женщин. По причинам, которые я укажу позже, другие выходы для либидо, такие, как работа или аутоэро-тизм, закрыты. Кроме того, во всех этих случаях имеет место именно неудавшийся поворот к маскулинности (естественно, маскулинность благоприятствовала бы направлению сексуальных импульсов на женщин) и равно безуспешная попытка сделать деструктивные импульсы безвредными посредством либи-донозных связей. Такое сочетание факторов можно отчасти объяснить тревогой в отношении гомосексуальности. Вот почему во всех этих случаях сексуальные, или нежные, или даже дружеские чувства не направляются на женщин в сколько-нибудь значительной степени. Однако, достаточно беглого взгляда на женщин, у которых имело место вышеописанное развитие, чтобы почувствовать недостаточную адекватность объяснения явно присутствующей враждебности только тревогой, связанной с бессознательными гомосексуальными тенденциями. Ибо, хотя враждебные тенденции, направленные против женщин, откровенны и широко представлены в этой группе (как свидетельствует и перенос в процессе сеансов, и сама их жизнь), те же самые враждебные тенденции должны были быть (по только что данному определению гомосексуальности) обнаружены и у бессознательно гомосексуальных женщин в равной степени, а это не так. Тревога в отношении гомосексуальности, следовательно, не может иметь решающего значения для данной группы. Мне кажется, что у жен-157

щин, чье развитие пошло в гомосексуальном направлении, определяющий фактор развития лежит скорее всего в очень раннем и далеко идущем отказе от мужчин, неважно по каким причинам; так что эротическое соперничество с другими женщинами отошло у них более-менее на задний план, и привело не только (как иногда бывает и в рассматриваемой группе) к объединению сексуальных и деструктивных импульсов, а более того — к тому, что сама любовь становится для них способом сверхкомпенсации деструктивных тенденций. У женщин же, о которых мы говорим, эта сверхкомпенсация или не происходит, или не приобретает такой важности; и мы обнаруживаем, что соперничество с женщинами у них не только продолжает существовать, но фактически обостряется, потому что цель борьбы (окрашенной в данной группе ужасной ненавистью), .завоевание мужчины, не была оставлена. Следовательно из-за ненависти-то и существует тревога и страх возмездия, но никаких мотивов, чтобы ненависть прекратилась, нет, есть, скорее, заинтересованность в ее удержании. Эта почти патологически сильная ненависть к женщинам, порожденная соперничеством, включается в ситуацию переноса и распространяется на неэротические области, но особенно отчетливо выражается в эротическом поведении, в форме проекции4. Потому что, если основное ощущение пациентки — что женщина-аналитик мешает ее отношениям с мужчинами, значит в ее представлении аналитик — это не просто запрещающая мать, а именно ревнивая мать или, чаще — сестра, которые не потерпят феминного типа развития или успеха в феминной сфере. Только на такой основе, как мне представляется, можно полностью почать значение разыгрывания роли мужчины перед женщинои психоаналитиком в механизме сопротивления 5 пациентки. Намерение при этом, несомненно, одно: показать ревнивой матери или сестре, что она (пациентка) может завоевать мужчину. Но это возможно только ценой больной совести или тревоги. Из этого факта вытекает также открытая или скрытая ярость в ответ на любую фрустрацию. Борьба под ковром идет примерно гак: когда аналитик настаивает на анализе, не позволяя играть в „серьезные отношения с мужчиной", это бессознательно интерпретируется как запрет, оппозиция со стороны

аналитика или аналитик при случае указывает, что без психоаналитиче'ский терапии попытки установить отношения с мужчиною или к чему, вероятно, не приведут, для пациентки это эмоционально означает повторение попыток матери или сестры снизить женскую самооценку пациентки — как если бы аналитик говорила: „Ты слишком маленькая, ты ничего не понима-158

ешь, ты не слишком хорошенькая и не сможешь завлечь или удержать мужчину, где уж тебе". И вполне понятно, что реакцией будет демонстративное: „Нет, могу!". В случае юных пациенток это соперничество выражается непосредственно в подчеркивании своей юности и немолодого возраста аналитика: „Ты слишком старая, чтобы понять, как естественно для девушки хотеть мужчину больше всего на свете. Это гораздо важнее для меня, чем психоанализ". Нередко Эдипова ситуация детства пациентки оживает в почти первозданной форме, как например, когда пациентка чувствует, что отношение с мужчиной — это неверность аналитику 6. В переносе при этом, как обычно, имеет место особенно ясная и практически нецензурированная 7 редакция того, что происходит в остальной жизни пациентки. Пациентка почти всегда хочет завоевать мужчину, желанного для другой женщины, или так или иначе связанного с ней, и часто, невзирая ни на какие другие его качества. Или, в случаях сильной тревоги, напротив, возникает абсолютное табу именно на таких мужчин. Это, как в одном из моих случаев, иногда доходит до того, что все мужчины становятся табу 8— потому что, если так рассуждать, каждый мужчина обязательно уже занят какой-нибудь гипотетической женщиной. Другой пациентке, у которой соперничество шло в основном со старшей сестрой, после ее первого полового сношения приснился страшный сон, что сестра угрожающе гоняется за ней по комнате. Патологически гипертрофированное соперничество может принимать формы настолько хорошо известные, что нет нужды приводить новые примеры. Также нет нужды обосновывать хорошо известный факт, что большая часть эротических запретов порождена тревогой, ассоциированной с соперничеством деструктивного типа. Но главный вопрос, как мне представляется, все еще остается без ответа: что же так ужасно усиливает эту позицию соперничества и придает ей настолько анормально деструктивный характер? В историях этих женщин всегда присутствует одно обстоятельство, поражающее своей регулярностью и силой последействия. Все эти женщины занимали в детстве в соревновании за мужчину (отца или брата) второе место. Подозрительно часто — в семи случаях из тринадцати — у девочек была старшая сестра, которая оказывалась более искусной в умении захватывать место под солнцем и ходить в любимицах у отца, или, как еще в одном случае, у старшего брата, а в другом — у младшего. Проведенный анализ выявил огромный уровень скрытой агрессии против этих сестер за исключением одного случая, где 159

сестра — любимица отца была гораздо старше девочки и, очевидно, сама не прилагала специальных усилий к тому, чтобы младшей не доставалось его внимания. Агрессия сосредотачивалась на двух пунктах. Во-первых, она относилась к женскому кокетству, которым сестра завоевывала отца или брата и, позднее, других мужчин. Во всех этих случаях агрессия была так сильна, что из скрытого протеста какое-то время девушки не развивались в этом направлении, практически полностью отказываясь от обычных женских уловок — избегали проявлений привлекательности в своей одежде, не ходили на танцы и вообще шарахались от всего эротического. Во-вторых, агрессия относилась к враждебности сестер непосредственно к пациенткам, причем о силе этой ответной враждебности можно было догадаться только постепенно. Обобщая и несколько упрощая, можно вывести некую общую формулу развития: во всех приведенных случаях в раннем детстве старшие сестры запугивали младших, частью прибегая к прямым угрозам, которые они действительно могли осуществить, потому что были физически сильнее и

опережали в умственном развитии; частью — высмеивая все усилия младших сестер быть эротически привлекательными; а частью — и это было точно установлено в трех случаях, а еще в четырех — с высокой степенью вероятности — делая младших сестер зависимыми, вовлекая их в сексуальные игры. Последнее средство, как легко можно заключить, могло само по себе вызывать глубоко скрытое чувство агрессии, так как делало младших детей беззащитными — частично из-за возникшей сексуальной зависимости, а частично из-за чувства вины. Именно в этих случаях обнаруживались наиболее явные склонности к открытой гомосексуальности. В одном из этих случаев мать пациентки была чрезвычайно привлекательной женщиной, окруженной толпой поклонников и державшей отца в абсолютном подчинении. В другом случае, кроме того, что сестра ходила в любимицах отца, он был еще и в связи с другой родственницей, жившей в доме и, по всей вероятности, вообще увлекался женщинами. В третьем случае молодая и очень красивая мать пациентки занимала все внимание отца, сыновей и многочисленных мужчин, часто бывавших в доме. В последнем случае индивидуальные конфликты были сильно осложнены тем, что девочка от пяти до девяти лет состояла в интимных сексуальных отношениях с братом на несколько лет ее старше, хотя тот был любимцем матери и даже во взрослом состоянии продолжал быть эмоционально связанным с нею сильнее, чем с сестрой. Более того, в подростковом возрасте он, как считала пациентка — именно из-за матери неожиданно порвал отношения с сестрой, 160

по крайней мере сексуальные. В четвертом случае отец делал сексуальные намеки пациентке, начиная с четырех лет, и с наступлением пубертата все более откровенные. В то же самое время он не переставал быть чрезвычайно зависимым от матери, которая, встречая всеобщее поклонение, тем не менее была абсолютно нетерпима к другим явным или потенциальным соперницам. Таким образом у девочки были все условия для формирования эмоционального впечатления, что для отца она только игрушка, которую бросают, когда она становится ненужной или на сцене появляются взрослые женщины. Итак, все эти женщины в детстве прошли через опыт интенсивного соперничества за внимание мужчин, и соперничество это или было безнадежно с самого начала, или кончалось поражением. Такой исход в отношении отца, конечно, наиболее типичная ситуация для нормальной семьи. Но в обсуждаемых случаях поражение вызывало особые и также — для этих случаев — типичные последствия в силу усиления соперничества тем, что мать или сестра абсолютно лидировали в ситуации эротически, или тем, что отец или брат пробуждали в девочке специфические иллюзии. Существует еще один дополнительный фактор, к значению которого я вернусь в иной связи. В большинстве этих случаев сексуальное развитие получило толчок более стремительный и мощный, чем обычно, по причине слишком раннего опыта сексуального возбуждения, произведенного именно другим лицом и обстоятельствами. Этот преждевременный опыт либидонозного возбуждения, более сильного и интенсивного, чем физическое удовольствие, получаемое из других источников (оральный, анальный и мышечный эротизм), привел к переоценке не только половой сферы, но также заложил основы для ранней инстинктивной переоценки важности борьбы за обладание мужчиной. Фактически, готовность к борьбе и обусловливает перманентную деструктивную позицию соперничества с женщинами. Эта реакция, очевидно, развивается в каждой соревновательной ситуации и у каждого однажды побежденного — он испытывает гнев в отношении победителя, чувствует, что ранено его самоуважение, оказываясь, таким образом, в менее благоприятной психологической позиции в последующих соревновательных ситуациях, и в конечном счете сознательно или бессознательно чувствует, что его единственный шанс на успех — смерть противника. Абсолютно то же самое можно проследить в обсуждаемых случаях; чувство подавленности, непреходящее ощущение собственной незащищенности,

неадекватность самооценки своих женских качеств и ярость по отношению к более удачливым со-6 К.Хорни

161 перницам. Характерно, что во всех этих случаях одновременно присутствует, скорее — как результат, частичное или полное избегание или запрет на соперничество с женщинами или же, напротив, явно компульсивная чрезмерно выраженная установка на соперничество. И чем сильнее чувство побежденности, тем глубже укореняется специфический психологический фон отношения к сопернице: только с твоей смертью я буду свободна. Эта ненависть к торжествующей сопернице может проявляться по-разному. Если она остается в значительной степени предсознательной, то вина за эротическую неудачу возлагается на других женщин. Если она вытесняется, причина неудач видится в своих собственных качествах, и тогда самоистязающие сетования сочетаются с чувством вины, происходящим от вытесненной ненависти. При переносе часто можно отчетливо наблюдать не только то, как одна установка сменяется другой, но и как подавление9 одной автоматически усиливает другую. Если подавлен гнев на сестру или мать, как правило, усиливается чувство вины пациентки; если слабеют самообвинения, начинает бить ключом ненависть к другим. Формула достаточно проста — кто-то же должен отвечать за мои несчастья: если не я, так другие; если не другие — значит я сама. Из этих двух установок чувство собственной ответственности вытесняется гораздо сильнее. Сомнение: «А не виновата ли в неудачных отношениях с мужчинами я сама?», как правило, в процессе анализа появляется не сразу; чаще вначале оно лишь присутствует как общее убеждение в том, что дела идут не так, как надо бы; нередко пациентки чувствуют или всегда чувствовали тревогу: „А нормальна ли я?"... Иногда эта тревога рационализируется, как опасения, что они функционально или органически нездоровы. Иногда механизм защиты против таких сомнений проявляется в форме настойчивого подчеркивания своей нормальности. Если у пациентки акцентирована защита, психоаналитическая терапия часто воспринимается как нечто постыдное, так как является еще одним свидетельством того, что все идет не так, как следует (естественно, такие пациентки стараются скрывать то, что они ходят к аналитику). В процессе терапии ментальная установка у одной и той же пациентки может изменяться от одной крайности к другой — от безнадежной уверенности, что психоанализу не под силу исправить такие фундаментальные неполадки, до прямо противоположной уверенности, что все в порядке, и поэтому не надо никакого психоанализа. Самая частая форма, которую принимают эти сомнения в сознании — это убеждение пациентки, что она безобразна и по-162

этому не может нравиться мужчинам. Это убеждение обычно достаточно независимо от реальных фактов; его можно встретить, например, у необычайно хорошеньких девушек. Как правило, оно основывается на реальном или воображаемом дефекте внешности — у меня волосы не вьются, руки или ноги слишком велики, я толстая, рост слишком большой или маленький, не те возраст или фигура. Эта самокритика неизменно связана с глубоким, патологическим в своей природе, чувством стыда. Одна пациентка, например, переживала за свои ступни и бегала по музеям, чтобы сравнить свои ноги с ногами статуй, чувствуя, что покончит с собой, если у нее они не такие, как надо. Другая пациентка, естественно — в свете собственных переживаний, не могла понять, как это ее муж все еще не умер со стыда за свои скрюченные пальцы на ногах. Еще одна неделями голодала, потому что ее брат как-то мимоходом заметил, что руки у нее слишком полные. В некоторых случаях стыд относился к одежде, а рационализация состояла в том, что нельзя быть красивой без красивой одежды. В попытках приблизиться к идеалу у этих пациенток всегда особое место отводится одежде, однако, независимо от реальных возможностей, успех и здесь недостижим, так как сомнения постоянно вторгаются и в эту сферу, делая ее источником вечных терзаний. Для них абсолютно невыносимо, если они замечают, что те или иные

части одежды не вполне идеально сочетаются друг с другом, если платье полнит, кажется слишком длинным или коротким, слишком простым или элегантным, слишком вычурным, слишком молодежным или недостаточно модным. Зная, что одежда действительно важна для женщин, может быть, в этом и не стоило бы особо копаться, однако, обращают на себя внимание достаточно неадекватные проявления связанных с одеждой чувств — стыда, незащищенности и даже ярости. Одна пациентка, например, должна была обязательно разорвать платье, если ей казалось, что оно ее полнит; другие обращали весь свой гнев на портниху или кого-то еще. Конечно, все эти случаи — проявление неадекватных форм защиты. Другой род защиты — желание быть мужчиной. „Как женщина я ноль",— говорила одна пациентка,— „мне бы мужиком быть",— и сопровождала свое замечание специфически мужским жестом. Третий, и, как мне представляется, самый важный, способ защиты состоит в том, что пациентка хочет во что бы то ни стало всем доказать, что она чрезвычайно привлекательна для мужчин. Здесь мы снова сталкиваемся с той же гаммой чувств: быть без мужчины, никогда не иметь с ними дела, остаться девственницей, незамужней — все это позор, и может б* 163

вызвать только презрение. Соответственно, иметь мужчину — поклонника, друга, любовника или мужа — доказательство „нормальности". Отсюда — безумная погоня за мужчиной. По сути от него требуется только одно — быть мужского пола. Если у него есть и другие качества, чтобы потешить нарциссизм женщины — тем лучше. В остальном неразборчивость женщины может быть потрясающая, особенно в сравнении с уровнем требований, предъявляемых ею в других отношениях. Но и этот способ защиты, как и тот, который касается одежды, не приносит успеха — в любом случае женщине ничего не удается доказать наверняка ни себе самой, ни другим. Если даже в нее влюбляется один мужчина за другим, она подыщет причины, по которым все они будут не в счет: „не было под рукой других женщин, чтобы в них влюбиться"; „да кто он вообще такой?"; „это я сама его вынудила"; „он любит меня лишь за то, что я умная, что я могу быть ему полезна" и т. п. Во всех этих случаях анализ в первую очередь обнаруживает особую тревогу по отношению к своим половым органам, ее типичное содержание — что пациентка повредила себе мастурбацией или причинила себе какую-нибудь травму. Часто страхи выражаются в виде характерной идеи, что при этом случайно был разорван гимен, или что в результате мастурбации у нее не может быть детей 10. Под прессом этой тревоги мастурбация полностью подавляется, как правило, даже воспоминания о ней вытесняются (в любом случае достаточно типично заявление, что такого якобы вообще никогда не было). В относительно редких случаях, когда пациентки прибегают к мастурбации в более позднем возрасте, она сопровождается жесточайшим чувством вины. Основу такой сильнейшей защиты от мастурбации следует искать в нередко сопутствующих ей экстраординарно садистских фантазиях об издевательстве над женщиной: она находится в тюрьме, ее унижают, оскорбляют, пытают или, что характерно, калечат ее гениталии. Эта последняя фантазия вытесняется особенно сильно, но, как представляется, является существенным элементом в психодинамике многих случаев. По моему опыту, эта фантазия никогда не бывает явной, тем более, что иногда в процессе онанистических актов наслаждаются другими представлениями жестокости. Однако эту фантазию всегда можно реконструировать по ее эквивалентам, как, например, в случае пациентки, которая рвала одежду, если ей казалось, что она ее полнит. Вначале мне казалось, что такое поведение — эквивалент онанизма, но потом по ряду признаков я поняла, что после этого пациентка чувствовала себя так, как если бы она со-164

вершила убийство, следы которого во чтобы то ни стало нужно скрыть; затем выяснилось, что полнота символизирует для нее беременность и напоминает о беременности матери (когда пациентке было пять лет); и лишь потом, когда было установлено, что в сознании

пациентки особым образом связаны представлен ния о беременностях (в том числе моих, как женщины — аналитика) и их возможных последствиях — внутренних разрывах, ко мне наконец, пришло понимание того, что когда она рвет свое платье — она как будто раздирает половые органы матери. Другой пациентке, по ее словам, полностью преодолевшей привычку мастурбировать, во время болезненных менструаций казалось, что ее внутренности как бы вырывают из нее. Она испытывала сексуальное возбуждение, когда слышала об абортах; она вспомнила, как в детстве у нее были представления, что муж делает что-то насильственное с телом жены с помощью иголки и нитки. Газетные заметки о насилии и убийствах возбуждали ее. В ее сновидениях постоянно крутился один и тот же сюжет: половые органы девочки оперирует или просто режет женщина, так что они кровоточат. Такое сделала (по данным криминальной хроники) с одной девочкой учительница в исправительном заведении, и пациентка в своих фантазиях хотела бы сделать тоже самое с аналитиком или со своей ненавистной матерью. Аналитический опыт позволяет предполагать наличие таких деструктивных импульсов и у других пациенток, прежде всего на основании сходным образом выраженного страха репрессалий, как, например, преувеличенная тревога, что любая женская половая функция может оказаться болезненной и кровавой, в особенности дефлорация и роды. Фактически, во всех случаях мы обнаруживаем, что в бессознательном наших пациенток все еще действуют, практически — в неизменившейся форме и с неослабевающей силой, деструктивные импульсы, направленные против матери или сестры в раннем детстве. Мелани Клейн придавала большое значение этим импульсам. Легко понять, что их редукции препятствует преувеличенное и озлобленное соперничество. Первоначальные эти бессознательные импульсы против матери как бы означают: ты не должна вести с моим отцом половую жизнь, ты не должна иметь от него детей, а если будешь, ты будешь так изуродована, что никогда не сделаешь этого снова и станешь навсегда безвредной; или — как позднейшая переработка — станешь страшилищем, отпугивающим всех мужчин. Но это все, по неумолимому закону талиона, господствующему в бессознательном, возвращается затем в виде страха той же самой участи. Если 165

я желаю такой травмы тебе и навлекаю ее на тебя в своих фантазиях при мастурбации, я должна бояться, что то же самое случится со мной, когда я окажусь в той ситуации, в которой я желала, чтобы испытывала страдание ты. Фактически, в определенном числе таких случаев дисменорея развивается как раз тогда, когда девушка начинает обыгрывать идею половых отношений. Иногда, более того, развивающаяся в это время дисменорея воспринимается девушкой совершенно сознательно и открыто как наказание за возникающие деструктивные желания. В других случаях страхи пациенток носят менее специфический характер, проявляясь в основном в виде запрета на половой акт. Эти страхи наказания относятся отчасти к будущему, как уже было указано, но отчасти и к прошлому: поскольку я переживала все эти деструктивные импульсы при мастурбации, эти самые вещи произошли и со мной; я изуродована так же, как она, или, как позднейшая переработка — я такая же уродина, как она. Такая связь полностью осознавалась и высказывалась вслух одной моей пациенткой, у которой реальные сексуальные авансы со стороны отца породили необычайно сильные проявления патологического соперничества — до прохождения анализа она не осмеливалась глядеться в зеркало, думая, что безобразна, хотя на самом деле была удивительно хорошенькой. Когда в процессе анализа прорабатывались ее конфликты с матерью она вновь пережила сильный аффект, и в момент высвобождения аффекта она увидела себя в зеркале с лицом своей матери. Во всех рассматриваемых случаях наблюдаются также деструктивные импульсы по отношению к мужчинам. В сновидениях они обычно проявляются как кастрационные импульсы, а в жизни — в определенной степени всегда присутствующего желания причинить страдание мужчине, или в форме защиты против таких побуждений. Однако, эти, направленные против мужчин, импульсы, очевидно, только относительно связаны с идеей собственной

анормальности, их раскрытие в процессе анализа происходит обычно при малом сопротивлении и совсем не меняет общей картины. С другой стороны, тревога исчезает с раскрытием и проработкой деструктивных побуждений, направленных против женщин (матери, сестры, психоаналитика), и, наоборот, она остается неизменной, пока избыток этой тревоги препятствует возможности что-то сделать с жестоким чувством вины и всеми связанными с ним побуждениями. Защита в таком случае выглядит как сопротивление анализу, на которое я уже ссылалась, но является по сути защитой против чувства вины, и имеет приблизительно такое содержание: нет, я, конечно, не 166

причинила себе никакой травмы, я так просто так уж устроена. Последнее в то же время служит поводом для многочисленных жалоб на судьбу, которая так несправедливо распорядилась; или на наследственную предрасположенность: что дано от рождения — это все раз и навсегда; или, как в двух случаях,— на сестру, которая что-то сделала с гениталиями пациентки; или на постоянное угнетение в детстве, от которого не было избавления. Ясно видна функция таких жалоб — это защита от чувства вины, и поэтому пациентка за них держится. Первоначально я предполагала, что устойчивость идеи своей анормальности определялось иллюзией маскулинности, а сопутствующее чувство стыда — идеей утраты пениса или опасением, что он вырастет из-за мастурбации; я считала, что погоня за мужчиной была определена отчасти вторичным сверхподчеркиванием женственности и отчасти желанием иметь мужчину, если уж нет возможности им быть. Но по ходу дела, как я говорила выше, я пришла к убеждению, что фантазии о маскулинности не представляют динамически эффективного фактора и являются только выражением вторичных тенденций, имеющих корни в вышеописанном соперничестве с женщиной, и в то же время содержат рационализованное тем или иным путем обвинение несправедливой судьбе или матери в том, что не родила мужчиной, или являются выражением необходимости создавать в виде сновидений или фантазий средства уйти от мучительных конфликтов с женщинами. Имеются, конечно, клинические случаи, в которых приверженность иллюзии „я — мужчина" действительно играет динамическую роль, но у этих женщин наблюдается совершенно иная картина: в явно заметной степени имеет место идентификация с определенным мужчиной — отцом или братом — на основе которой, в основном, и происходит развитие в гомосексуальном направлении или формирование нарциссической установки. Таким образом, переоценка отношений с мужчинами может иметь свой источник совсем не там, где мы до сих пор его видели, то есть не в необычайной силе сексуального импульса, а в факторах, лежащих за пределами отношений мужчина — женщина, а именно — в восстановлении травмированной самооценки и в вызове торжествующей сопернице. Поэтому представляет интерес вопрос о том, действительно ли в погоне за мужчиной играет, и в какой степени, роль стремление к сексуальному удовлетворению. Несомненно, что сознательно борются именно за него, но верно ли это с точки зрения инстинктов? Весьма существенно, в этой связи, напомнить о том важном 167

факте, что этого удовлетворения ищут не со средним усердием, а определенно и непомерно переоценивают. Такая установка периодически была довольно отчетливой также и на сознательном уровне, но я вначале была склонна недооценивать ее, принимая во внимание, с одной стороны, силу сексуальных запретов, а с другой, силу непроизвольного стремления к мужчине, имеющую другое происхождение; следовательно, я воспринимала обсуждаемую установку как в значительной степени рационализацию, служащую для сокрытия бессознательных мотивов и для демонстрации стремления к мужчине как чего-то „вполне нормального и естественного". Теперь я считаю, что это стремление, без сомнения, является также и рационализацией, но в данном случае мы находим подтверждение еще и старому правилу, что пациент всегда —

в некотором смысле — прав. Отдав должное как самому естественному стремлению к сексуальному удовлетворению, так и сопутствующим ему внесексуальным элементам, мы, кроме того, должны согласиться с постоянным присутствием у наших пациенток избытка сексуального влечения, и особенно к гетеросексуальному половому акту. Если бы гиперсексуальность этих женщин была по сути, только средством протеста против самого факта существования других женщин или средством самоутверждения („нарциссической компенсацией"), то было бы очень нелегко объяснить тот факт, что в реальности, часто не осознавая этого, и, фактически — вразрез со своей сознательной позицией, они жадно ищут половых контактов практически с любым партнером. Они часто высказывают идеи, что без этого просто не могут чувствовать себя здоровыми и работоспособными. Эта рационализация возникает или из наполовину понятых идей психоанализа, или теорий о гормонах, или просто заимствуется из мужской идеологии о вреде воздержания 11. Насколько половой акт важен для них, видно по тому, что их усилия, чем бы они не были детерминированы в других отношениях, имеют общий знаменатель: обеспечение себя половым сношением, или хотя бы гарантией того, что не окажешься неожиданно лишенной возможности его совершить. Эти усилия реализуются тремя путями, по сути очень различными, но равнозначными по стоящей за ними мотивацией: это фантазии о проституции, стремление выйти замуж и желание быть мужчиной. Фантазии наших пациенток о проституции и замужестве с этой точки зрения почти однозначны и означают, при такой их основе, что под рукой всегда будет доступный мужчина. Желание быть мужчиной или ненависть к мужчинам при этом нередко обусловлены мифом о том, что мужчина может иметь сношение всегда, когда захочет. 168

Я считаю, что за такую переоценку сексуальности ответственны следующие три фактора:
1. С точки зрения экономии либидо, в типичной психологической структуре таких женщин много особенностей, толкающих их именно в сферу сексуальности, потому что путь к другим возможностям удовлетворения [или сублимации либидо — М. Р.] оказался слишком трудным. Гомосексуальные импульсы отвергаются, потому что они сочетаются с импульсами деструктивного характера и из-за позиции соперничества с другими женщинами. Мастурбация не удовлетворяет, даже если она, как в большинстве случаев, не была полностью подавлена. Остальные формы аутоэротического удовлетворения в широком смысле, как в прямом, так и в сублимированном виде — все, что делают и чем наслаждаются в одиночку (еда, зарабатывание денег, искусство, природа) — заторможены, и, главным образом, потому, что такие женщины, как и все люди, чувствующие себя обделенными жизнью, лелеют сильнейшее желание иметь что-нибудь для себя одной, не позволяя больше никому наслаждаться ни каплей своего сокровища, желание все забрать у всех — вытесняемое из-за порождаемой им ответной тревоги и из-за его несовместимости с прочими нормами поведения индивидуума. В дополнение к этому запреты у них проецируются на все сферы деятельности, которые, в соответствии со здоровым честолюбием, избираются другими людьми и приносят им громадное внутреннее удовлетворение.
2. Вышеописанный фактор позволяет объяснить реальное усиление сексуальных потребностей, а следующий — составляет непосредственную основу завышенной ценности половой жизни для этих женщин. Я говорю об изначальном поражении в сфере женского соперничества, в результате которого возник глубокий страх перед тем, что другая женщина постоянно будет мешать гетеросексуальной активности пациентки, что реально и достаточно ясно проявляется в ситуации переноса. Это, фактически, что-то вроде „афанизиса" 12, описанного Эрнстом Джонсом, хотя здесь это не тревога относительно утраты способности к сексуальным переживаниям, а скорее страх быть лишенной их навсегда внешними обстоятельствами. От такой тревоги женщина ограждается попытками достичь вышеупомянутой защищенности. Эта тревога приводит к

переоценке сексуальности в такой степени, в какой любая цель, становящаяся объектом спора, всегда переоценивается.
3. Наличие третьего источника кажется мне менее надежным, так как я не смогла обнаружить его присутствие во всех случаях. Некоторые из этих женщин, как уже было упомянуто, 169

припоминали пережитое в раннем детстве сексуальное возбуждение, похожее на оргазм. О том, что у некоторых женщин такое переживание имело место, можно было судить по таким явлениям, как страх достичь оргазма при половом акте, хотя сновидения выдавали, что он им знаком. Пережитое в раннем детстве возбуждение испугало или из-за специфических условий, в которых произошел оргазм, или из-за его силы, сокрушительной для незрелого субъекта, вследствие чего переживание было вытеснено. Пережитый опыт, однако, оставил ощущение удовольствия, намного превосходящего любое другое, и чего-то странно живительного для всего организма. Я склонна думать, что это бессознательная память об этом детском ощущении принуждает тех женщин, которые его испытали,— в гораздо большей степени, чем это происходит обычно — принимать сексуальное удовлетворение за эликсир жизни, которым могут снабдить только мужчины, без которого любая женщина должна иссохнуть и зачахнуть и недостаток которого делает невозможным успех в любой другой сфере. Последнее, однако, нуждается в дальнейших подтверждениях. Несмотря на то, что погоня за мужчинами обусловлена многочисленными внутренними факторами и несмотря на энергичность предпринимаемых усилий, все попытки достижения этой цели, как правило, обречены на неудачу. О причинах неудачи уже было сказано. Ее корни в том же, что однажды уже привело к поражению в соревновании за мужчину, и в то же время заставляет снова прилагать исключительные усилия для его завоевания. Установка на озлобленное соперничество с женщинами вынуждает обсуждаемую группу пациенток демонстрировать вновь и вновь свое эротическое превосходство, но в то же время их деструктивные импульсы, направленные на женщин, неизбежно связывают любое соперничество за мужчину с глубокой тревогой. В соответствии с силой этой тревоги и, возможно, даже более в соответствии с субъективным осознанием неизбежного поражения и последующего снижения самооценки, конфликт между преувеличенным стремлением соперничать с другими женщинами и преувеличенной тревогой, возникающей вследствие соперничества, приводит внешне или к избеганию такого соперничества или к увеличению усилий в этом направлении. Следовательно, внешние проявления могут быть абсолютно различными: от женщины, чрезвычайно заторможенной в проявлении хоть какой-нибудь, необходимой для завязывания отношений, симпатии к мужчинам и одновременно стремящейся к ним так отчаянно, что это исключает любое другое желание; и до жен-170

щины — настоящего Дон-Жуана. Основанием для включения всех этих женщин в одну категорию, вопреки из внешнему несходству, является не только подобие их основных конфликтов, но также подобие их эмоциональной ориентации, несмотря на разницу в их образе жизни, точнее — несмотря на отличие их установок в сфере эротики. Уже было упомянуто, что «успех» у мужчин для женщин этой группы, даже в случае его достижения, не имеет какой-либо эмоциональной ценности сам по себе. Это обстоятельство является важным проявлением их внутреннего сходства. Более того, ни в одном случае эти женщины не достигали физически или психически удовлетворительных отношений с мужчиной. Оскорбленная женственность влечет этих женщин как прямо, так и через страх не быть нормальной к тому, чтобы доказать свою женскую состоятельность самой себе; но так как эта цель недостижима из-за постоянного самоуничижения, возникает необходимость постоянной смены мужчин. Их интерес к мужчине порой так

силен, что может создавать у окружающих иллюзию безумной влюбленности, ослабевающей однако, как правило, как только он «завоеван» — то есть, как только он стал эмоционально зависимым от них. Уже описанная мной характерная для переноса тенденция — делать человека зависимым через любовь, имеет еще один обусловливающий фактор. Она определяется тревогой, которая подсказывает, что зависимость — это опасность, которой надо избегать любой ценой, а поскольку любовь или любая эмоциональная привязанность создает сильную зависимость, то она и представляет собой то самое зло, которого нужно избегать. Страх стать зависимой — это, другими словами, глубокий страх перед разочарованиями и унижениями, которого они ждут как неизбежного результата своей влюбленности. Пережив унижение в детстве, теперь они хотят унижать других. Исходный опыт, оставивший после себя такое сильное чувство уязвимости, как правило, был связан с мужчиной, но стереотипы поведения, явившиеся его следствием, направлены почти в равной степени и на мужчин, и на женщин. Например пациентка, как раз та, которая хотела сделать меня зависимой с помощью подарков, как-то выразила сожаление, что не пошла к психоаналитику-мужчине, потому что мужчину легче заставить влюбиться, и тогда — игра выиграна. Самозащита от эмоциональной зависимости соответствует, таким образом, желанию быть неуязвимой, более Зигфрида из немецкой саги, искупавшегося для этого в крови дракона. В других примерах механизм защиты проявляется в деспоти-171

ческих тенденциях и бдительном наблюдении за тем, чтобы партнер остался более зависимым от нее, чем она от него, и это желание, конечно, вызывает открытую или подавленную ярость в ответ на любые малейшие проявления независимости партнера. Двойным образом обусловленному непостоянству в отношениях с мужчинами в полной мере соответствует глубоко скрытое желание взять реванш или другое желание, также возникшее после первого поражения; это желание извлечь из мужчины все, что можно, и отбросить его в сторону, отвергнуть его, также, как она сама была когда-то брошена в сторону и отвергнута. Из сказанного очевидно, что шансов найти подходящий объект у этих женщин очень мало или даже просто не существует (а по причинам, связанным отчасти с их отношением к другим женщинам, а отчасти — с их самооценкой, эти женщины слепо хватаются за любого мужчину). Эти шансы, более того, в двух третях случаев, разбираемых здесь, еще сильнее снижались из-за фиксации на отце, то есть том лице, за которого, в основном, и шла борьба в детстве пациенток. В этих случаях сначала создавалось впечатление, что они фактически ищут отца или его образ, что они бросают мужчин очень быстро именно потому, что те не соответствуют этому идеалу, а также потому, что они становятся объектом возмездия, первоначально предназначенного отцу. Другими словами, фиксация на отце составляет ядро невротических расстройств у этих женщин. Хотя эта фиксация фактически является усиливающей, тем не менее, несомненно, что в генезисе данного типа нарушений этот фактор не специфичен. Во всяком случае, фиксация на отце не составляет динамической сути особых проблем, в которых мы здесь разбираемся, потому что приблизительно в одной трети случаев не было обнаружено никаких признаков того, что уровень фиксации на отце превосходил бы обычный по интенсивности или по каким-то другим параметрам. Я упоминаю здесь об этом чисто по техническим причинам, так как опыт показывает, что когда в процессе анализа проходишь через эти ранние фиксации, не проработав сперва всю проблему в целом, то быстро заходишь в тупик. Для таких пациенток существует чуть ли не единственный рациональный выход из этой печальной ситуации, а именно — чего-то достичь, заслужить уважения, удовлетворить честолюбие. Все такие женщины без исключения ищут этот выход, и на этом пути у них чрезвычайно развивается амбициозность. Ими движут могущественные импульсы, исходящие из раненой женской самооценки и из преувеличенного чувства соперничества. В основе их поведения легко обнаруживается стремление восста-172

новить самооценку, базируясь на своих успехах и достижениях, и таким образом торжествовать над всеми соперницами, и если не удается в эротической сфере — то на другом поле деятельности, выбор которого определяется личными способностями 13. Однако, они обречены на неудачи и на этом пути. Рассмотрим теперь причины неизбежности этих неудач. Мы можем это сделать быстро, потому что трудности в этой сфере достижений по сути те же самые, которые мы видели в эротической сфере, и все, что нужно рассмотреть — это форму, в которой они проявляются. Параллелизм поведения таких женщин в эротической сфере и прочих сферах достижений, наиболее очевиден, конечно, в ситуации соперничества. У тех, кто почти патологически одержим идеей исключить всех остальных женщин из соревнования, существует сознательное честолюбие и стремление к признанию в любом виде соревновательной деятельности, но ясно видно, что за этим стоит отсутствие ощущения собственной защищенности. Такое поведение проявлялось в трех случаях, которые, несмотря на непомерное честолюбие женщин, представляют, фактически, образец абсолютной обреченности на провал упорного преследования заданной цели. Даже самая мягкая критика всегда обескураживала их, и этого же достигала похвала. Критика затрагивала их тайный страх перед своей неспособностью успешно соревноваться, а похвала — боязнь какого бы то ни было соперничества, особенно, конечно, удачливого. Второй элемент, повторяющийся в этих случаях с неизменным постоянством — был их Дон-Жуанизм. Точно также, как им постоянно были нужны все новые мужчины, они не могли связать себя каким-либо постоянством в деятельности. Они любили говорить, что привязанность к определенной работе лишает их возможности следовать своим другим интересам. То, что это рационализация, выдает тот факт, что на самом деле они чаще всего не преследовали никаких других интересов. У тех, кто избегает любого соперничества в эротической сфере под действием навязчивой идеи о своей неспособности понравиться, честолюбие как таковое также почти полностью подавлено. В присутствии тех, кто даже только по внешнему впечатлению умеет что-то делать лучше, они чувствуют, что их полностью оттеснили на задний план, чувствуют себя ненужными и реагируют на такие ситуации страшными взрывами ярости — точно так же, как и в ситуации переноса, и затем легко впадают в депрессию. Когда дело доходит до замужества, их собственное подавленное честолюбие нередко переносится на мужа, и тогда со всей силой их собственных амбиций они требуют успехов от него. Но 173

этот перенос честолюбия имеет только частичный успех, потому что вследствие их собственной неизменной установки на соперничество они в то же время бессознательно ожидают от него неудачи. Какая именно установка по отношению к мужу возьмет верх, зависит от силы его собственной потребности в мужских достижениях (sex-maximation). Таким образом, на основании тех же умозаключений, с помощью которых она приходит к отказу от эротического соперничества, с самого начала муж может оцениваться как недосягаемый соперник, по отношению к которому женщина всегда оказывается перед угрозой падения в пропасть чувства некомпетентности, сопровождаемого глубокой обидой на него. Во всех этих случаях имеется и еще одна первостепенной важности неразрешимая проблема, возникающая из-за поразительного расхождения между раздутым честолюбием пациенток и их пониженной уверенностью в себе. Все эти женщины могли бы продуктивно использовать свои индивидуальные способности: как писатели, ученые, врачи, художники или организаторы. Но совершенно очевидно, что для любой продуктивной деятельности необходима определенная самоуверенность, а заметный ее недостаток оказывает парализующее действие. Это верно, конечно, и здесь. Рука об руку с их преувеличенным честолюбием с самого начала идет недостаток смелости, происходящий от их подавленного душевного состояния. В то же время,

большинство пациенток не осознают вызванного их неудовлетворенным честолюбием ужасного напряжения, в котором они работают. Это расхождение имеет практические последствия. Эти женщины хотят, не осознавая того, достигнуть вершин с самого начала — например, прекрасно уметь играть на пианино, не упражняясь, или замечательно рисовать, не овладев техникой рисунка, достигнуть успеха в науке без тяжелого труда, или ставить диагноз по сердечным шумам и легочным хрипам не практикуясь. Свою неизбежную неудачу они не приписывают своим нереальным и преувеличенным ожиданиям, но относят ее на счет своей общей неспособности. При этом они склонны бросить любую работу, какой занимались, и поэтому им не удается приобрести через терпеливый труд знания и умения, необходимые для достижения успеха, и так происходит дальнейшее расхождение между повышенным честолюбием и недостаточной уверенностью в себе. Чувство неспособности чего-либо достичь, которое так же мучительно в области практической деятельности, как и в эротической сфере, из которой оно происходит, как правило, очень устойчиво. Пациентка полна решимости доказать себе и другим, 174

и, главным образом, психоаналитику, что она не умеет делать ничего, что она просто глупая и неловкая. Она отметает все доказательства противоположного и принимает каждую похвалу как лживую лесть. Что же питает эти тенденции? С одной стороны, убежденность в собственной неспособности предоставляет прекрасное прикрытие, под которым можно ничего не делать, и замечательно защищает от опасности успешного состязания. Но приверженность неспособности что-либо делать содействует не столько этой защите, сколько позитивному стремлению, доминирующему в общей картине, а именно — стремлению добыть себе мужчину, или, скорее, выманить мужчину у судьбы вопреки всему, и сделать это, раздавая доказательства своей слабости, зависимости и беспомощности. Такой «коварный план» всегда существует абсолютно бессознательно, но тем упрямее ему следуют, а то, что вначале кажется бессмысленным, при рассмотрении с позиции бессознательных ожиданий, оказывается спланированным и целенаправленным стремлением к определенному результату. «План» выходит на поверхность различными путями, например, в виде некоторых смутных, но тем не менее упорных представлений об альтернативе между мужчиной и работой, или о том, что работа и независимость отрезают путь к мужчинам. Объяснения, что такая идея не имеет реальных оснований, не производят на таких пациенток ни малейшего впечатления. Та же судьба постигает объяснения, что альтернатива между мас-кулинностью и феминностью, пенисом и детьми — ложна. Их упрямство становится понятно, если его рассматривать как выражение вышеизложенного «плана», даже если он не осознан. Одна пациентка, у которой идея такой альтернативы играла значительную роль в ее сильнейшем сопротивлении любой работе, в ситуации переноса проявляла свое скрытое желание в следующей фантазии: платя гонорар аналитику, она потратит все свои деньги и постепенно дойдет до нищеты. Анализ, однако, не поможет ей преодолеть ее запреты на работу. Она будет лишена всех средств к существованию и не сможет зарабатывать на жизнь. Аналитику тогда придется о ней заботиться, в особенности ее первому аналитику (мужчине). Эта же пациентка пыталась заставить аналитика запретить ей работать, настойчиво подчеркивая не только свою неспособность к работе, но даже вред, наносимый ей работой. Когда ее убеждали заняться работой, которая бы ей подходила и с которой она бы справлялась, пациентка реагировала — достаточно логично, в общем-то — гневом, который шел от фрустрации в ее тайном плане, в то время как его осознаваемым содержанием было то, что аналитик 175 смотрит на нее только как на рабочую лошадь и хочет фрустри-ровать ее женское развитие. В других случаях основное содержание ожиданий выражалось в зависти к женщине, которую мужчина поддерживает или помогает ей продвинуться в работе. Близких по теме фантазий было не счесть: о получении от мужчины помощи или

подарков, детей или сексуального удовлетворения, духовной или моральной поддержки. Содержание соответствующих орально-садистских фантазий явствовало из сновидений. В двух случаях это были отцы собственной персоной, которых пациентки вынуждали их содержать, демонстрируя свою неспособность содержать себя самим. Их установка остается неизменной до тех пор, пока влезает в рамки их тайного ожидания: если я не могу получить любовь от моего отца (что значит — от мужчины) естественным путем, я добуду ее, став беспомощной. Это магическое взывание к отцовской жалости и являлось в действительности задачей их ма-зохистской установки, невротически искаженным средством достижения гетеросексуальной цели, которой, как считали пациентки, они не достигнут другим путем 14. Упрощая, можно сказать: источник их ощущения, что им очень трудно работать, находится в этих случаях в их неспособности заинтересоваться работой. Фактически слова «трудно работать» не отражают существа дела адекватно, потому что в большинстве случаев дело доходит до ощущения полной пустоты в голове. Их цели остаются фиксированными в эротической сфере, конфликты, существующие в этой сфере, переносятся на работу и, наконец, запрет на работу «компенсируется» их желанием вымогать любовь, по крайней мере косвенным путем, в форме сострадания и нежной заботы. Так как работа согласно «плану» остается не только непродуктивной и не приносящей удовлетворения, но становится реально болезненной, такие пациентки рвутся с удвоенной силой обратно в сферу эротики. Этот вторичный процесс может быть запущен личным сексуальным опытом, например замужеством, или подобными событиями в окружении. Это служит объяснением уже упомянутой возможности того, что анализ тоже может стать запускающим фактором вторичного процесса, а именно, в том случае, когда аналитик, неверно оценив истинное положение вещей, делает с самого начала упор на сексуальную сферу. Трудности, естественно, углубляются с возрастом. Молодая девушка легко утешается после эротических неудач и надеется на лучшую «судьбу». Экономическая независимость, по крайней мере в среднем классе общества, пока еще не представляет ей 176

острой проблемы, а сужение сферы интересов сказывается еще не очень жестко. С возрастом же, скажем, около тридцати, продолжение неудач в любви воспринимается как фатальное, возможность создать приносящие удовлетворение отношения постепенно становится все более призрачной, в основном по внутренним причинам: растущая неуверенность в себе, замедление общего развития и, следовательно, неспособность достичь очарования зрелых лет. Чем дальше, тем больше обременяет экономическая зависимость. И, наконец, все в большей степени ощущается пустота в сфере работы и достижений, так как с годами на достижениях фиксируется все больше внимания как самой женщиной, так и ее окружением. Ей кажется, что жизнь теряет смысл и постепенно развивается озлобленность, потому что такая женщина неизбежно все больше и больше запутывается в двойном самообмане. Она думает, что может обрести счастье только через любовь, в то время как оставаясь такой, как она есть, она неспособна к любви, а с другой стороны — она неспособна ни к чему, так как у нее нет веры в свои способности. Каждый читатель по всей вероятности заметил, что тип женщины, изображенный здесь, часто встречается в наши дни, во всяком случае в интеллектуальных кругах среднего класса, хотя, может быть, и не в такой явной форме. В начале статьи я выразила мнение, что распространенность этого типа во многом определена социальными причинами, а именно, узостью сферы женской деятельности. В описанных здесь случаях, однако, ясно, что особенности невротических расстройств были в не меньшей степени обусловлены неудачным индивидуальным развитием. В итоге может возникнуть впечатление, что две группы обстоятельств — социальных и индивидуальных — отделены друг от друга. Конечно, это не так. Можно доказать в каждом отдельном случае, что такой тип женщины мог сложиться только на основе индивидуальных факторов, но я полагаю, что в нынешней

социальной обстановке относительно небольших трудностей личного развития достаточно, чтобы повести женщину по направлению к описанному типу женственности, чем и объясняется его распространенность. 1 Бриффо Р. «Матери» — Лондон, 1927. Том 2, стр. 253: «Половое разделение труда, на котором было основано социальное развитие в первобытных обществах, было отменено великой экономической революцией, вызванной началом земледелия. Женщина, бывшая в положении главного производителя, стала эко-

номически непродуктивной, лишенной собственности и зависимой... Лишь одна экономическая ценность была оставлена за ней — ее пол». 2 Установка по отношению к мужчине-аналитику может быть той же самой. Как вариант, перенос может представлять, временно или постоянно, картину, описанную Фрейдом как «логика лапши и супа». В первом случае аналитик-женщина представляет, преимущественно, мать или сестру (но никоим образом не всегда, и, следовательно, каждая ситуация должна рассматриваться по существу). •Во втором случае хроническая нужда завоевывать мужчину, характерная для этой группы пациенток, направляется на самого психоаналитика. 3 Меня неоднократно потрясало, что, когда бы я ни демонстрировала этим пациенткам их желание быть мужчиной, свободное от любых объектных отношений, они неизменно реагировали наивным недоверием, как если бы я «попрекала» их гомосексуальностью [К. Х.]. Перенос — особые отношения, которые возникают между пациентом и аналитиком в процессе терапии, при этом — эти отношения всегда в определенной степени моделируют ранние эмоциональные стереотипы общения, в которых пациент испытывал удовольствие или чувство защищенности, поэтому нередко возникает проекция на аналитика тех инфантильных установок и аффективных желаний пациента, которые испытывались им по отношению к родителям или лицам их заменяющим [М. Р.]. 4 Проекция — бессознательная и чаще всего ошибочная уверенность, что субъект общения обладает такими же точно мыслями, желаниями и влечениями или, также бессознательное, наделение его своими собственными чувствами [М.Р.]. 5 Сопротивление — один из механизмов психологической защиты, связанный со стремлением не допустить в сознание ранее вытесненные, имеющие бессознательную природу, мысли, желания или влечения. Наиболее ярко проявляется во время психоаналитических сеансов в форме, например, полного отказа от продукции свободных ассоциаций или заявлений, что возникающие ассоциации «абсолютно бессмысленны», «не имеют значения» и т. п. [М. Р.]. 6 В ситуациях аналитика-мужчины такие фантазии являются достаточно обычными и практически всегда требуют специальной работы с переносами [М.Р.]. 7 Цензура — структура психики, ответственная за предотвращение перехода на сознательный уровень неприемлемых для личности мыслей или желаний [М.Р.]. 8 Табу — запрет, нарушение которого предполагает чаще всего суеверно обусловленное и, следовательно, имеющее индивидуально-психологическую природу, наказание [М. Р.]. 9 Подавление — один из механизмов психологической защиты, характеризующий, как правило, «выталкивание» какого-либо психического содержания в подсознание и удержание его там [М. Р.]. 10 Создается впечатление, что эта тревога глубочайшим образом связана с мастурбацией, тем не менее пока трудно вынести определенное суждение об этом без точных данных в его поддержку. Во всяком случае, желание иметь детей чрезвычайно сильно у всех таких женщин и в большинстве случаев изначально сильно вытеснено. 11 Длительное воздержание в период половой зрелости, и особенно после 35—40 лет, действительно вредно для обоих полов, и даже более для женщин, нежели для мужчин, так как, если у последних оно может иногда вызы-

вать лишь преждевременное ослабление сексуальной фукнции, то у женщин неудовлетворенная сексуальность нередко становится одним из психофизиологически

обусловленных факторов развития различных соматических заболеваний [М. Р.]. 12 Эрнст Джонс ввел этот термин для обозначения глубокого страха перед утратой сексуальных стремлений и, соответственно, возможности сексуального удовлетворения. [К. Х]. Афанизис (греч.) — исчезновение, превращение в невидимое, уничтожение [М.Р.]. 13 Сейчас, в 90-е годы мы реально наблюдаем, что этим полем деятельности нередко становится политика, при этом в нее привносится практически вся упомянутая автором атрибутика отношений как к мужчинам, так и к женщинам [М.Р.]. 14 Ход рассуждений здесь, в основном, тот же самый, что и у Райха в его «Ма-зохистском характере» (Intern Zeitsch, 1932), в частности, в той степени, в которой Райх демонстрирует нам мазохистское поведение субъекта в целях достижения в конце удовольствия [К. Х.]. Аналогичные тенденции и основы поведения мной наблюдались и у мужчин, у которых беспомощность и неспособность ни к чему была лишь маской страха неуспеха гетеросексуальных отношений и одновременно выражением неосознаваемой установки на получение во что бы то ни стало всеобъемлющей материнской заботы и всепрощающей материнской любви. Как мне представляется, эти, не такие уж редкие, тенденции представляют собой разновидность садомазохизма, в основе которого лежит невротически искаженный способ сексуальной поведенческой адаптации [М. Р.]. 179

ПРОБЛЕМА ЖЕНСКОГО МАЗОХИЗМА По докладу, представленному на заседании Американской Психоаналитической Ассоциации (Вашингтон, 26 декабря 1933 г.) Интерес к проблеме женского мазохизма распространен далеко за пределами медико-психологических сфер, так как, по крайней мере для тех, кто изучает западную культуру, эта проблема затрагивает сами основы определения места женщины в культуре. Факты, как мне кажется, свидетельствуют, что в нашей культуре мазохистский феномен чаще встречается у женщин, чем у мужчин. Имеются два подхода к объяснению этого наблюдения. Первый — это попытка выяснить, не присущи ли мазохистские тенденции самой женской природе. Второй — оценить роль социальных условий в происхождении существующих между полами различий в частоте мазохистских тенденций. В психоаналитической литературе, судя по работам таких авторов, как Шандор Радо и Хелен Дейч, до сих пор проблема рассматривалась только с точки зрения на женский мазохизм как на психическое последствие анатомической разницы полов. Психоанализ, таким образом, предоставлял свой научный аппарат для поддержки теории исконного родства между мазохизмом и женским организмом. Возможность социальной обусловленности с психоаналитической точки зрения пока еще не рассматривалась. Задача настоящей статьи — попытаться раскрыть соотношение биологических и культуральных факторов в этой проблеме, а также рассмотреть валидность имеющихся на этот счет психоаналитических данных и задаться вопросом, можно ли использовать психоаналитический метод для исследования возможной социальной обусловленности этого явления. Приведем вначале существующие на данный момент психоаналитические представления. Специфическое удовлетворение, которое ищет и находит женщина в половой жизни и в материнстве, носит мазохистский характер. Глубинное содержание ранних сексуальных желаний и фантазий, относящихся к отцу, составляет стремление быть изувеченной, то есть кастрированной им 1. Менструация имеет 180

скрытый смысл переживания мазохистского опыта. В половом акте женщина тайно стремится к насилию и жестокости, или — в психическом плане — к унижению. Процесс деторождения дает ей бессознательное мазохистское удовлетворение, также как и материнские обязанности по отношению к ребенку. Более того, если для мужчины характерны мазохистские фантазии или действия, это является выражением его подсознательного стремления играть роль женщины. Дейч 2 предполагает существование генетического фактора биологической природы, который ведет с неизбежностью к мазо-

хистской концепции женской роли. Радо 3 указывает на неизбежное обстоятельство, направляющее сексуальное развитие по мазохистскому руслу. Существует разница мнений лишь в одном: представляют ли особые женские формы мазохизма отклонение в развитии женщины, или являются «нормальной» женской установкой. Предполагается, по крайней мере по умолчанию, что мазохистские наклонности также гораздо чаще встречаются у женщин, чем у мужчин. Такое заключение неизбежно, если придерживаться основной психоаналитической теории, что поведение в жизни в целом строится по образцу сексуального поведения, а оно у женщин считается мазохистским. Поэтому, если большинство женщин или все они — мазохистичны в своем отношении к половой жизни и репродукции, то и во внесексуальных областях мазохисткие тенденции будут у них с неизбежностью проявляться гораздо чаще, чем у мужчин. Такие рассуждения показывают, что оба автора по существу имеют дело с проблемой нормальной женской психологии, а не исключительно с проблемой психопатологии. Радо утверждает, что он рассматривает только патологические явления, но из его теории о происхождении женского мазохизма нельзя не заключить, что половая жизнь подавляющего большинства женщин патологична. Разница между его взглядами и взглядами Дейч, утверждающей, что быть женщиной — значит быть мазохистич-ной, таким образом, скорее теоретическая, чем практическая. Нет надобности подвергать сомнению тот факт, что женщины могут искать и находить мазохистское удовлетворение в мастурбации, менструации, половом акте и деторождении. Никто не спорит, что это бывает. Вопрос в том, как часто это бывает, и почему так происходит. И Дейч, и Радо, занимаясь этой проблемой, полностью игнорируют вопрос о распространенности явления, так как твердо решили — психогенетические факторы так могущественны и вездесущи, что изучать распространенность явления совершенно излишне. 181

Что касается генезиса, оба автора полагают, что поворотный этап в женском развитии наступает, когда девочка осознает, что у нее нет пениса. Предполагается, что шок от этого открытия будет долго на нее действовать. Для такого предположения имеются два источника данных: выявляемое при анализе невротических женщин желание обладать пенисом или фантазии о том, что он когда-то у них был; и наблюдения над маленькими девочками, выражающими желание тоже иметь пенис, когда они обнаруживают, что он есть у мальчиков. Этих наблюдений оказывается достаточно, чтобы построить рабочую гипотезу о том, что маскулинные желания того или иного происхождения играют роль в женской сексуальной жизни, и такая гипотеза может быть использована для объяснения некоторых невротических явлений у женщин. Следует помнить, однако, что эта гипотеза, а не факт, и что она даже как гипотеза не бесспорна. Когда же нам заявляют, что стремление к маску-линности является динамическим фактором первостепенного значения не только у невротичных женщин, но и у любой женщины, независимо от ее индивидуальности и места в культуре, нельзя не заметить, что в поддержку этого заявления данных нет. К сожалению, вследствие ограниченности наших исторических и этнологических сведений, нам почти ничего не известно о психически здоровых женщинах и о женщинах, живущих в различной культурной среде. Таким образом, ввиду отсутствия данных о частоте, обусловленности и удельном весе наблюдаемой реакции девочек на открытие пениса, само предположение о том, что это — поворотный этап в женском развитии, побуждает к размышлениям, но едва ли может служить ключевым звеном в цепочке доказательств. Действительно, почему должна девочка превратиться в мазохистку, когда обнаруживает, что у нее нет пениса? Дейч и Радо доказывают это разным путем. Дейч полагает, что «активно-садистское либидо, до той поры привязанное к клитору, отражается от барьера внутреннего осознания субъектом отсутствия у нее пениса... и отражается чаще всего в регрессивном направлении, к мазохизму». Этот скачок к мазохизму — «часть женской анатомической судьбы». Давайте спросим снова: «А где же факты?». Насколько я вижу, единственным фактом являются садистские фантазии у

маленьких детей. Этот факт непосредственно наблюдается при психоанализе невротических детей (на что указывает М. Клейн) и реконструируется при психоанализе взрослых невротиков. Доказательств в пользу всеобщности этих ранних садистских фантазий нет, и итересно, например, присутствуют ли они у девочек 182

американских индейцев и маленьких тробриандок. Однако, даже допуская эту всеобщность, требуется доказать еще три предположения, необходимых для полноты картины:

1. Что эти садистские фантазии генерируются активно-садистским катексисом либидо клитора.
2. Что девочка отказывается от мастурбации на клиторе в связи с нарциссической травмой, обнаружив отсутствие пениса.
3. Что либидо, активно-садистское до этой поры, автоматически разворачивается вовнутрь и становится мазохистским. Все три предположения представляются мне в высшей степени спекулятивными. Известно, что человека может испугать его собственная враждебность и вследствие этого он предпочтет страдательную роль, но как катексис либидо органа может быть садистским и затем развернуться вовнутрь — остается загадкой. Дейч хотела «изучить генезис феминности», под которой она понимает «феминный, пассивно-мазохистский характер ментальности женщин». Она подтверждает, что мазохизм — основная составляющая женской ментальности. Нет сомнения, что часто это именно так в тех случаях, когда мы имеем дело с женщинами-невротиками, но гипотеза, утверждающая, что это психо-биологически неизбежно для всех женщин, неубедительна. Радо более осторожен. Во-первых, он не начинает с попытки раскрыть «генезис феминности», а указывает на желание найти объяснение некоторым клиническим наблюдениям невроза у женщин и далее представляет ценные данные о различных видах их защиты против своих мазохистских побуждений. Более того, он не принимает желание обладать пенисом за факт, а признает, что здесь могут возникать вопросы. Напомню, что я уже поднимала этот вопрос, а впоследствии это сделали Джонс и Лампль де Гро. Предложенные каждым из авторов решения никоим образом не совпадают. Джонс, Радо и я согласны в том, что маскулинные желания или фикция маскулинности — эта защита. Однако Джонс предполагает, что эта защита от опасности афанизиса, а Радо и я — от кровосмесительных желаний по отношению к отцу 4. Лампль де Гро считает, что стремление к маскулинности обязано своим возникновением ранним сексуальным желаниям по отношению к матери. Обсуждение наших разногласий вывело бы нас за рамки этой статьи. Поэтому, здесь я лишь скажу, что, по моему мнению, проблема еще не решена. Радо предлагает следующую схему развития девочки в мазо-хистском направлении после открытия пениса. Он согласен с Фрейдом, что это открытие — неизбежный нарциссический шок для девочки, но он думает, что последствия его зависят от 183

различных эмоциональных условий. Если открытие происходит в период раннего сексуального расцвета, то оно вызывает у девочки, согласно Радо, в дополнение к нарциссическому шоку, особенно болезненные переживания, так как она делает вывод, что мужчины получают от мастурбации больше удовольствия, чем женщины. Это переживание, думает Радо, так болезненно, что навсегда отравляет девочке удовольствие от мастурбации. Прежде чем мы увидим, как Радо выводит генезис женского мазохизма из такой предполагаемой реакции девочки, необходимо обсудить, каким же образом осознание возможности большего удовольствия другого может отравить доступное наслаждение, рассматриваемое в этом случае как наслаждение низшего ранга. Как такое предположение соотносится с тем, что мы видим в обыденной жизни? Можно подумать, что мужчина, считающий недоступную ему Грету Гарбо красивее других женщин, в

результате «открытия» превосходства ее очарования утратит все удовольствие от общения с доступными ему женщинами? Разве для того, кому нравятся горы, может испортить всю радость от них мысль о возможно еще более приятном морском курорте? Конечно, иногда такое случается, но только с людьми определенного типа — исключительно, патологически жадными. Принцип, применяемый Радо, никак нельзя назвать принципом наслаждения, скорее этот принцип жадности, и он, как таковой, хотя и ценен для объяснения некоторых невротических реакций, едва ли будет полезен при работе с нормальными детьми или взрослыми, так как, физически, противоречит принципу наслаждения. Принцип наслаждения подразумевает, что человек стремится извлечь удовольствие из любой ситуации, даже когда для этого нет не только максимальных возможностей, даже когда возможности мизерны. За нормальное протекание такой реакции отвечают два фактора: 1) высокая адаптивность и гибкость нашего стремления к удовольствию, отмеченные Фрейдом как характеристика здорового человека в отличие от невротика и 2) автоматически реализуемый процесс сверки наших необузданных желаний с реальностью, в результате которого мы осознаем или бессознательно принимаем, что для нас доступно, а что нет. Допустим, что процесс сверки с реальностью замедлен у детей по сравнению со взрослыми, но мы видим, что девочка, любящая свою тряпичную куклу, хотя и может горячо возжелать пышно разодетую принцессу с витрины, тем не менее будет весело играть со своей, если увидит, что ту красавицу ей никак не заполучить. Давайте, однако, примем на минуту предположение Радо, что девочка, до сих пор находившая удовлетворявший ее выход 184

для своей сексуальности, с открытием пениса теряет удовольствие от мастурбации. Как это толкнет ее развитие к мазохизму? Радо рассуждает так: чрезвычайная ментальная боль, причиненная открытием пениса, возбуждает девочку сексуально и это доставляет ей удовольствие взамен утраченного. Лишенная естественных средств, она с этого времени имеет единственный путь извлечения удовольствия — через страдание. Ее сексуальные стремления становятся и остаются мазохистскими. Она может впоследствии, находя цель своих стремлений опасной, выстраивать различные защиты, но сами сексуальные стремления определенно и перманентно возвращаются в мазохистское русло. Напрашивается один вопрос. Допустим, что девочка на самом деле жестоко страдает от представления о недостижимости грандиозного источника наслаждения. Но почему это должно возбуждать ее сексуально? Раз автор строит концепцию длящейся на протяжении всей жизни мазохистской установки на этой предполагаемой реакции, мы вправе ожидать доказательств ее существования. Но так как мы пока не получили таких доказательств, попробуем сами проанализировать аналогичные ситуации, которые могли бы придать этому предположению Радо правдоподобие. Подходящим примером, в котором бы выполнялись все условия случайности открытия девочки, может стать внезапное исчезновение возможности обычной сексуальной разрядки вследствие какого-то трагического происшествия. Возьмем, например, случай мужчины, ведущего нормальную половую жизнь и вдруг попавшего в тюрьму под такой жестокий надзор, что все способы полового удовлетворения закрыты. Станет он мазохистом? Будут ли его возбуждать побои и издевательства, которые он видит, воображает или испытывает сам? Будет ли он фантазировать о том, как его преследуют и причиняют страдания? Нет сомнения, что бывает и такая, мазохистская, реакция. Но также нет сомнения, что это только одна из возможных реакций, и она наступит только у человека, имевшего мазохистские тенденции и прежде. Другие примеры приведут к тому же заключению. Женщина, брошенная мужем, лишенная источника непосредственного сексуального удовлетворения и не ожидающая ничего в перспективе, может реагировать мазохистски, но чем больше в ней здоровой уравновешенности, тем легче она перенесет временное лишение и найдет удовольствие в друзьях, детях, работе или других радостях жизни. Женщина отреагирует

на такую ситуацию мазохистски, только если у нее и раньше обнаруживалась склонность к мазохистскому поведению. Я осмелюсь предположить, что автор считает свое (достаточ-
185

но спорное) предположение о реакции девочки самоочевидным из-за переоценки устойчивости и силы сексуальной потребности. Он словно приписывает этой потребности такую же нетерпеливую жадность, какая, как предполагается, присуща стремлению к наслаждению вообще; а говоря точнее, автор уверен, что если у человека перекрывают выход сексуальности, он немедленно должен хвататься за первую попавшуюся возможность для сексуального возбуждения и удовлетворения. Другими словами, реакции вроде той, которую описывает Радо, конечно существуют, хотя они никоим образом не самоочевидны и не неизбежны; их возникновение предполагает, что ма-зохистские импульсы существовали и раньше, а сами реакции являются только выражением мазохистских тенденций, а не их основой. Если следовать за ходом рассуждений Радо, то мы должны только удивляться тому, что мальчики не превращаются в мазохистов. Почти каждый маленький мальчик получает возможность заметить, что его пенис меньше пениса взрослого мужчины. Он воспринимает это как то, что взрослый — отец или кто-то другой — может получить большее удовольствие, чем он сам. Идея о доступности кому-то большего удовольствия должна отравить его наслаждение от мастурбации. Он должен бросить это занятие. Он должен жестоко страдать ментально, а это возбудит его сексуально, он примет эту боль как суррогатное удовольствие и с той поры будет мазохистом. Но это, вроде бы, не часто случается. И последнее критическое замечание. Допустим, что открытие пениса причиняет девочке жестокие страдания; допустим, что идея возможности большего удовольствия портит впечатление от доступного; допустим далее, что душевная боль возбуждает ее сексуально и она находит в этом суррогатное сексуальное удовольствие, допустим даже справедливость этих спорных предположений, чтобы спросить: что побуждает ее искать удовлетворения в страдании постоянно? Здесь, как мне кажется, есть расхождение между причиной и следствием. Упавший на землю камень останется лежать, пока его не сдвинут. Живой организм, трамвированный в какой-то ситуации, приспособится к новым условиям. Когда Радо предполагает, что в дальнейшем женщина выстраивает защиту от опасности мазохистских побуждений, он не подвергает сомнению длительный характер самих стараний защититься, считая, что силы, мотивирующие это однажды возникшее стремление защититься, остаются неизменными. Одна из величайших научных заслуг Фрейда состоит в том, что он энергично подчеркивал прочность детских впечатлений; но, 186

однако, психоаналитический опыт показывает также, что эмоциональные реакции, имевшие место в детстве, сохраняются на всю жизнь только если их продолжают поддерживать различные динамически важные обстоятельства. Если Радо заранее убежден, что один-единственный болезненный случай, не отвечая внутренним потребностям личности, может оказывать длительное влияние на нее, тогда он, конечно, может высказывать предположение, что, хотя шок миновал, якобы болезненный для девочки факт отсутствия пениса остается, с вытекающим отсюда следствием прекращения мастурбации и устойчивой переориентации либидо в мазохистское русло. Но клинический опыт показывает, что мазохизм у детей никак не связан с тем, мастурбируют они или нет 5, следовательно, разваливается и эта цепь возможных доказательств. Хотя Радо не предполагает, как Дейч, что такое травматич-ное событие случается в ходе развития женщины неизменно и неизбежно, он утверждает, что оно не может не происходить «потрясающе часто», и что девочка может, по его предположению, только в виде исключения избежать уготованного ей отклонения к мазохизму. Договорившись до того, что женщина почти всегда должна быть мазохисткой, он сделал ту же ошибку, которую

склонны делать терапевты, когда они пытаются объяснить патологическое явление на расширенной базе — а именно, на неоправданном обобщении ограниченных данных. Это, в принципе, та же ошибка, которую делали до него психиатры и гинекологи: Крафт-Эбинг, наблюдая, что мужчины-мазохисты часто играют роль страдающих женщин, говорит о мазохизме, как о роде чрезмерного усиления феминных качеств; Фрейд, отталкиваясь от этого же наблюдения, предполагает существование тесной связи мазохизма и феминности; русский гинеколог Немилов, под впечатлением страданий женщины при дефлорации, менструации и деторождении, говорит о кровавой трагедии женщины; немецкий гинеколог Липман, под впечатлением того, как часто женщины болеют, попадают в несчастные случаи, испытывают боль, предполагает, что уязвимость, раздражительность и чувствительность — основная триада женских качеств. Таким обобщениям может быть только одно оправдание, а именно, гипотеза Фрейда о том, что нет фундаментального различия между патологическими и «нормальными» явлениями, что патология только отчетливее, как под увеличительным стеклом показывает процессы, протекающие у всех людей. Нет сомнений, что этот принцип расширяет наш умственный горизонт, но нужно осознавать, что и у него есть границы применимости. Это следовало, например, принять во внимание при изу-187

чении Эдипова комплекса. Вначале его существование и общий смысл были отчетливо увидены при неврозе. Это знание обострило наблюдательность психоаналитиков, так что они стали различать и более слабые указания на Эдипов комплекс. Затем было выведено заключение, что это универсальное явление, которое только заметнее у невротических личностей. Этот вывод остается достаточно спорным 6, так как этнологические исследования показали, что специфическая картина, обозначаемая термином «Эдипов комплекс», возможно, и не существует в широком диапазоне культурных условий 7. Нужно, таким образом, сузить данное предположение до утверждения, что этот особый эмоциональный узор отношений между родителями и ребенком возникает только при определенных культурных условиях. При исследовании женского мазохизма был использован тот же принцип. Дейч и Радо были поражены частотой, с которой они обнаруживали мазохистскую концепцию женской роли у женщин-невротиков. Я думаю, что любой аналитик может провести те же или даже более точные наблюдения с помощью метода Дейч и Радо. Проявления мазохизма у женщин теперь легко обнаруживают в результате наблюдения даже там, где они в ином случае могли бы пройти незамеченными: в социальных столкновениях женщин (полностью вне сферы психоаналитической практики); в изображении женского характера в литературе; при изучении женщин, придерживающихся каких-либо чуждых нам обычаев, например русских крестьянок, которые, по национальной поговорке, не чувствуют, что муж их любит, если он их не бьет. Перед лицом таких свидетельств психоаналитик приходит к выводу, что он столкнулся со всеобщим явлением, действующим на психоаналитической основе с постоянством закона природы. Односторонность или позитивная ошибка в результатах происходит нередко из-за пренебрежения культурными и социальными условиями, в частности — из-за исключения из общей феноменологии женщин, живущих в иной цивилизации с иными традициями. На русскую патриархальную крестьянку при царском режиме постоянно ссылаются в спорах, чтобы доказать как глубоко врос мазохизм в женскую натуру. Однако эта крестьянка в наши дни превратилась в напористую советскую женщину, которая несомненно удивится, если о побоях заговорят как о признании в любви. Изменения же произошли в культуре, а не в личности женщин. Вообще говоря, где бы ни возникал вопрос о частоте явления, он подразумевает социологические аспекты проблемы. Отказ психоаналитиков заниматься ими еще не исключает их сущест-188

вования. Отсутствие социологического подхода может привести к неверной оценке значимости анатомических различий и превращению их в причину явления, которое на самом деле частично или даже полностью обусловлено социально. Я думаю, что только синтез обоих условий позволит нам получить полное представление о природе явления. Для социологического и этнологического подхода были бы уместны следующие вопросы.
1. С какой частотой встречается мазохистская установка по отношению к женским сексуальным функциям в различных социальных и культурных условиях?
2. С какой частотой по сравнению с мужчинами встречается мазохистская установка или проявления мазохизма в различных социальных и культурных условиях? Если оба исследования покажут, что мазохистская концепция женской роли и решительный перевес общемазохистских явлений у женщин по сравнению с мужчинами имеют место при любых социальных и культурных условиях, тогда и только тогда будет оправдан дальнейший поиск психологических причин такого положения вещей. Если же такой вездесущий женский мазохизм не обнаружится, то от социолого-этнологических исследований хотелось бы получить ответы на последующие вопросы.
1. При каких особых социальных условиях мазохизм чаще связан с женскими сексуальными функциями?
2. При каких особых социальных условиях общемазохист-ская установка чаще встречается у женщин, чем у мужчин? Задача психоанализа в таком исследовании — вооружить антропологов психологическими данными. За исключением перверсий и фантазий при мастурбации, мазохистские наклонности и их удовлетворение бессознательны. Антрополог не может их исследовать. Ему нужны критерии, с помощью которых он может идентифицировать и наблюдать внешние проявления, которые с высокой вероятностью указывали бы на существование мазохистских влечений. По вопросу, касающемуся связи мазохизма с женскими сексуальными функциями, предоставить эти данные сравнительно просто. На базе психоаналитического опыта вполне резонно предположить мазохистские тенденции: — при высокой распространенности функциональных менструальных расстройств, таких как дисменорея и меноррагия; — при высокой распространенности психогенных нарушений при беременности и родах, таких как страх деторождения, беспокойство о нем, боли или применение искусственных средств, чтобы избежать боли; 189

— при высокой распространенности негативной установки по отношению к половой жизни, подразумевающей, что это унижение достоинства женщины, ее эксплуатация. Эти указания не надо принимать как безусловные, а скорее с двумя оговорками.
1. Кажется, стало уже обычным в психоанализе полагать, что боль, страдание или страх перед страданием обусловлены мазохистскими влечениями или имеют результатом мазохист-ское удовлетворение. Поэтому я считаю необходимым отметить, что такое предположение все еще требует доказательств. Ф. Александер, например, предполагает, что люди, карабкающиеся по горам с тяжеленными рюкзаками — мазохисты, особенно если есть автомобиль или железная дорога, которые гораздо легче доставят их на вершину. Может, это и так, но чаще причины таскать тяжелые рюкзаки самые прозаические.
2. Страдание или даже причинение себе боли у первобытных племен может быть выражением магического мышления, предназначенным для отвращения опасности и может не иметь ничего общего с индивидуальным мазохизмом. Следовательно, подобные данные можно интерпретировать только на базе достоверных знаний о полном содержании племенной истории. Задача психоанализа по вопросу, относительно данных, указывающих на общую мазохистскую установку, гораздо труднее, потому что понимание явления в целом еще ограничено. Фактически, оно еще не продвинулось дальше утверждения Фрейда, что мазохизм как-то связан с сексуальностью и нравственностью. Остаются открытыми вопросы: является ли мазохизм преимущественно сексуальным

явлением, распространяющимся на сферу нравственности, или нравственным явлением, распространяющимся на сферу сексуальности? Являются ли нравственный и сексуальный мазохизм двумя отдельными процессами или только двумя видами проявлений одного процесса? А может быть, мазохизм — это собирательное название ряда очень сложных явлений? Считается оправданным применение этого термина к широкому ряду внешних проявлений, потому что все они обладают общими чертами: склонностью к содержащим страдание фантазиям и сновидениям на тему страдания; к подстраиванию в реальности ситуаций, включающих страдание, или склонность чувствовать страдание в ситуации, не имеющей такого содержания для среднего человека. Страдание может быть и физическим, и психическим. В нем достигается некое удовлетворение или облегчение, и поэтому к нему стремятся. Удовлетворение или облегчение может быть сознательным или бессознательным, 190

сексуальным или несексуальным. Несексуальное назначение страдания может быть самое разное — это избавление от страха, искупление грехов, добывание позволения вновь согрешить, стратегия достижения цели, недостижимой иным путем, непрямые формы враждебности. Осознание широты спектра мазохистских явлений больше ставит в тупик и вызывает желание поспорить, чем ободряет, и эти общие утверждения, конечно же, мало чем могут помочь антропологам. В их распоряжении, однако, будут более конкретные данные, если отбросить в сторону все научные тревоги об условиях и функциях и сделать базой для исследования антропологов только те видимые установки, которые наблюдаются у пациентов с отчетливыми и разнообразными мазохистскими наклонностями, проявляющимися в пределах психоаналитической ситуации. Для этой цели может пригодиться простое перечисление таких установок без подробного исследования индивидуальных условий, их породивших. Излишне говорить, что не все мазохистские наклонности одновременно присутствуют у каждого пациента, однако синдром в целом столь типичен (как признает каждый психоаналитик), что если некоторые из этих черт видны в начале лечения, можно уверенно предсказать картину в целом, хотя детали могут быть различными. Детали имеют отношение к последствиям явления, к удельному весу мазохистских черт и к особенностям формы и силы защиты, выстраиваемой личностью против своих мазохистских наклонностей. Давайте рассмотрим, какие данные доступны для наблюдения у пациентов с мазохистскими наклонностями. Основные черты структуры их личности, как я их вижу, примерно таковы. Существует несколько путей, которыми можно найти успокоение от глубокого страха. Самоотречение — один путь; запрет — другой; отрицание страха и оптимизм — третий путь; и так далее. Быть любимым — особый путь успокоить свой страх, используемый мазохистской личностью. Поскольку такой человек испытывает относительно беспредметную тревогу, он нуждается в постоянных знаках внимания и симпатии, а так как он никогда не верит в эти знаки дольше минуты, то его нужда в любви и дружбе ненасытна. Он, вообще говоря, очень эмоционален в отношениях с людьми, легко привязывается к людям, потому что ждет от них необходимого ему избавления от страха, и легко разочаровывается в людях, потому что никогда не получает и не может получить от них ожидаемого. Ожидание или иллюзия «великой любви» часто играет важную роль в его жизни. Так как сексуальность — самый банальный путь к добыванию любви, он склонен переоценивать ее и держится за иллюзию, 191

что в сексуальности — решение всех проблем в жизни. Насколько он сознает свое отношение к сексуальности или насколько легко он устанавливает сексуальные отношения, зависит от его запретов на этот счет. Если у него были сексуальные отношения или попытки их создать, то его история полна «несчастных лю-бовной», его бросали, разочаровывали, унижали и плохо с ним обращались. Во внесексуальных

отношениях проявляются те же тенденции: от беспомощности, действительной или придуманной, от самопожертвования и смирения до роли мученика, до унижений, реальных или вымышленных, до оскорблений и эксплуатации. В то время, как сам он считает, что он и вправду бестолочь, или что жизнь и впрямь жестока, в психоаналитической ситуации мы видим, что это не факты, а лишь проявления упорной склонности видеть все именно таким образом. Эта склонность, более того, разоблачается в психоаналитической ситуации как бессознательная установка, мотивирующая его провоцировать нападения, чувствовать себя погубленным, опозоренным, разоренным, униженным без всяких реальных причин. Так как дружба и доброе отношение других людей жизненно важны для него, он легко становится чрезвычайно зависимым и эта сверхзависимость ясно видна также в его отношении к психоаналитику. Причина, по которой он никогда не верит никакому реально хорошему к себе отношению (несмотря на то, что он держится за него, но не как за хорошее отношение, а как за страстно желаемое избавление от страха), состоит в его сильно заниженной самооценке; он чувствует себя ничтожным, абсолютно нелюбимым и не стоящим любви. С другой стороны, именно этот недостаток уверенности в себе заставляет его считать, что взывать к жалости и выставлять напоказ свою ничтожность, слабость и страдание — это единственное для него средство завоевать необходимую ему симпатию. Легко видеть, что снижение его самооценки укоренено в параличе того, что может быть названо «адекватной агрессивностью». Под этим я подразумеваю способность к работе, включающую следующие атрибуты: инициативу, приложение усилий, доведение дела до конца, достижение успехов, настаивание на своих правах, умение постоять за себя, формирование и выражение собственных взглядов, осознание своих целей и способность планировать в соответствии с ними свою жизнь 8. У мазохистской личности обычно в связи с этим имеются разнообразные запреты, возникающие в целом из-за чувства своей незащищенности или даже беспомощности в жизненной борьбе, и объясняющие последующую зависимость от других людей и предрасположенность искать у них поддержки или помощи. 192

Психоанализ раскрывает наклонность к отказу от любого соревнования как доступную наблюдению причину их неуверенности в себе. Их запреты, таким образом, являются результатом усилий поставить препятствие самим себе, чтобы избежать риска соревнования. Враждебные чувства, неизбежно возникающие на основе таких саморазрушительных наклонностей, также не могут быть выражены свободно, потому что угрожают возможности избавиться от страха, связанной с тем, чтобы быть любимым, главного источника спасения от тревоги. Слабость и страдание, уже выполняющие множество функций, здесь, таким образом, служат еще и для косвенного выражения враждебности. Мы рискуем совершить грубую ошибку, предлагая подвергнуть антропологическому исследованию этот синдром через доступные наблюдению психологические установки. Мазохистская установка не всегда проявляется как таковая, потому что она часто маскируется защитой и показывается на свет только после того, как защита снята. Так как анализ этой защиты несомненно выходит за рамки возможностей антропологического исследования, за ее проявления будет принято то, чем она выражается внешне (примут за «чистую монету»), и в результате такие случаи мазохистской установки неизбежно ускользнут от наблюдения. Чтобы избежать ошибки, исследуя только доступную наблюдению мазохистскую установку, безотносительно ее глубинной мотивации, я предлагаю антропологам искать ответы на следующие вопросы: при каких социальных или культурных условиях мы чаще обнаруживаем у женщины, чем у мужчин: — проявление запретов на прямое выражение требования ли агрессии; отношение к себе, как к существу слабому, беспомощному или ничтожному и неявное или явное требование за это внимания к себе и особых преимуществ; — эмоциональную зависимость от противоположного пола; — проявление наклонностей к

самопожертвованию, смирению; ощущению, что тобой пользуются, эксплуатируют; перекладывание ответственности на противоположный пол; — использование слабости и беззащитности как средства привлечения и подчинения себе противоположного пола 9. Помимо этих формулировок, которые являются прямым обобщением опыта работы психоаналитиков с женщинами-мазохистками, я могу предложить некоторые обобщения причин, располагающих женщин к мазохизму. Распространенности мазохизма следует ожидать в культурной среде, где действуют один или более следующих факторов:

193

— выходы для сексуальности чувств и открытого проявления перекрыты; — ограничивается число детей, так как рождение и воспитание детей приносит женщине различного рода удовлетворение: дает выход ее нежности, ее желанию чего-то достичь в жизни, поднимает ее самооценку; ограничение в числе детей влияет тем сильнее, чем более социальная оценка женщины зависит от числа ее детей и уровня их воспитания; — женщина считается существом, которое в целом ниже мужчины, так как это ведет к снижению женской уверенности в себе; — женщина экономически зависит от мужчины или семьи, так как это способствует эмоциональной адаптации путем зависимости; — деятельность женщин ограничивается сферами, где все строится на эмоциональных связях: семьей, религией и благотворительностью; — имеется избыток женщин брачного возраста, особенно, когда замужество предоставляет принципиальную или единственную возможность для сексуального удовлетворения, рождения детей, ощущения защищенности и социального признания 10. Последнее условие имеет особое отношение к обсуждаемому вопросу, поскольку способствует (как и условия № 3 и № 4) эмоциональной зависимости от мужчины и, вообще говоря, не самостоятельному развитию, а подстраиванию под образцы и стандарты существующей мужской идеологии. Оно является существенным также потому, что привносит в отношения между женщинами особенно сильную установку на соперничество, отказ от которого — важный фактор в зарождении мазохистских тенденций. Все перечисленные факторы частично совпадают. Так, например, ориентации на соперничество в сексуальной сфере между женщинами будет еще сильнее, если одновременно перекрыты другие выходы для стремления соревноваться, скажем, за высокий профессиональный уровень. Это позволяет предполагать, что мазохистские отклонения в развитии обусловливает не один какой-то фактор, а скорее их взаимодействие и взаимовлияние. В частности, следовало бы обсудить возможность того, что если в культуре присутствуют некоторые или все перечисленные факторы, то в ней возникают определенные идеологические схемы, касающиеся «природы» женщины, такие, как доктрина о том, что женщина от природы слаба, эмоциональна, наслаждается зависимостью, имеет ограниченную способность к самостоятельной работе и мышлению. Возникает искушение включить 194

в эту категорию и убеждение психоаналитиков, что женщина по натуре — мазохистка. Совершенно ясно, что функция такой идеологии — не только примирить женщину с ее подчиненной ролью, представляя эту роль, как единственно возможную, но также заставить ее поверить, что эта роль — именно то, о чем она мечтала, идеал, за который можно и нужно бороться. Влияние этой идеологии на женщин подкрепляется реально тем, что мужчины чаще выбирают женщин, обладающих этими специфическими чертами. Из этого следует, что эротические возможности женщин зависят от ее соответствия образу, который считается ее «истинной природой». Поэтому, не будет преувеличением сказать, что в такой социальной среде мазохистские установки (или, скорее, мягкие формы мазохизма) поощряются у женщин и презираются у мужчин. Такие качества, как эмоциональная зависимость от противоположного пола («цепкость плюща»),

погруженность в «любовь», запрет на открытое выражение чувств, на независимое развитие и т. п. считаются весьма желательными у женщин, но позорны и достойны насмешек у мужчин. Очевидно, что подобные факторы культуры оказывают мощное влияние на женщин. Настолько мощное, что в нашей культуре женщине трудно найти выход и не стать хоть немножко мазохисткой, от одного только воздействия культуры, даже без участия факторов анатомически-психологического характера, которые тоже имеют свойство давить на человека. Некоторые авторы (и Хелен Дейч среди них), обобщив психоаналитический опыт работы с женщинами-невротиками, считают, что возникшие под влиянием культуры комплексы, на которые я здесь ссылаюсь, являются прямым следствием анатомически-психологических характеристик женщины. В общем-то бесполезно спорить с такими обобщениями, пока не проведены уже упомянутые антропологические исследования. Однако, давайте рассмотрим особенности соматической организации женщин, которые действительно могут способствовать принятию мазохистской роли. Мне кажется, что почву для произрастания мазохистских явлений могут подготовить следующие анатомически-психологические факторы: — мужчины в среднем физически сильнее женщин; согласно этнологическим данным, это различие между полами приобретенное, тем не менее, оно существует в наши дни; хотя слабость еще не тождественна мазохизму, осознание своей меньшей физической силы может способствовать появлению эмоциональной концепции мазохистской установки у женщин; — возможность изнасилования также может вызвать у женщины фантазию о нападении, подчинении, получении ран; 7* 195

— менструация, дефлорация и деторождение, поскольку это кровавые и болезненные процессы, тоже с готовностью служат реализации мазохистских устремлений; — биологически обусловленная ассиметрия участия в половом акте также способствует формированию мазохизма; садизм и мазохизм не имеют в своей основе ничего общего с половым актом, но женская роль в половом акте (в женщину проникают) предоставляет больше возможностей для личных ложных истолкований (когда в них есть потребность) своей роли — как мазо-хистской, а мужской роли — как садистской. Биологические функции женщины сами по себе не имеют ма-зохистского подтекста и не ведут к мазохистским реакциям, но если у женщины есть мазохистские потребности иного происхождения 11, то эти функции легко вовлекаются в мазохистские фантазии, что в свою очередь приспосабливает их для получения мазохистского удовлетворения. Сверх признания возможности некоторой подготовленности женщин к принятию мазохист-ской концепции ее роли, любые дополнительные утверждения, вроде сродства ее функций и мазохизма, гипотетичны; и такие факты, как исчезновение мазохистских наклонностей после успешного психоанализа или результаты наблюдений над женщинами-немазохистками (которые, в конце концов, существуют), предупреждают нас, что не следует эти элементы подготовленности переоценивать. Подведем итог. Проблема женского мазохизма не может быть отнесена только к особенностям анатомических, психологических и психических характеристик женщины, но должна рассматриваться как во многом обусловленная культурой или социальной средой, в которой развивалась конкретная женщина-мазохистка. Точный удельный вес каждой из этих двух групп факторов не может быть оценен, пока мы не располагаем результатами антропологических исследований, использующих валидные психоаналитические критерии и проведенных в различных культурах, значительно отличающихся от нашей. Ясно, однако, что важность анатомических, психологически и психических особенностей была некоторыми авторами сильно преувеличена. 1 Хорни, безусловно, умышленно примитивизирует существовавшие в раннем психоанализе схематические упрощенные представления, и делает это, по-видимому, отчасти в силу ее соперничества в области женской психологии с уже многократно упомянутой Хелен Дейч [М. Р.]. 196

2 Дейч X. «Женский мазохизм и его отношение к фригидности» Intern. Zeitschr. f. PsychoanaL, II (1930). 3 Радо Ш. «Страх кастрации у женщины». Psychoanalytic Quarterly, III— IV (1933). 4 Я больше не придерживаюсь этого взгляда по причинам, которые будут изложены в следующий раз. Фактически я склонна согласиться с мнением Радо, хотя я пришла к такому заключению по другим причинам. 5 Согласно сообщению Давида М. Леви, который приводит в пример клинические случаи девочек, фантазирующих о собственном избиении во время мастурбации. Он утверждает, что ему не известно ничего о прямой связи между мазохизмом и отсутствием генитальных манипуляций. 6 Автор имеет в виду полемику, существовавшую на период написания этой книги и связанную с публикацией упоминаемой ниже работы Ф. Бема [М. Р.]. 7 Бем Ф. «Об истории Эдипова комплекса». Intern. Zeitschr. f. PsychoanaL, I (1930). 8 В психоаналитической литературе Шульц-Хенке в работе «Судьба и невроз» делает особое ударение на патогенетической важности запретов в этом отношении. 9 Читателя-психоаналитика удивит, что, перечисляя все эти факторы, я не ограничилась теми, которые оказывают влияние только в детстве. Нужно принять во внимание, однако: — девочка вынужденно чувствует влияние этих факторов только опосредованно — через влияние, которое они оказали на женщин ее окружения; — хотя мазохистская установка (как любая невротическая установка) создается, в основном, в детстве, в среднем случае все определяют условия дальнейшей жизни, если, конечно, условия детства не были так суровы, что только они одни определенно ответственны за формирование характера. 10 Мне приходит в голову, что социальная регуляция, такая, как устройство браков семьями, сильно смягчила бы действие этого фактора. Это рассуждение также проливает свет на предположение Фрейда о том, что женщины, в общем, ревнивее мужчин. Утверждение, возможно, справедливо для немецкой и австрийской культуры, однако неубедительным кажется, что ревнивость женщин проистекает из чисто индивидуальных анатомически-физиологических источников (зависть к пенису). Хотя это и может быть именно так в частных случаях, но обобщение, сделанное независимо от социальных условий, вызывает те же самые, ранее уже приведенные, возражения. 11 Я приведу в следующем сообщении факторы, которые я считаю источником мазохистской установки. 197

ИЗМЕНЕНИЕ ЛИЧНОСТИ У ДЕВОЧЕК В ПОДРОСТКОВОМ ВОЗРАСТЕ (Сообщение впервые представлено на заседании Американской Ортопсихиатрической Ассоциации в 1934 году) При анализе взрослых женщин с невротическими расстройствами или трудным характером нередко обнаруживаются два типичных варианта развития. Рассмотрим характерные черты каждого из них:

1. Первые изменения личности произошли в подростковом возрасте, хотя во всех случаях конфликты, породившие их, имели место в раннем детстве. Часто у девочек-подростков не было внешних проявлений, тревоживших окружающих и производящих впечатление патологии, представляющей опасность для будущего девочки или требующей лечения. Эти проявления воспринимались окружающими как преходящие трудности, естественные в этот период, или даже как желательные и многообещающие признаки.
2. Начало психопатологических изменений приблизительно совпадало с началом менструаций. Эта связь не была явной, так как пациентки или не осознавали совпадения, или, даже если они видели совпадение по времени, то не придавали ему значения, потому что не заметили или «забыли» тот психический смысл, который имела для них менструация. Изменение личности, в отличие от невротических симптомов, развивается постепенно, и это также маскировало реальную связь. Обычно только после того, как пациентки осознавали, какое эмоциональное влияние на них оказало начало менструаций, они внезапно начинали видеть эту связь. Исходя из этого, я склонна выделить четыре типа изменений личности: 1 — девочка вовлекается в сублимационную активность; у нее развивается отвращение к эротике; 2 — девочка вовлекается в эротическую сферу

(помешана на мальчиках); теряется интерес и способность к работе; 3 — девочка становится эмоционально обособленной, приобретает установку «наплевать на все», ни во что не вкладывает душу; 198

4 — у девочки развиваются гомосексуальные тенденции. Моя классификация неполна и не включает, конечно, целый ряд существующих возможностей (например, развитие проститутки и правонарушительницы), и касается только тех изменений, которые я имела возможность наблюдать непосредственно или могла реконструировать у взрослых пациенток, которые приходили для лечения. Кроме того, это деление произвольно, как неизбежно будет всякое деление по типу поведения, подразумевающее фиктивный «чистый тип поведения», тогда как реальность всегда допускает любую смесь черт и любые промежуточные состояния. Девочки первой группы проявляли естественный интерес к анатомическим и функциональным различиям полов и к загадкам размножения. Этих девочек влекло к мальчикам и они любили с ними играть. Ко времени пубертата они неожиданно углубляются в размышления, в религию, этику, искусство или науку, теряя интерес к эротической сфере. Обычно девочка, проходящая через такие изменения, в это время не приходит для лечения, потому что семья в восторге от ее серьезности и отсутствия желания флиртовать. Трудности еще не очевидны. Они проявятся позже, особенно после замужества. Патологическую природу таких перемен легко проглядеть по двум причинам: 1 — от человека в эти годы ждут именно интенсивного развития интереса к умственной деятельности; 2 — сама девочка по большей части не осознает, что действительно испытывает отвращение к сексуальности — она только чувствует, что теряет интерес к мальчикам и ей больше не нравятся танцы, вечеринки, флирт и она постепенно уходит от этого. Вторая группа дает почти противоположную картину. Очень одаренные, многообещающие девочки теряют интерес ко всему, кроме мальчиков, не могут сосредоточиться и бросают любую умственную деятельность, едва занявшись ею. Они полностью вовлекаются в эротическую сферу. Такую перемену, как и противоположную ей предыдущую, тоже считают «естественной» и защищают с помощью похожей рационализации: для девочки в этом возрасте «нормально» переключиться на мальчиков, танцы и флирт. Это, конечно, так, но как насчет вот таких наклонностей? Девочка судорожно влюбляется в одного мальчика за другим, реально не интересуясь ни одним, и после того, как уверится в том, что мальчик завоеван, бросает его или провоцирует его бросить ее. Она чувствует себя ужасно непривлекательной, несмотря на все доказательства противоположного, и обычно уклоняется от реальных сексуальных отношений, выставляя в качестве рационализации общественные запреты, хотя реаль-199

ная причина — ее фригидность, что выясняется, если она наконец рискнет сделать такой шаг. Она впадает в депрессию или ждет несчастья, когда вокруг нет мужчин, чтобы ею восхищаться. С другой стороны, ее небрежное отношение к работе вовсе не является «естественным» следствием того, что в связи с сосредоточенностью на мальчиках другие интересы отодвинулись на задний план, как это подразумевает ее защита. Девочка на самом деле очень честолюбива и страдает от чувства неспособности что-то завершить. У третьего типа девочек запреты касаются как работы, так и любви. Это не всегда легко заметить. Поверхностному наблюдателю девочка может показаться хорошо приспособленной к жизни. У нее нет трудностей в установлении контактов, она дружит с девочками и мальчиками, очень развита, откровенно разговаривает на сексуальные темы, делает вид, что у нее совсем нет никаких затруднений, и иногда вступает в те или иные сексуальные отношения, не вовлекаясь в них эмоционально. В некотором роде, она — отстраненный наблюдатель над самой собой, зритель в собственной жизни. Она может не признаваться себе в своем равнодушии, но, по крайней мере иногда, она остро сознает, что у нее нет глубокой, настоящей эмоциональной привязанности ни к кому и ни к чему.

Ничто для нее не имеет значения. Есть сильное противоречие между ее витальностью, одаренностью и ее замкнутостью. Обычно она чувствует, что жить ей и пусто, и скучно. Четвертую группу характеризовать легче всего. В нее входят девочки, отвернувшиеся от мальчиков полностью и пылко дружащие с девочками. Сексуальный характер этой дружбы может быть сознательным, а может и не быть таковым. Если девочка осознает сексуальный характер своих наклонностей, она может страдать от сильного чувства вины, ощущая себя преступницей. Ее отношение к учебе или работе обычно изменчиво. Она честолюбива и временами проявляет большие способности, но ей часто не хватает напористости или она впадает в «нервное расстройство» в промежутках между двумя периодами продуктивности. Перед нами четыре очень разных типа, но даже поверхностный наблюдатель, если будет достаточно точным, увидит, что у всех четырех есть одна общая тенденция: неуверенность в себе, как в женщине, конфликтные или антагонистические отношения с мальчиками и неспособность «любить» — что бы ни подразумевалось под этим словом. Если они не отказываются от женской роли совсем, они бунтуют против нее или превозносят ее — преимущественно в саркастической форме. Во всех слу-200

чаях с сексуальностью связано больше вины, чем признается: «Не тот свободен, кто смеется над своими цепями» (Шиллер). Психоаналитические наблюдения обнаруживают еще одно поразительное сходство этих типов женщин, настолько сильное, что оно заставляет забыть на время о всех их различиях. Они чувствуют вражду ко всем людям вообще, хотя и различно проявляющуюся по отношению к мужчинам и женщинам. В то время, как враждебность к мужчинам может быть разной интенсивности и мотивации, и проявляется вовне сравнительно легко, враждебность к женщинам абсолютно деструктивна, а потому глубоко скрыта в подсознании. Они сами могут лишь смутно догадываться об этой вражде, но никогда не осознают ее силы и разрушительности ее последствий. У всех четырех групп женщины имеется сильнейшая защитная установка по отношению к мастурбации. В процессе анализа им лишь иногда удается вспомнить, что они вроде бы занимались этим в раннем детстве, но чаще — вообще отрицается, что это могло когда-либо быть. Они довольно честны на этот счет на сознательном уровне. Они, как правило, не мастурбируют в зрелом возрасте или делают это в сильно замаскированном виде, и, обычно, на сознательном уровне, не чувствуют желания мастурбировать. Как будет показано ниже, мощные импульсы такого рода существуют, но полностью отделены от остальной части их личности и связаны с сильнейшим чувством вины и страха, а потому их всегда трудно выявить. Чем объясняется чрезвычайная враждебность к женщинам? Только отчасти она объяснима историей их жизни. Да, матери предъявляются упреки — в недостатке тепла, защиты, понимания, в предпочтении брата, в чересчур суровых пуританских сексуальных запретах. Все это более-менее подтверждается фактами, но и сами женщины чувствуют, что существующая подозрительность, пренебрежение и ненависть к женщинам несоразмерны «проступкам» матери. Реальная подоплека выясняется из их отношения к женщине-аналитику. Опуская технические детали, опуская не только индивидуальные различия, но также различие в видах защиты, характерных для обсуждаемых типов, мы постепенно получаем следующую картину: каждая пациентка считает, что аналитик ее не любит, что на самом деле она полна злобных намерений, что она мешает ей быть счастливой и достичь успеха, и, в особенности, что она осуждает ее сексуальную жизнь и вмешивается в нее или хочет вмешаться. По мере того, как обнаруживается, что все это — реакция на чувство вины и выражение страха пациентки, постепенно при-201

ходит понимание, что у нее есть причина бояться, потому что ее реальное поведение в процессе анализа диктуется сильнейшим противодействием и желанием нанести

поражение аналитику, даже если это будет ее собственным поражением. Поведение пациентки является, однако, выражением враждебности, существующей лишь на уровне реальности. Полный объем враждебности выясняется, только если последовать за пациенткой в ее фантастическую жизнь — в сновидения и мечты. Там ее враждебность сохранилась в самых жестоких архаических формах. Грубые, примитивные импульсы, сохранившиеся в фантазиях, позволяют понять глубину чувства вины перед матерью и материнским образом. Более того, эти фантазии в конце концов позволяют понять, почему мастурбация была полностью прекращена и даже в настоящее время все еще окрашена ужасом. Как правило, оказывается, что злобные фантазии неизменно сопровождали мастурбацию и таким образом возбудили связанное с ней чувство вины. Другими словами, чувство вины касалось не физического процесса как такового, а фантазий. Однако прекращен мог быть только физический процесс и подавлено стремление к нему. Фантазии продолжали жить в глубине и, вытесненные в раннем возрасте, сохранили свой инфантильный характер. Пациентка не осознает существования этих фантазий, но продолжает отвечать на них чувством вины. Однако физическая сторона мастурбации также важна. От нее исходят сильнейшие страхи, суть которых — страх, что мастурбация нанесла невосполнимый ущерб, травму, от которой нельзя поправиться. Содержание этого страха никогда не было у пациенток сознательным, но оно нашло многочисленные выражения в разнообразных ипохондрических проявлениях, касающихся всего тела с головы до пят — страхов, что с тобой что-то не в порядке, как с женщиной, страхов, что ты не сможешь выйти замуж и иметь детей, и наконец, общего во всех случаях страха — что ты непривлекательна. Хотя эти страхи восходят непосредственно к физической мастурбации, они могут быть поняты только исходя из ее психологического содержания. Страх говорит: «У тебя были жестокие разрушительные фантазии о твоей матери и других женщинах. Поэтому ты должна бояться, что и они хотят разрушить тебя точно таким же образом: «Око за око, зуб за зуб». Тот же самый страх возмездия ответствен за то, что пациентка вначале не чувствует себя спокойной и с аналитиком. Вопреки в большинстве случаев сознательно существующей вере, что доктор — добрая и заслуживает доверия, она не может 202

избавиться от глубокого убеждения, что меч, висящий над ней, должен упасть. Она не может не думать о том, что аналитик, по ее представлениям, злобен и хочет лишь мучить ее. Ей приходится идти по узкой тропе между угрозой вызвать неудовольствие аналитика и опасностью обнаружить свои собственные враждебные побуждения. Так как для нее характерен страх фатальности нападения, легко понять, почему она чувствует жизненную необходимость защищаться. Так она и поступает, становясь уклончивой и пытаясь одержать победу над аналитиком. Враждебность, таким образом, во всяком случае, в верхнем слое представляет собой защиту. Подобным же образом, большая часть ее ненависти к матери тоже представляет собой чувство вины перед ней и желание оградить себя от страха, связанного с виной, путем упреждающего нападения. Когда этот слой наконец аналитически прорабатывался, главные источники вражды к матери становились эмоционально доступными для вербализации. Но их следы были видны с самого начала: за исключением пациенток второй группы, которые все же вступали в соревнование с другими девочками, хотя и с ужасным пренебрежением, все пациентки тщательно избегали соревнования. Когда бы они появлялась на сцене другая женщина — они немедленно уходили со сцены. Убежденные в собственной непривлекательности, они чувствовали себя хуже всех других. Из сражения с этими другими они вынесли склонность избегать открытого соревнования, которую можно было наблюдать и в отношении к психоаналитику. Реально существующая борьба мотивов прячется у них за чувство заведомого проигрыша. Даже если в конце концов они не могут не признать своих соревновательных намерений по отношению к аналитику, они делают это только в

отношении интеллекта и способности к работе, избегая сравнений, которые указали бы на соревнование с ней как с женщиной. Они, например, упорно вытесняют пренебрежительные мысли о внешности аналитика или ее одежде и приходят в страшное замешательство, если такого рода мысли всплывают на поверхность. Необходимость избегать открытого соревнования появляется именно потому, что в детстве имело место особенно сильное соперничество с матерью или старшей сестрой. Чрезмерное усиление естественной соревновательности дочери с матерью или старшей сестрой обычно было вызвано одним из следующих факторов: преждевременное сексуальное развитие и знакомство с половой жизнью; запугивание в детстве, не давшее развиться чувству уверенности в себе; супружеские конфликты между ро-203

дителями, вынуждавшие дочь встать на сторону одного из них; открытое или замаскированное отвержение матерью; демонстративная сверхпривязанность отца к маленькой девочке — от окружения искренней заботой до открытых сексуальных посягательств. Если схематично обобщить факты, мы увидим, как возникает порочный круг: ревность и соперничество с матерью или сестрой — враждебные импульсы, постоянно оживающие в фантазиях — вина и страх нападения и наказания — защитная враждебность — усиление страха и вины. Как я уже говорила, вина и страх, идущие из этих источников, наиболее сильно закреплены в фантазиях, связанных с мастурбацией. Эти вина и страх, однако, не ограничиваются фантазиями, но распространяются в большей или меньшей степени на все сексуальные стремления и сексуальные отношения. Они окружают половые отношения атмосферой вины и ожидания несчастья. И именно они в значительной степени ответственны за то, что отношения с мужчинами остаются неудовлетворительными. Есть и другие причины такого результата, непосредственно связанные с отношением пациенток к мужчинам вообще. Я упомяну о них только кратко, потому что не они являются главной темой этой статьи. У женщины вообще может сохраняться обида на мужчин, идущая от детского разочарования, и тайное желание отомстить. Впоследствии, из-за ощущения собственной непривлекательности, они предчувствуют отвержение со стороны мужчин и, естественно, реагируют враждебностью. В той степени, в которой они отвернулись от слишком конфликтной женской роли, они часто развивают маскулинные стремления и переносят свою установку на соперничество с собственным полом на отношения с противоположным полом, меряясь теперь силами более с мужчинами, чем с женщинами. Если женщина, в которой возникают все эти импульсы, действительно стремится к маскулинной роли, то у нее может развиться сильная зависть к мужчинам одновременно с пренебрежительным отношением к их мужским способностям. Что происходит, когда девочка такого склада вступает в пу-бертат? В течении всего пубертата идет нарастание либидоноз-ных напряжений — сексуальные желания становятся все настойчивее и неизбежно наталкиваются на стену вины и страха. У подростка уже есть реальная возможность приобрести опыт сексуальных переживаний. Это усиливает чувство вины и страха. В это время начинаются менструации, которые для девочки, страшащейся травматических последствий мастурбации, на эмоциональном уровне означают подтверждение того, что она дей-204

ствительно причинила себе ущерб. Теоретическое знание того, что такое менструация, ничего не меняет, потому что знание лежит на поверхности, а страх — в глубине, и они не соприкасаются. Ситуация обостряется. Желание и искушения сильны, не менее силен и страх. Жить под напряжением сознательной тревоги невыносимо: «Я лучше умру, чем буду все время бояться»,— говорят пациенты. Таким образом, в подобной ситуации жизненная необходимость вынуждает человека искать средства защиты, то есть он автоматически пытается изменить свою жизненную позицию таким образом, чтобы

избежать тревоги или чтобы надежно оградиться от нее. Все четыре обсуждаемых типа различным путем ограждают себя от тревоги в связи со своими базисными конфликтами. Различие путей объясняется различием типов. У разных типов развиваются противоположные черты характера и противоположные склонности, хотя цель у них у всех общая — оградить себя от одной и той же тревоги. Девушка из первой группы защищается от страха, уклоняясь от соревнования с другими женщинами и почти полностью избегая женской роли. Ее потребность состязаться отрывается от исходной почвы и пересаживается на почву интеллектуальную. Соревнование за самый лучший характер, самые высокие идеалы, за то, чтобы быть самой лучшей студенткой — настолько удалено от соревнования за мужчину, что ее страхи значительно ослабевают. Ее стремление к совершенству одновременно помогает ей преодолеть чувство вины. Такое радикальное решение дает колоссальные временные преимущества. Она годами может чувствовать себя удовлетворенной. Обратная сторона медали обнаруживается, когда она наконец соприкасается с мужчинами и особенно, если выходит замуж. Часто можно наблюдать, как при этом рушится ее чувство самодостаточности и самоуверенность, и неожиданно веселая, способная и независимая девушка превращается в глубоко неудовлетворенную женщину, потрясенную ощущением своей ничтожности, легко впадающую в депрессию и не желающую ни за что брать на себя ответственность (прежде всего — в семье). Она оказывается сексуально фригидной и вместо любовного отношения к мужу начинает с ним соревноваться. Девушка из второй группы не отказывается от соревнования с другими женщинами. Ее всегда готовый вырваться наружу протест против всех других особей женского пола стимулирует ее желание победить их, и, в противоположность девочке из первой группы, она постоянно испытывает довольно сильную тревогу. Ее типичный способ оградить себя от тревоги — вцепиться 205

в мужчину. В то время, как первая бежит с поля битвы — эта, вторая, ищет союзников. Ее ненасытная жажда мужского восхищения вовсе не указывает, что ей от природы нужнее сексуальное удовлетворение. Фактически, в реальных сексуальных отношениях она тоже оказывается фригидной. Мужчины служат для нее только средством успокоения, и это становится очевидно, как только у нее разладятся отношения с мальчиком, или позднее — с мужчиной. Ее тревога выходит наружу, ей становится неспокойно: она чувствует себя одинокой, брошенной всеми сразу и потерянной. Завоевание мужского восхищения служит, вдобавок, средством избавления от страха, что она «ненормальная». Я уже говорила об этом чувстве, как о прорвавшемся страхе перед ущербом, нанесенном себе мастурбацией. С сексуальностью у нее связано слишком много вины и страха, чтобы позволить ей построить удовлетворительные отношения с мужчиной. Таким образом, только новые и новые «победы» могут успокоить ее 1. Четвертая группа девушек, потенциально гомосексуальная, пытается решить проблему своей деструктивной враждебности к женщинам с помощью сверкомпенсации. Силу их страстей лучше всего выражает почти парадоксальная формула: «Я не ненавижу тебя, я тебя люблю». Можно описать эту перемену как полное, слепое отрицание ненависти. Насколько далеко это зайдет, зависит от индивидуальных обстоятельств. Сновидения девушек из четвертой группы обычно отражают высшую степень насилия и жестокости по отношению к девочке, к которой они чувствуют сознательную привязанность. Неудача в отношениях с девушками приводит их в отчаяние и часто доводит чуть ли не до самоубийства, что указывает на обращение агрессии вовнутрь. Подобно девушкам из первой группы, они отрицают свою женскую роль полностью, создавая фикцию мужественности. На внесексуальном уровне их отношения с мужчинами часто свободны от конфликтов. Более того, в то время, как первая группа совсем отрекается от сексуальности, эти девушки отказываются только от гетеросексуальных интересов. Решение, к которому стремится группа номер три, фундаментально отличается от остальных. Цель остальных — избавиться от страха, привязавшись эмоционально к чему-либо, к достижениям, к

мужчинам, к женщинам. Путь девушек из третьей группы — заглушить свои чувства вообще и тем самым заглушить свой страх. «Не вовлекайся эмоционально, и тебе не будет больно»,— этот принцип разъединения, возможно, самая эффективная и самая прочная защита от тревоги, но и цена ее, 206

по-видимому, слишком высока, потому что обычно это сочетается с общим снижением жизнерадостности и спонтанности, и значительным уменьшением жизненной энергии. Каждый, кто знаком с невероятной сложностью психических мотивов и сил, ведущих к тем или иным результатам, сил, которые только кажутся простыми, естественно, не примет эти четыре типа изменений личности за полное раскрытие картины побудительных мотивов. И я полностью соглашусь с ними. Я вовсе не намеревалась дать полное «объяснение» явлениям гомосексуальности или разъединенности, а попыталась только описать их с единой точки зрения, в основе которой лежат представления о различных вариантах решения или псевдорешения сходных внутренних конфликтов. Выбор решения или псевдорешения чаще всего не зависит от воли девушки, как это подразумевает слово «выбор» — он достаточно жестко предопределен специфическим объединением значимых событий ее детства и ее реакциями на эти события. Влияние обстоятельств может быть настолько непреодолимым, что становится возможным только единственное решение. Тогда мы встречаемся с тем или иным типом в его чистой, четко очерченной форме. В остальных случаях специфический жизненный опыт девушек будет подталкивать их или во время пубертата, или после него, то на один путь, то на другой. Девушка, представляющая, например, женский вариант Дон-Жуана, какое-то время спустя может стать аскетом. Более того, можно обнаружить, как разные попытки решения предпринимаются одновременно. Например, девочка, помешанная на мальчиках, может в тоже время проявлять склонность к эмоциональной разъединенности, хотя это и никогда не проявляется так резко, как третьей группе. Или может иметь место незначительный отход от первой группы в сторону четвертой и наоборот. Изменение картины и смешение типических проявлений не представляет особой трудности для понимания, если нам понятны базисные черты различных установок, как они представлены в «чистом» типе поведения. Несколько замечаний о профилактике и лечении. Я надеюсь, даже из этого достаточно грубого и поверхностного очерка очевидно, что любая профилактика, начатая только в пубертате, например, просвещение по поводу менструаций, уже опоздала. Просвещение воспринимается на интеллектуальном уровне и не захватывает уровня глубоко укоренившихся инфантильных страхов. Профилактика может быть эффективной только если начинается с первых дней жизни. Я думаю, что мы можем сформулировать ее цель так: научить ребенка быть храбрым и выносливым, вместо того, чтобы его запугивать. Однако, такие об-207

щие формулировки больше запутывают, чем помогают, потому что все зависит от выводов, которые могут быть сделаны, а это, конечно, нужно обсуждать применительно к каждому конкретному случаю. О лечении. Малые затруднения обычно легко проходят сами собой при благоприятных жизненных обстоятельствах. Я сомневаюсь, что психотерапевт, используя менее деликатный инструмент, чем психоанализ, может чем-нибудь помочь в случае выраженных изменений личности. В отличие от отдельных невротических симптомов, эти нарушения обычно указывают на достаточно шаткий фундамент всей личности. Мы не должны забывать, однако, что даже в этом случае — жизнь нередко оказывается лучшим лекарем. 1 Более точное описание «плана», имеющегося у этого типа женщин, дано в статье «Переоценка любви».

НЕВРОТИЧЕСКАЯ ПОТРЕБНОСТЬ В ЛЮБВИ (Лекция на собрании Немецкого Психоаналитического Общества 23 декабря 1936 года) Тема, которую я хочу сегодня предложить вашему вниманию, это невротическая потребность в любви. Я, возможно, не представлю вам новых наблюдений, так как вы уже знакомы с клиническим материалом, который многократно излагался в той или иной форме. Предмет столь обширен и сложен, что я вынуждена ограничиться только некоторыми аспектами. На описании имеющих отношение к этому вопросу явлений я остановлюсь как можно короче, и подробнее — на обсуждении их значения. Под термином «невроз» я понимаю не ситуационный невроз, а невроз характера, который начинается в раннем детстве и захватывает всю личность, более или менее поглощая ее. Когда я говорю о невротической потребности в любви, я имею в виду явление, с которым мы встречаемся в наше время в различных формах почти в каждом неврозе, в разной степени осознаваемое и проявляющееся в преувеличенной потребности невротика в эмоциональной привязанности, позитивной оценке окружающих, их советах и поддержке, также как и в преувеличенной чувствительности к фрустрации этих потребностей. В чем разница между нормальной и невротической потребностью в любви? Я называю нормальным то, что обычно для данной культуры. Все мы хотим быть любимыми и наслаждаемся, если это удается. Это обогащает нашу жизнь и наполняет нас счастьем. В такой степени потребность в любви, или, точнее, потребность быть любимым, не является невротической. У невротика потребность быть любимым преувеличена. Если официант или газетчик менее любезны, чем обычно, невротику это портит настроение. Если на вечеринке не все настроены к нему дружелюбно — тоже. Нет нужды множить примеры, потому что это явление хорошо известное. Разница между нормальной и невротической потребностью в любви может быть сформулирована так: для здорового человека важно быть любимым, уважаемым и

ценимым теми людьми, которых он ценит сам, или от которых он зависит; невротическая потребность в любви навязчива и неразборчива. Невротические реакции лучше всего выявляются при анализе, так как в отношениях пациент — аналитик присутствует одна характерная черта, отличающая их от других человеческих отношений. При анализе относительное отсутствие эмоциональной вовлеченности врача и свободное ассоциирование пациента создают возможность наблюдать эти проявления в более ярком виде, чем это случается в повседневной жизни. Невротические расстройства могут различаться, но мы видим снова и снова, сколь многим пациенты готовы пожертвовать, чтобы заслужить одобрение аналитика, и как они щепетильны во всем, что может вызвать его неудовольствие. Среди всех проявлений невротической потребности в любви я хотела подчеркнуть одно, весьма обычное для нашей культуры. Это переоценка любви. Я имею в виду, в частности, тип невротических женщин, которые чувствуют себя в опасности, несчастными и подавленными всегда, пока рядом нет никого бесконечно им преданного, кто любил бы их и заботился о них. Я имею в виду также женщин, у которых желание выйти замуж принимает форму навязчивости. Они застревают на этой стороне жизни (выйти замуж) как загипнотизированные, даже если сами абсолютно неспособны любить и их отношение к мужчинам заведомо скверное. Такие женщины, кроме того, обычно неспособны развивать или реализовать свои творческие возможности, даже если они талантливы. Существенная характеристика невротической потребности в любви — это ее ненасытность, выражающаяся в ужасной ревнивости: «Ты обязан (а) любить только меня!» Мы наблюдаем это явление у множества супружеских пар, в любовных интригах и даже дружбах. Под ревностью я понимаю здесь не реакцию, основанную на действительных фактах, а именно ненасытность и требование быть единственным предметом любви. Еще одно выражение ненасытности невротической потребности в любви — это потребность в безусловной любви. «Ты обязан (а) любить меня независимо от того, как я себя веду». Это очень важный фактор, который нужно особенно учитывать при начале анализа. В это время у аналитика может возникнуть впечатление, что пациент

как бы провоцирует его, но не с помощью прямой агресии, а, скорее, всем свои видом вопрошая: «Ты все еще любишь меня, даже несмотря на то, что я такой (ая) противный (ая)?» Такие пациенты реагируют на малейшей изменение 210

голоса аналитика, как бы ища доказательства; «Вот видишь, все-таки ты меня не выносишь». Потребность в безусловной любви выражается также в их требовании, чтобы их любили, даже если они ничего не дают взамен: «Любить того, кто тебе отвечает взаимностью, не так уж сложно, а поглядим-ка, сможешь ли ты полюбить меня, не получая взамен ничего». Даже тот факт, что пациент должен платить аналитику, служит для него доказательством, что изначальное намерение терапевта вовсе не помогать: «Хотел бы помочь — не брал бы денег». Аналогичные взгляды обнаруживаются и в их отношении к собственной любовной жизни; их типичные представления: «Он (а) любит меня только потому, что получает от меня половое удовлетворение». Партнер обязан постоянно доказывать свою «настоящую» любовь, жертвуя своими нравственными идеалами, репутацией, деньгами, временем и т. п. Любое невыполнение этих всегда абсолютных требований интерпретируется невротиком как предательство.
Наблюдая ненасытность невротической потребности в любви, я спрашивала себя — добивается ли невротическая личность любви к себе, или на самом деле всеми силами стремится к материальным приобретениям? Не выступает ли требование любви только прикрытием тайного желания что-то получить от другого человека, будь то расположение, подарки, время, деньги и т. п.? На этот вопрос трудно ответить однозначно. Существует чрезвычайно широкий спектр отношений: от действительно страстного желания дружбы, помощи, признания и т. п. до тех случаев, когда вообще отсутствует какая-либо заинтересованность в эмоциональных привязанностях, а налицо лишь стремление воспользоваться другим, вытянуть из него все, что только удастся. И между этими двумя крайностями — все виды переходов и оттенков. Здесь будет уместно сделать такое замечание. Есть люди, которые сознательно не признают любви, говоря: «Все эти разговоры о любви — просто ерунда. Вы дайте мне что-нибудь реальное!» Как правило, эти люди очень рано столкнулись с жестокостью жизни, и считают, что любви просто не бывает. Они полностью вычеркивают ее из своей жизни. Верность этого предположения подтверждается анализом таких личностей. Если они проходят анализ достаточно долго, они иногда все же соглашаются, что доброта, дружба и привязанность действительно существуют. И лишь тогда, как бы изменяя соотношения в системе сообщающихся сосудов, исчезает их ненасытная страсть к материальным доказательствам чувств. Подлинное же-211

лание быть любимым начинает одерживать верх, сперва потихоньку, а затем все явственней и явственней. Существуют случаи, в которых связь между ненасытной потребностью в любви и общей жадностью очень хорошо просматривается. Когда люди с такой характерной невротической чертой ненасытности вступают в любовные отношения, а потом отношения рвутся по внутренним причинам, некоторые начинают очень много есть и никак не могут наесться, набирая за короткий период по двадцать фунтов и даже более. Но они же легко теряют лишний вес, заведя новые любовные отношения. И так повторяется снова и снова. Другой признак невротической потребности в любви — чрезвычайная чувствительность к отвержению, которая так часто встречается у истерических личностей. Любые нюансы и в любых отношениях, которые можно было бы истолковать как от-вержение, они воспринимают только так, и отвечают на это проявлениями ненависти. У одного моего пациента был кот, который иногда позволял себе не реагировать на его ласку. Однажды, придя из-за этого в ярость, пациент просто шмякнул кота об стенку. Это достаточно демонстративный пример ярости, которую может вызвать у невротика отвержение. Реакция на реальное или воображаемое

отвержение не всегда настолько очевидна, нередко ее скрывают. В процессе сеансов скрытая ненависть может проявиться в недостатке «отдачи» от пациента, выражаться в форме сомнений в целесообразности анализа или в других формах сопротивления. Пациент может начать сопротивляться, потому что воспринял ваши интерпретации как отвержение. Вы думаете, что дали верное истолкование, а он не видит ничего, кроме критики и осуждения. Пациенты, у которых мы встречаем непоколебимое, хотя и бессознательное убеждение, что любви не существует, обычно страдали от жестоких разочаровании в детстве, которые заставили их вычеркнуть из своей жизни любовь, привязанность и дружбу раз и навсегда. Такое убеждение одновременно служит укрытием от реального переживания отвержения. Вот пример: у меня в кабинете стоял скульптурный портрет дочери. Пациентка призналась, что давно хочет спросить, нравится ли мне он. Я сказала: «Поскольку это изображение моей дочери, то нравится». Пациентку потрясли мои слова, потому что она — не осознавая этого — считала любовь и привязанность пустыми словами. В то время, как одни пациенты защищают себя от реального переживания отвержения тем, что решают заранее, что их нельзя полюбить, другие защищаются от разочарования сверхкомпенсацией. Они воспринимают реальное отвер-212

жение как своеобразное выражение высокой оценки. Вот три недавних примера из моей практики. Один пациент нерешительно обратился в какое-то учреждение в поисках места, где ему сказали, что эта работа — не для него — типичный американский вежливый отказ. Он воспринял это как то, что он слишком хорош для этой работы. Другая пациентка фантазировала, что после сеансов я подхожу к окну, чтобы проводить ее взглядом. Позднее она призналась в сильном страхе перед отвержением с моей стороны. Третий пациент был одним из тех немногих, к которым мне было трудно испытывать чувство уважения. В то время, как у него были сновидения, которые ясно указывали на его убеждение в том, что я его осуждаю, сознательно он вполне преуспел в самообмане и считал, что ужасно мне нравится. Если мы уже осознали, как велика невротическая потребность в любви, сколько жертв хотела бы невротическая личность принять от других и как далеко готов зайти невротик в своем иррациональном поведении, чтобы быть любимым и ценимым, встречать всеобщее одобрение, получать советы и помощь, то мы должны спросить себя теперь, почему ему так трудно добиться всего этого. Ему никогда не удается достичь того накала любви, в котором он нуждается. И причина одна — ненасытность его потребности в любви, для которой — за редким исключением — всегда будет мало. Если мы пойдем глубже, то мы найдем и другую причину. Это неспособность невротической личности любить. Любви очень трудно дать определение. Давайте здесь ограничимся общим и ненаучным определением любви, как способности и желания спонтанно отдаваться другим людям, делу или идее, вместо того, чтобы в эгоцентрической манере подгребать все под себя. Невротик к этой отдаче неспособен из-за тревоги и сильной скрытой и явной вражды к окружающим, которую он чаще всего приобрел очень рано и, обычно, из-за дурного с ним обращения. Эта враждебность в ходе развития становилась все больше. Однако невротик из страха перед ней вытеснял ее. В результате, то ли из-за страха, то ли из-за враждебности, он никогда не способен «отдать себя на милость победителя». По той же причине он никогда не способен встать на место другого. Он не задумывается над тем, сколько любви, времени и помощи может или хочет дать ему другой человек — он хочет только всего времени и всей любви! Поэтому он принимает за оскорбление любое желание другого иногда побыть одному или интерес другого к чему-то или кому-то еще, кроме него. Невротик не отдает себе отчета в своей неспособности лю-213

бить. Он обычно даже не знает, что он не умеет любить. Иногда, правда, этот факт до некоторой степени осознается. Некоторые невротики даже признают открыто: «Нет, я не умею любить». Однако, гораздо чаще невротик живет иллюзией, что он величайший из влюбленных и способен на величайшую самоотдачу. Он будет уверять нас: «Мне легко все делать для других, я не умею делать этого лишь для себя». Но даже если это действительно так, это происходит не из-за природной склонности к материнской заботливости о других, как он считает, а по другим причинам. Это может быть обусловленно его жаждой власти или страхом, что другие не будут его принимать, если он не будет им полезен. Более того, у него может быть глубоко укоренившийся запрет на то, чтобы сознательно желать чего-нибудь для себя, или на то, чтобы желать быть счастливым. Эти табу в сочетании с тем, что по вышеупомянутым причинам невротические личности могут иногда что-то сделать для других, укрепляют их иллюзию, что они умеют любить и любят глубоко. Они держатся за этот самообман, так как он выполняет очень важную функцию оправдания их претензий на любовь. Именно этот самообман позволяет невротику требовать все больше любви от других, а это было бы невозможно, если бы он действительно осознавал, что на самом деле ему на них наплевать. Эти рассуждения помогают понять иллюзию «великой любви», на которой я не буду сегодня останавливаться. Мы начали обсуждать, почему невротическим личностям трудно достичь любви, помощи, привязанности, которых они жаждут. Пока мы обнаружили две причины: ненасытность желания быть любимым и неспособность любить самому. Третья причина — непомерный страх отвержения. Этот страх может быть так велик, что часто не позволяет им подойти к другим людям даже с простым вопросом или участливым жестом. Они живут в постоянном страхе, что другой человек их оттолкнет. Они могут бояться даже преподносить подарки — из страха отказа. Мы имеем много примеров того, как реальное или воображаемое отвержение порождает усиленную враждебность в невротических личностях этого типа. Страх быть отвергнутым и враждебная реакция на отвержение заставляют невротика все больше и больше удаляться от людей. В некоторых случаях участие и дружелюбие облегчают на какое-то время его состояние. Более жестоко невротизированные личности уже не могут принять человеческое тепло. Их можно сравнить с умирающими от голода, которые могли бы взять еду, если бы руки не были связаны за спиной. Они убеждены, что их никто не сможет полю-214

бить — и это убеждение непоколебимо. И проявляется не только в любовных отношениях, а в любой ситуации. Вот пример. Один из моих пациентов хотел припарковаться перед отелем, швейцар подошел ему помочь. Увидев, что к нему идет швейцар, мой пациент в страхе подумал: «Господи, я, должно быть, припарковался не там!». Когда какая-нибудь девушка проявляла дружелюбие и шутила с ним, он считал это сарказмом. Аналитики знают, что если такому пациенту сделать искренний комплимент, например, о его уме, он будет убежден, что вы действуете только из терапевтических побуждений и не поверит вашей искренности. Недоверие это может быть в большей или меньшей степени сознательным. Дружелюбие может вызвать особенно сильную тревогу в случаях, близких к шизофрении. Мой коллега, имеющий большой опыт работы с шизофрениками, рассказывал мне о пациенте, который иногда просил его о внеочередном сеансе. Имея определенный опыт, мой друг каждый раз делал недовольное лицо, рылся в записной книжке и ворчал: «Ну хорошо, так и быть, приходите...». Он играл эту роль каждый раз, потому что знал, какую тревогу может посеять дружелюбие в таком человеке. Подобная реакция часто бывает и при неврозах. Пожалуйста, не путайте любовь с сексом. Одна пациентка как-то сказала мне: «Я совсем не боюсь секса, я ужасно боюсь любви». И в самом деле, она едва могла выговорить слово «любовь», и делала все, что было в ее силах, чтобы держать внутреннюю дистанцию от людей, проявляющих это чувство. Она

легко вступала в сексуальные отношения и достигала оргазма. Эмоционально, однако, она оставалась очень далека от своих мужчин и говорила о них с такой степенью отстраненности, с которой обычно обсуждают автомобили. Этот страх перед любовью заслуживает более подробного обсуждения. По сути, такие люди защищаются от своего страха перед жизнью — их основной тревоги, поэтому они запирают все двери и сохраняют свое ощущение защищенности тем, что отказываются выйти наружу. Часть проблемы — это их страх перед зависимостью. Так как эти люди действительно зависят от любви других и нуждаются в ней, как в воздухе, опасность попасть в мучительное зависимое положение действительно очень велика. Они тем более боятся любой формы зависимости, что убеждены во враждебности к ним других людей. Одна молодая девушка до начала анализа несколько раз завязывала любовные отношения более или менее сексуального характера, и все они кончались ужасным разочарованием. Всякий раз она была глубоко несчастна, погружа-215

лась в ощущение собственного ничтожества, чувствовала, что может жить только для этого человека и вся ее жизнь потеряна без него. На самом же деле она совершенно не была привязана к своим мужчинам и не испытывала к ним никаких особых чувств. После ряда таких переживаний ее позиция изменилась на противоположную, на сверхтревожный отказ от любой возможной зависимости. Чтобы избежать этой опасности, она полностью отключила свои чувства. Все, чего она хотела теперь — это получить власть над мужчинами. Иметь чувства или показывать их стало для нее слабостью и подлежало осуждению. Этот страх распространялся и на аналитика. Я начала работать с ней в Чикаго, потом я переехала в Нью-Йорк. Не было причин ей не отправиться со мной, так как она могла работать и в Нью-Йорке. Однако то, что ей пришлось отправиться туда из-за меня, так мучило ее, что она три месяца донимала меня, постоянно жалуясь, какое мерзкое место Нью-Йорк. Мотив был такой: никогда не уступать, никогда ничего не делать для другого, потому что это означает зависимость и потому опасно. Есть и более важные причины, по которым невротику так трудно найти удовлетворение. Но я хотела бы прежде перечислить те типичные для него пути к удовлетворению, которые, думаю, хорошо вам знакомы. Основные средства, которыми невротик пытается достичь удовлетворения своей потребности в любви — это: привлечь внимание к своей собственной любви, воззвать к жалости к себе и ...угрожать. Первое означает: «Раз я так тебя люблю, то и ты должен любить меня» [что, как мы знаем, вовсе не является обязанностью — М. Р.]. Форма может быть разная, но занимаемая позиция почти общая. Это очень распространенная установка на любовь. Все мы знакомы с их взыванием к жалости. Оно предполагает полное неверие в любовь и убежденность в базисной враждебности всех людей вокруг, поэтому невротик исходит из того, что только подчеркиванием своей беспомощности, слабости и жалкой участи можно чего-нибудь добиться. Последний довод — это угроза. Как в берлинской поговорке: «Люби меня, а не то убью». Мы сталкиваемся с таким отношением достаточно часто, как при анализе, так и в повседневной жизни. Это могут быть открытые угрозы причинить вред другому или себе; сюда же относятся угрозы самоубийства, угрозы подорвать репутацию и т. п. Они могут быть замаскированными — выражаясь, например, в форме болезни — когда какое-то из любовных желаний не удовлетворено. Бессознательно реализуемые угрозы могут приобретать самые замысловатые формы. 216

Мы наблюдаем их бесчисленное разнообразие в любовных связях, браках и отношениях врач — пациент. Как может быть понята эта невротическая потребность в любви с ее постоянной преувеличенностью, патологической навязчивостью и ненасытностью? Есть различные возможности истолкования. Многие считают, что это не более, чем инфантилизм, но я с этим несогласна. По сравнению с взрослыми, дети действительно

больше нуждаются в поддержке, помощи, защите и тепле — Ференци написал много хороших статей на эту тему. Это естественно, потому что дети беспомощнее взрослых. Но здоровый ребенок, растущий в доме, где с ним хорошо обращаются и он чувствует себя желанным, где по-настоящему теплая атмосфера — такой ребенок вполне сыт любовью. Если он упал, он пойдет к маме за утешением. Но ребенок, намертво вцепившийся в мамин передник, — уже невротик. Можно подумать, что невротическая потребность в любви — это выражение «фиксации на матери». Это вроде бы подтверждается сновидениями, в которых прямо или символически выражается желание припасть к материнской груди или вернуться в материнскую утробу. История детства таких лиц действительно показывает, что они или не получили достаточно любви и тепла от матери, или что они уже в детстве были вот так ком-пульсивно к ней привязаны. В первом случае невротическая потребность в любви — выражение упорно сохраняющегося желания во что бы то ни стало добиться материнской любви, которая не была в детстве предоставлена им свободно. Это, однако, не объясняет, почему такие дети не принимают другое возможное решение — удалиться от людей, а настойчиво выдвигают требование любви. Во втором случае можно подумать, что это прямое повторение цепляния за мать. Такое толкование, однако, просто отбрасывает проблему в более раннюю фазу, не решая ее. По-прежнему требуется объяснение, почему ребенку с самого начала это было так необходимо? Какие динамические факторы поддерживают в дальнейшей жизни установку, приобретенную в детстве, или делают невозможным уход от инфантильной установки? В обоих случаях вопрос остается без ответа. Во многих случаях очевидным истолкованием кажется то, что невротическая потребность в любви — это выражение особенно сильных нарциссических черт. Как я указывала ранее, такие люди реально неспособны любить других. Они настоящие эгоцентрики. Я думаю, однако, что слово «нарциссический» надо употреблять очень осторожно. Есть большая разница между себялюбием и тревожной эгоцентричностью. Невротики, о которых я говорю, имеют какие угодно, но только не хорошие отношения с самим собой. Как правило, они относятся к себе как 217

к злейшему врагу и нередко открыто бранят себя. Как я покажу позже, они нуждаются в любви для того, чтобы ощутить себя в безопасности и поднять свою заниженную самооценку. Есть еще одно возможное объяснение — это страх утраты любви, который Фрейд полагал присущим женской психике. Действительно, страх потерять любовь у женщин очень велик. Возникает, однако вопрос, не нуждается ли в объяснении само явление такого страха? Я считаю, что оно может быть понято, только если мы узнаем, какое значение придает человек тому, что его любят. Наконец, мы должны спросить, не является ли преувеличенная потребность в любви реальным либидонозным феноменом? Фрейд, несомненно, ответил бы утвердительно, для него сам по себе аффект — результат недостижимости сексуальной в своей основе цели. Хотя мне кажется, что эта концепция, мягко выражаясь, не доказана. Этнологические исследования указывают на то, что связь между нежностью и сексуальностью сравнительно позднее культурное приобретение. Если рассматривать невротическую потребность в любви как явление, в своей основе сексуальное, трудно будет понять, почему оно встречается и у невротиков, живущих вполне удовлетворительной половой жизнью. Более того, эта концепция неизбежно приведет нас к тому, чтобы рассматривать в качестве сексуальных феноменов не только стремление к дружеской привязанности, но также стремление получать советы, защиту, признание. Если мы подчеркиваем ненасытность невротической потребности в любви, то все явление представляет собой, в терминах теории либидо, выражение «оральной эротической фиксации» или «регрессии». Эта концепция говорит о готовности свести сложнейший комплекс психологических явлений к физиологическим факторам. Я считаю, что такое предположение не только несостоятельно, но и затрудняет наше понимание психологических явлений. Не говоря даже о валидности таких объяснений, следует

признать, что все они страдают однобокостью, фокусируясь только на одной стороне явления, будь то стремление к привязанности или ненасытность, зависимость или эгоцентризм. Нам трудно при этом увидеть явление в целом. Мои наблюдения в аналитической ситуации показали, что все эти многосложные факторы — только разные проявления и выражения одного явления. Мне кажется, что мы сумеем понять явление в целом, если увидим в нем один из путей защиты себя от тревоги. Все эти люди, как правило, страдают от повышенной базальной тревоги, и вся их жизнь показывает, что их нескончаемый поиск любви — только еще одна попытка смягчить эту тревогу. 218

Наблюдения, проведенные в аналитической ситуации, ясно показывают, что увеличение потребности в любви наступает, когда на пациента давит какая-то особая тревога, и исчезает, когда он осознает эту связь. Так как анализ неизбежно пробуждает тревогу, пациент пытается снова и снова вцепиться в аналитика. Мы можем наблюдать, например, как пациент, находясь под прессом вытесняемой ненависти против аналитика, переполняется тревогой и начинает в такой ситуации искать его дружбы или любви. Я считаю, что большая часть того, что называют «позитивным переносом» и интерпретируют как первоначальную привязанность к отцу или к матери, на самом деле — желание найти защиту и успокоение от тревоги. Девиз такого поведения: «Если ты любишь меня, ты меня не обидишь». Как неразборчивость при выборе объекта, так и навязчивость и ненасытность желания становятся понятны, если мы увидим в них выражение потребности в успокоении. Я считаю, что значительной части зависимости, в которую так легко иногда попадает пациент при анализе, можно избежать, если выявить эту связь и раскрыть ее во всех деталях. По моему опыту, мы быстрее подойдем к реально волнующим пациента проблемам, анализируя потребность пациента в любви именно как попытку оградить себя от тревоги. Очень часто невротическая потребность в любви проявляется в форме сексуальных заигрываний с аналитиком. Пациент выражает через свое поведение или сновидения, что он влюблен в аналитика и стремится к некоторого рода сексуальной вовлеченности. В некоторых случаях потребность в любви проявляется прямо или даже исключительно в сексуальной сфере. Чтобы понять это явление, мы обязаны помнить, что сексуальные стремления не обязательно выражают половую потребность как таковую — проявление сексуальности может также представлять вид ориентации на контакт с другим человеком. По моему опыту, невротическая потребность в любви тем охотнее отливается в форму сексуальности, чем тяжелее складываются эмоциональные отношения с другими людьми. Когда сексуальные фантазии, сновидения и т. п. появляются на ранних стадиях анализа, я принимаю их как знак того, что этот человек полон тревоги и его отношения с другими людьми никак не складываются. В таких случаях сексуальность — один из немногих, а может быть и единственный мост, перекинутый к другому человеку. Сексуальные стремления к аналитику быстро исчезают, когда их интерпретируют как потребность в контакте, основанную на тревоге, и это открывает путь к проработке тревог, которые и явились причиной прихода к аналитику. Такое истолкование помогает нам понять некоторые случаи 219

к злейшему врагу и нередко открыто бранят себя. Как я покажу позже, они нуждаются в любви для того, чтобы ощутить себя в безопасности и поднять свою заниженную самооценку. Есть еще одно возможное объяснение — это страх утраты любви, который Фрейд полагал присущим женской психике. Действительно, страх потерять любовь у женщин очень велик. Возникает, однако вопрос, не нуждается ли в объяснении само явление такого страха? Я считаю, что оно может быть понято, только если мы узнаем, какое значение придает человек тому, что его любят. Наконец, мы должны спросить, не является ли преувеличенная потребность в любви реальным либидонозным феноменом? Фрейд, несомненно, ответил бы утвердительно, для него сам по себе аффект — результат

недостижимости сексуальной в своей основе цели. Хотя мне кажется, что эта концепция, мягко выражаясь, не доказана. Этнологические исследования указывают на то, что связь между нежностью и сексуальностью сравнительно позднее культурное приобретение. Если рассматривать невротическую потребность в любви как явление, в своей основе сексуальное, трудно будет понять, почему оно встречается и у невротиков, живущих вполне удовлетворительной половой жизнью. Более того, эта концепция неизбежно приведет нас к тому, чтобы рассматривать в качестве сексуальных феноменов не только стремление к дружеской привязанности, но также стремление получать советы, защиту, признание. Если мы подчеркиваем ненасытность невротической потребности в любви, то все явление представляет собой, в терминах теории либидо, выражение «оральной эротической фиксации» или «регрессии». Эта концепция говорит о готовности свести сложнейший комплекс психологических явлений к физиологическим факторам. Я считаю, что такое предположение не только несостоятельно, но и затрудняет наше понимание психологических явлений. Не говоря даже о валидности таких объяснений, следует признать, что все они страдают однобокостью, фокусируясь только на одной стороне явления, будь то стремление к привязанности или ненасытность, зависимость или эгоцентризм. Нам трудно при этом увидеть явление в целом. Мои наблюдения в аналитической ситуации показали, что все эти многосложные факторы — только разные проявления и выражения одного явления. Мне кажется, что мы сумеем понять явление в целом, если увидим в нем один из путей защиты себя от тревоги. Все эти люди, как правило, страдают от повышенной базальной тревоги, и вся их жизнь показывает, что их нескончаемый поиск любви — только еще одна попытка смягчить эту тревогу. 218

Наблюдения, проведенные в аналитической ситуации, ясно показывают, что увеличение потребности в любви наступает, когда на пациента давит какая-то особая тревога, и исчезает, когда он осознает эту связь. Так как анализ неизбежно пробуждает тревогу, пациент пытается снова и снова вцепиться в аналитика. Мы можем наблюдать, например, как пациент, находясь под прессом вытесняемой ненависти против аналитика, переполняется тревогой и начинает в такой ситуации искать его дружбы или любви. Я считаю, что большая часть того, что называют «позитивным переносом» и интерпретируют как первоначальную привязанность к отцу или к матери, на самом деле — желание найти защиту и успокоение от тревоги. Девиз такого поведения: «Если ты любишь меня, ты меня не обидишь». Как неразборчивость при выборе объекта, так и навязчивость и ненасытность желания становятся понятны, если мы увидим в них выражение потребности в успокоении. Я считаю, что значительной части зависимости, в которую так легко иногда попадает пациент при анализе, можно избежать, если выявить эту связь и раскрыть ее во всех деталях. По моему опыту, мы быстрее подойдем к реально волнующим пациента проблемам, анализируя потребность пациента в любви именно как попытку оградить себя от тревоги. Очень часто невротическая потребность в любви проявляется в форме сексуальных заигрываний с аналитиком. Пациент выражает через свое поведение или сновидения, что он влюблен в аналитика и стремится к некоторого рода сексуальной вовлеченности. В некоторых случаях потребность в любви проявляется прямо или даже исключительно в сексуальной сфере. Чтобы понять это явление, мы обязаны помнить, что сексуальные стремления не обязательно выражают половую потребность как таковую — проявление сексуальности может также представлять вид ориентации на контакт с другим человеком. По моему опыту, невротическая потребность в любви тем охотнее отливается в форму сексуальности, чем тяжелее складываются эмоциональные отношения с другими людьми. Когда сексуальные фантазии, сновидения и т. п. появляются на ранних стадиях анализа, я принимаю их как знак того, что этот человек полон тревоги и его отношения с другими людьми никак не складываются. В таких случаях сексуальность — один из немногих, а может быть и единственный мост, перекинутый к другому человеку. Сексуальные стремления к аналитику быстро исчезают,

когда их интерпретируют как потребность в контакте, основанную на тревоге, и это открывает путь к проработке тревог, которые и явились причиной прихода к аналитику. Такое истолкование помогает нам понять некоторые случаи 219

преувеличенных сексуальных потребностей. Излагая проблему кратко, я лишь скажу, что люди, чья невротическая потребность в любви выражается через сексуальность, склонны вступать в одну связь за другой, как будто под принуждением. Они и не могут вести себя по-другому, потому что их отношение с другими людьми слишком разлажены. Поэтому они так тяжело переносят половое воздержание. Все, что я до сих пор говорила о людях с гетеросексуальными наклонностями, применимо и к людям с гомосексуальными и бисексуальными тенденциями. Большая часть того, что кажется гомосексуальными склонностями, или интерпретируется таким образом, на самом деле нередко является выражением невротической потребности в любви. И, наконец, связь между тревогой и преувеличенной потребностью в любви приводит нас к новому пониманию Эдипова комплекса. Фактически, все проявления невротической потребности в любви можно обнаружить в том явлении, которое Фрейд описал как Эдипов комплекс: привязанность к одному из родителей, ненасытность потребности в любви, ревность, чувствительность к отвержению и сильная ненависть в ответ на отвержение. Как вы знаете, Фрейд считал Эдипов комплекс филогенетически детерминированным в своей основе. Наш опыт работы со взрослыми пациентами, однако, заставляет нас задуматься над тем, насколько эти детские реакции, прекрасно описанные Фрейдом, обусловлены тревогой, возникающей уже к этому периоду времени. Этнологические наблюдения позволяют усомниться, что Эдипов комплекс — биологически детерминированное явление (учитывая факты, на который уже указывали Бем и другие). История детства невротиков, у которых особенно сильна привязанность к отцу или к матери, всегда полна таких обстоятельств, которые вызывают у ребенка тревогу. Чаще всего в таких случаях ребенка запугивают, а это пробуждает в нем враждебность и одновременно — снижает его самооценку. Я не могу сейчас подробно обсуждать причины, по которым вытесненная враждебность легко приводит к тревоге. В самом общем смысле можно сказать, что у ребенка возникает тревога, потому что он чувствует, что выражение его враждебных побуждений угрожало бы его безопасности и всему существованию. Этим последним замечанием я вовсе не отрицаю существования и важности Эдипова комплекса. Я хотела бы только понять, насколько универсально это явление и до какой степени оно обусловлено невротичностью родителей. И, наконец, я хочу кратко пояснить, что я понимаю под повышенной базальной тревогой. В смысле «тревоги живого существа» (Angst der Kreatur) — это общечеловеческое явление. 220

У невротика эта тревога преувеличена. Кратко ее можно описать, как чувство беспомощности во враждебном и всесильном мире. По большей части, человек не осознает эту тревогу как таковую. Он отдает себе отчет в ряде тревог самого разного содержания: страх перед грозой, страх перед улицами, боязнь покраснеть, страх заразиться, страх перед экзаменами, страх перед железной дорогой и т. п.. Эти страхи, конечно, жестко определяются спецификой каждого конкретного случая. Но если мы посмотрим глубже, мы увидим, однако, что все эти страхи происходят от повышенной базальной тревоги. Есть различные пути защитить себя от базальной тревоги. В нашей культуре чаще всего встречаются следующие способы. Первый — невротическая потребность в любви, девиз которой, как уже упоминалось: «Если ты любишь меня, ты меня не обидишь». Второй — подчинение: «Если уступать, всегда делать то, что от тебя ждут, никогда ничего не просить, никогда не сопротивляться — никто тебя не обидит». Третий путь был описан Адлером и в особенности Кюнкелем. Это компульсивное стремление к власти, успеху и обладанию под девизом: «Если я всех сильнее и выше, меня

не обидишь». Четвертый путь — это эмоциональное дистанцирование от людей, как способ достижения безопасности и независимости. Одна из важнейших целей такой стратегии — стать неуязвимым. Еще один путь — это судорожное накопительство, которое в таком случае выражает не патологическое стремление к обладанию, а желание обеспечить свою независимость от других. Очень часто мы видим, что невротик избирает не один путь, а пытается смягчить свою тревогу самыми различными путями, часто противоположными и даже взаимоисключающими. Чаще всего это в свою очередь приводит к новым неразрешимым конфликтам. Как мне представляется, одним из самых типичных невротических конфликтов нашей культуры является конфликт между судорожным, безумным желанием всегда быть первым и одновремененно — стремлением быть всеми любимым. Эта лекция основана на книге автора «Невротическая личность нашего времени» (New York, W. W. Norton. Co. Inc, 1937). 221

ФОНД ВОЗРОЖДЕНИЯ РУССКОГО ПСИХОАНАЛИЗА ВОСТОЧНОЕВРОПЕЙСКИЙ ИНСТИТУТ ПСИХОАНАЛИЗА Россия, 197349, Санкт-Петербург, АЯ 645. Факс: (812) 552- 44-24. Компьютерная почта: FACTOR.SPB.SU Презентация В советский период истории России было репрессировано несколько областей знаний, в том числе — философский, клинический и прикладной психоанализ. Государственный Психоаналитический Институт был закрыт в 1925 году, многие из его специалистов были репрессированы или вынужденно сменили профиль научной и практической деятельности. На протяжении последующих десятилетий даже упоминание о психоанализе в литературных источниках допускалось лишь в критическом плане, работы 3. Фрейда, его многочисленных учеников и последователей были изъяты из всех библиотек, запрещена психоаналитическая практика и преподавание психоанализа. В связи с упомянутыми событиями на длительный период времени единственной официальной методологией в России стала философия марксизма, а преобладающими методами отечественной психотерапевтической школы — биологически-ориентированные и директивные (фарм-препараты и гипноз). Аналогичные подходы использовались в педагогике, психологии, культурологии и социальной практике. В соответствии с переменами в общественной и политической жизни страны в 1991 году группой ученых-энтузиастов в Санкт-Петербурге был вновь основан Институт Психоанализа, а затем — в 1993 году — Фонд Возрождения Русского Психоанализа, объединивший на профессиональной основе специалистов государственных и негосударственных учреждений, а также частных лиц, заинтересованных в популяризации и развитии психоанализа в России. Основными целями этих организаций являются: возрождение российской школы психоанализа, возобновление фундаментальных и прикладных исследований, оказание современной психотерапевтической помощи населению, а также подготовка квалифицированных специалистов в области философского, клинического и прикладного психоанализа. В настоящее время Институт объединяет 39 специалистов высшей квалификации — профессоров, докторов и кандидатов наук — в области философии, психологии, медицины, культурологии и педагогики. С 1992 года на базе пока единственного в России и СНГ факультета психоанализа впервые в отечественной практике начат 4- летний курс подготовки дипломированных специалистов-аналитиков из числа лиц с высшим образованием. В настоящее время в Институте обучается более 400 студентов из всех стран Содружества. Институт ведет издательскую деятельность, выполняет ряд фундаментальных и прикладных исследований по актуальным проблемам медицины, психологии и социальной практики, специалистами Института осуществляется консультативная и лечебная помощь, а также проводится независимая психолого-психиатрическая экспертиза. Институт и Фонд приглашают к контактам и сотрудничеству все заинтересованные организации, учебные и научно-исследовательские центры, а также частных лиц, разделяющих их цели и задачи.